

ЧЕРНОБЫЛЬ. РЕАЛЬНЫЙ МИР

ЖИВАЯ СИЛА.
ДНЕВНИК
ЛИКВИДАТОРА

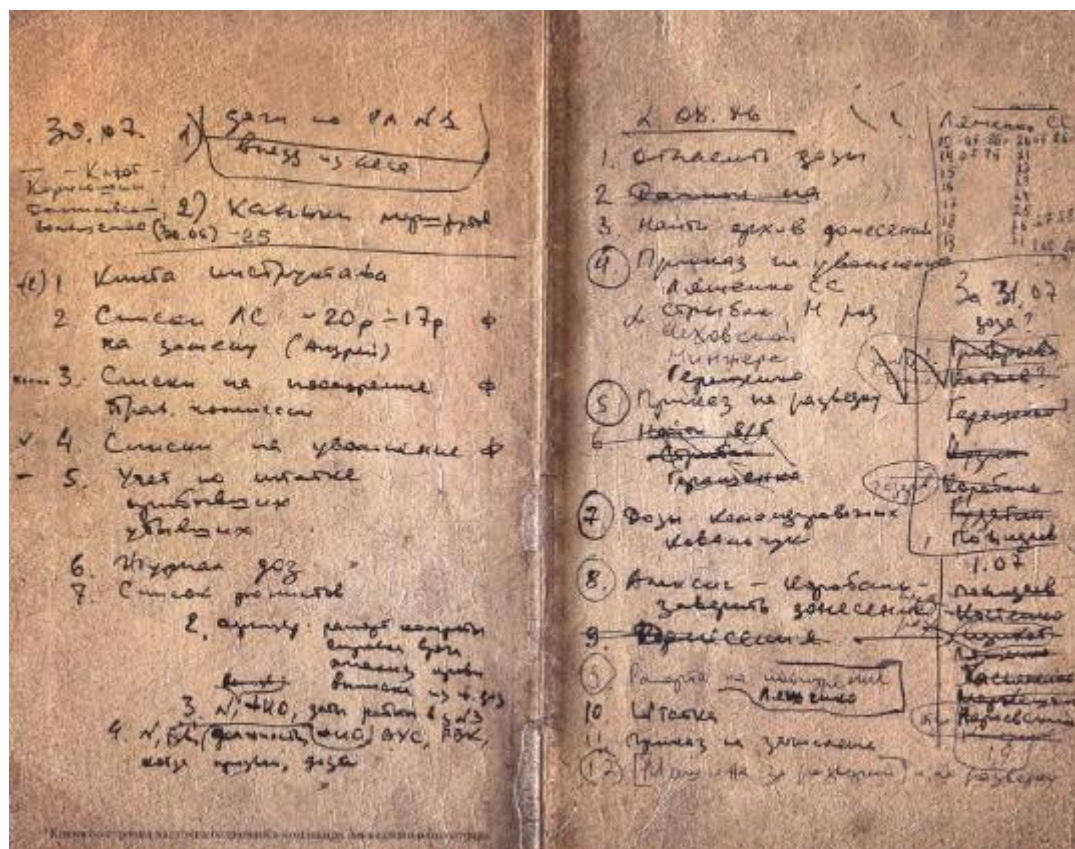
Annotation

Эта книга о победителях Чернобыля.

О радиационных разведчиках, их комических и драматических приключениях в зоне вокруг взорвавшегося чернобыльского реактора в 1986 году. Герои романа и Чернобыля выходят из этих испытаний с юмором, достоинством и новым знанием — взвешенным и неожиданно оптимистичным.

Сергей Мирный

Живая сила. Дневник ликвидатора

Способность человеческих существ выживать — в одиночку и совместно — в самых тяжелых условиях, которые создает природа и сами эти существа, просто-таки поразительна.

Suefeld P. *Extreme and Unusual Environments*.

In *Handbook of Environmental Psychology*, vol 1, ed. Stokols D., Altman T., 863–887. New York: Wiley

1987. P. 878.

(Сюфельд П. Экстремальные и необычные среды.

В кн.: *Психология человека в окружающей среде* (Учебник). Т.

1. С. 863–887. Нью-Йорк, Вайли,

1987. С. 878.)

РАДИАЦИЯ (радиоактивное излучение, ионизирующее излучение) — невидимые глазу частицы и энергия, испускаемые в пространство неустойчивыми ядрами атомов (радионуклидами) при распаде. Радиация — важный

*экологический фактор, воздействующий на живые
организмы.*

Энциклопедия по охране труда

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ

ОТ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР

[1]

Как уже сообщалось в печати, на Чернобыльской атомной электростанции, расположенной в 130 километрах севернее Киева, произошла авария. На месте работает правительственная комиссия под руководством заместителя Председателя Совета Министров СССР т.[\[2\]](#) Щербины Б.Е. В ее состав вошли руководители министерств и ведомств, видные ученые и специалисты.

По предварительным данным, авария произошла в одном из помещений 4-го энергоблока и привела к разрушению части строительных конструкций здания реактора, его повреждению и некоторой утечке радиоактивных веществ. Три остальных энергоблока остановлены, исправны и находятся в эксплуатационном резерве. При аварии погибли два человека.

Приняты первоочередные меры по ликвидации последствий аварии. В настоящее время радиационная обстановка на электростанции и прилегающей местности стабилизирована, пострадавшим оказывается необходимая медицинская помощь. Жители поселка АЭС[\[3\]](#) и трех близлежащих населенных пунктов эвакуированы.

За состоянием радиационной обстановки на Чернобыльской АЭС и окружающей местности ведется непрерывное наблюдение.

*Газета «Правда» (орган Центрального комитета
Коммунистической партии Советского Союза)
от 30 апреля 1986 года (страница 2, правый
нижний угол — самое нечитаемое,
«потайное» место в газете)*

ДОРОГА В ЧЕРНОБЫЛЬ

Адаптация к радиации

— Адаптация — к РАДИАЦИИ?

Конрадин Кройцер, редактор эко-бюллетеня «*Них*»^[5], удивленно воззрился на меня.

Год 1993-й. После Чернобыля прошло 7 лет. Я только что закончил публичную лекцию в швейцарском городе Базеле.

— Ну да, — повторил я, пожав плечами, — а что тут такого?... Адаптация к радиации.

Мы смотрели друг на друга как с разных берегов речки: только один ее давно перешел и думать забыл, что она есть, а другой и не подозревал о ее существовании:

— АДАПТАЦИЯ, то есть привыкание, приспособление — к *радиации*?!!

...Первый облученный человек в моей жизни был Женя. Химфак университета он закончил на несколько лет позже меня, а в Чернобыль в 1986 году попал месяца на полтора раньше — в мае. От него-то я и узнал, что *там* первые 3 дня человек сидит в лагере — в зону не ездит. Чтоб организм адаптировался.

Так я и не узнал, правда это или нет. Когда я, свято уверенный, что так оно и есть, по прибытии на следующее утро вышел поглядеть, как колонна моей новой роты выезжает на разведку, старый, уже сдающий дела командир роты махнул мне: «Поехали! Чего стоишь?» И ребята из моего взвода замахали руками приглашающе: «Давай, поехали, товарищ лейтенант! В наш броник!» Ничего не оставалось, как в этот самый броник — бронированную разведывательно-дозорную машину — залезть.

Первый выезд — по Рыжему Лесу...

Едем по трассе, ребята показывают поверх сосен, вдалеке — «Вон АЭС, а вон то — 4-й энергоблок виднеется...» Здание как здание — промышленное длинное белое; энергоблок, как коробка, над ним выступает, все вроде целое... Как раз там, где видно было лучше всего — на повороте трассы «у Факела», раскрашенной бетонной эмблемы Чернобыльской АЭС, — мы и намеряли больше всего: 1200 миллирентген в час — 1,2 рентгена в час... Это приблизительно... Ну, что-то около ста тысяч нормальных природных уровней радиации... Короче, съездили.

Вернулись.

Поужинали.

Лег спать.

Ничего.

В смысле физических ощущений — ничего.

А на второй день проснулся, когда еще и 5 утра не было, наверно.

И порыскал через освещенный солнцем, какой-то прозрачный, пустой, нереальный спящий палаточный лагерь — в сортир.

Пардон, по-большому.

И до подъема — до 6.00 — еще посетил его. Трижды.

Так сказать, «по тому же вопросу».

Странно... Обычно, когда попадаешь в армию, проблемы как раз «наоборот»: все эти каши армейские постоянные, плюс, наверно, нервный стресс, плюс непривычный режим — в итоге первые дни делаешь это — если вообще делаешь — скорее по привычке, чем по необходимости.

Что ж я такого съел? Да ничего вроде... Странно.

Ой, опять!..

Медпункт! Я ж знаю, где палатка батальонного медпункта! Над ней белый флаг с жирным красным крестом развевается...

Только б она была открыта... Пару таблеток активированного угля — и все будет в норме. С кем не бывает...

Вход в палатку застегнут на пуговицы — продолговатые беленькие деревяшки. Вертикальный ряд до пола. Расстегиваю... Прохожу темный тамбур — на полусвет из шатра палатки. Пустота, чистота... Сбоку от окошка столик, прикрытый марлей. Приподнимаю... Скляночки, баночки, таблеточки... Роюсь... Активированного угля нет.

А больше тут и искать негде: топчан, покрытый клеенкой, и больше вообще ничего нет. Проклятье! Медпункт батальона радиационной разведки...

До завтрака — 6.30 — еще несколько посещений сортира...

Да что ж это такое?!

Есть побоялся (хоть хотелось так, что еле-еле сдержался), выпил чая, пожевал корку хлеба.

Подлавливаю начмеда — начальника медицинской службы батальона, тоже лейтенант из запаса, только старший: с достоинством шествует на завтрак, на гордо расправленных плечах погоны со змеями несет. Спрашиваю. И... *Оказывается, в медпункте батальона вообще нет активированного угля.* Ни одной таблетки. На 500 человек!

Шиплю ругательства сквозь сжатые зубы...

Черт побери! В сортир опять хочется...

А НАДО — на разведку: колонна бронированных машин роты вытянулась, ждет.

Ну, поехали...

Ощущение — как гранату проглотил, круглую оборонительную Ф-1, «лимонку», с радиусом разлета осколков 200 метров...

В Чернобыль приехали на стоянку, вроде полегчало... Но чувствую — опять поджигает... Едем на разведку — маршрут Рыжий Лес-2 — КА-РА-УЛ!! Что сейчас будет?!

По трассе машины одна за одной, как на центральной улице... Да и ребят просить остановить... Неудобно... Выехал, называется, на разведку!.. Ну — потерплю, пока свернем... Если смогу... Терплю... Еле терплю...

Свернули с трассы... Ну сейчас остановимся — и тогда!!!

Ну — еще миг! Сначала сделаем работу, замеряем уровень, потом я вроде невзначай, типа в порядке отдыха: «Пожалуй, схожу-ка я за кустики», как бы резвлюсь...

Дозиметрист спрыгивает, на ходу перехватывая поудобней дюралевый держак с зондом, делает несколько шагов от машины к кустам. Ну! не тяни ж ты...

Спрыгнуть с броники, сказать «подождите», зайти за куст, спустить штаны до колен — и - о!

«29 миллирентген в час».

...Спрыгнуть с бреника, зайти за куст, спустить штаны и присесть — свесив яйца на *29 миллирентген в час...*

Это, в общем-то, и немного... (черт побери! что значит немного?! Это *2000 (две тысячи) нормальных уровней!*) — немного...

Но сесть на корточки...

Я только зубами закричал: «Поехали».

...а если с бреника? Рукой за скобу, а задницу свесить за бреник — полтора метра высоты... Я представил себе «бреник, вид сзади»: вертикальный кормовой лист брони — расписанный веером разлетающихся «осколков»...

— ПОЕХАЛИ.

2-й замер — в селе без людей, и следующий, и все последующие: дозиметрист меряет — цифра, соотносишь ее — с чем?! — с чем ты ее, к черту, можешь соотнести?!..

...присесть на эту землю, опустив яйца, все «приданное имущество», потроха — к земле...

И так и ездил я до конца маршрута, желая, изнемогая и не смея. И терзаясь! — о, как терзаясь... Что — муки неразделенной любви?! — утонченное наслаждение жизнью — в сравнении с ЭТИМ!..

Кидаемый из жара в холод, и из стороны в сторону на ухабах и кочках, и из холода в жар, покрываясь испариной от невероятных усилий, протрясаясь в нутре бреника весь этот маршрут.

И все время, когда мы уже ехали по дороге — по трассе мимо АЭС и на Чернобыль, — все время лихорадочно прикидывал, глядя на обочину — то на левую, то на правую: «Здесь? А какой там уровень? А вон там?... Уже проехали... А тут — голяк, ни кусточка! Ладно... Там? Людей много... Машин по трассе до черта!» В голове ватная каша... Сцепленные зубы... только слюну сглатываешь — когда можешь...

Наконец дорываешься до сортира.

Встаешь — обновленный, легкий... Минут на 15.

И все начинается опять.

...Кто-то из советских фигуристов... ну, не то чтоб жаловался, а так — обращал внимание: когда штангист толкает штангу, ему позволительна любая гримаса (а также рык, гrr и пр.), а фигурист, толкая вверх свою партнершу — тоже отнюдь не невесомую — и которую, в отличие от штанги, уронить не мог! — да еще на скорости, на льду!! — должен мило улыбаться, как бы от счастья млея. Вот так и я, тратя 105 % имеющихся сил, чтоб не урваться, чтоб мышцами живота, брюшины давить, ежемгновенно держать — эту клятушку периодически взрывающуюся «лимонку» в животе, — давя, мня, жмя внутри этот взрыв, — одновременно ходил, залезал в бреник, прыгивал с него, получал приказания, отдавал приказания, улыбался где надо — чувствуя себя как фигурист, завидующий штангисту — и еще как завидуя фигуристу! И желая каждую минуту — миг каждый!!! — одного — одного-единственного!!! — спустить штаны и сидеть в любом скрытом от людского взора месте, пусть даже сортире наизагаженнейшем — счастливо... Где тут поблизости?!..

...Хорошо хоть отдавание чести старшим в Чернобыле было похерено в те дни всеми, а то, боюсь, с честью у меня в эти дни получилось бы неважно...

И я ж никуда не могу от этого деться! Не могу ж я отказаться ехать в разведку — «Извините у меня расстройство» — ржачка будет на весь лагерь: «А новый лейтенант не успел съездить, а уже

усрался по колено!» А если я этой напасти — вообразить страшно! — где-то на разведке не сдюжу, так я до конца своей черновыльсской карьеры, что б я ни делал, буду — «А-а, это тот лейтенант, который...»

На третий день сил моих на поддержание положенного по уставу «молодцеватого вида» уже не хватало; по-моему, у меня температура поднялась, лихорадило, я уже ничего из себя не изображал и сконцентрировался вокруг одной, основной, главной, основополагающей цели:

НЕ УСРАТЬСЯ.

И на маршруте разведки Пруд-охладитель так меня скрутило, что я забился в глубь броника, как куль, будто додремываю...

...В этот день я в первый раз был допущен в штаб. Показал часовому — обтерханному и апатичному «партизану»^[6] — свой пропуск — прямоугольник плотной бумаги с моей фамилией и инициалами, с пустой круглой печатью, внутри нее «№ 16» (и все, больше никаких опознавательных знаков! — чтоб враг повесился от любопытства, но так и не узнал, куда ж он по этому пропуску может проникнуть...) — я первым делом устремился на поиски сортира. Сортир в штабе, в здании бывшего Чернобыльсского райкома партии^[7] и райисполкома, обеспечивал интимность: кабинки были разгорожены, и даже створки спереди прикрывались. Мечта... Я уединился.

Счастливый — говорю это без тени иронии и преувеличения — *счастливый*, понес я данные в разведотдел, чувствуя себя могучим, легким и невесомым...

Минут на 10.

И тут меня осенило — в штабе ж должен быть медпункт!

И лучше, чем в лагере, — уж активированный-то уголь там есть!

Нашел. Узковатая комната, с окном в торце. Цивильного вида молодой холеный доктор и молодая же медсестра — волнистые, с волнующим отливом волосы. Белые халаты...

— Добрый день. — Мои побитые рыжие б/у^[8] сапоги, еще коробом сидящая новая форма — резкий контраст этому стерильному уюту. Я как можно вежливее и одновременно с замиранием сердца:

— Добрый день, извините, у вас активированного угля не найдется?

Прервав любезный разговорчик, доктор Немного покопался и подал мне... Не-е-ет, не упаковку, 10 таблеток, о которой я жгуче мечтал, а заранее отрезанную от нее прозрачную полоску с двумя таблетками.

— А еще не найдется? — выпалил я, вулкан внутри меня уже всю бурлил...

— Ну вообще-то мы по столько не даем... — и он подал мне еще одну полоску.

...4 таблетки лекарства, вся упаковка 10 штук которого стоит четыре копейки! О бессмертная — в отличие от своих пациентов — *бессмертная* советская военная медицина!..

И, протягивая мне эту полоску жалкую, они обменялись с медсестрой такими понимающе-насмешливыми взглядами отлично себя чувствующих людей... ЧТОБ ВЫ УСРАЛИСЬ!

Я, собрав в кулак всю свою волю (или чем там я счас сдавливаю свои потроха!), не спеша, неторопливо (держусь из последних сил!!) прячу шелестящие полоски в офицерскую сумку (не хватало только в главном штабе ...!!!) и, улыбаясь как можно обаятельней:

— Большое спасибо. А то самогон ну такой вонючий — просто сил нет. Теперь хоть есть чем почистить. Спасибо от всего коллектива. Выручили. Выпьем и за ваше здоровье. Обязательно.

Я защелкнул сумку и прочувствованно, честно посмотрел им в глаза...

Закрываю дверь — неторопливо, с достоинством, вполне благополучный и уверенный в себе человек...

...два вытянувшихся лица смотрят на меня как загипнотизированные — уязвленные в лучших своих чувствах... Так вам и надо, крысы тыловые, благодетели копеечные...

...и едва прикрыв — пулей в сортир!!!!

Занято!!!! Все кабинки в бывшем райкомовском туалете, рассчитанном на совсем иной ритм жизни, — заняты!!! Черт побери! Я изо всех сил сдерживаюсь, обжимая мышцами живота, обжимая, обжимая уже разорвавшуюся внутри «лимонку», сдерживаясь, прохаживаюсь перед рядом кабин, поднимаюсь на цыпочки, тяну шею, голову назад, закусываю верхнюю губу, весь внутри, из последних сил, прошагиваю пространство от окна до дверей — обратно, мимо кабинки, обратно... Чтоб вы пропали!.. Во-о-от — плотный майор вышел, одергивая куртку, — возжеленное очко освободилось, у меня еще хватает сил не спеша, как бы нехотя войти... Ка-айф...

Потом запил сразу две таблетки водой из-под крана... А туалет, хоть и в таком не последнем месте, как штаб Оперативной группы Министерства обороны СССР, все ж изрядно вонюч... Загадили... Кто ж рассчитывал на такую «пропускную способность»...

...И снова походы — побеги! — полеты... — в сортир!!!

Выходишь легкий, прозрачный, как стеклышко, звенишь от пустоты (который день не жрешь!), как младенец невинный светишься...

10 минут — новая «лимонка»... И опять!

Пропади все пррропадом!

А на следующий день...

Я открыл глаза.

И понял, что спал спокойно. Умиротворенно гляжу в потолок палатки. Но на всякий случай на завтрак — только чай.

Новый маршрут разведки...

Нормально. Какое ж это счастье — каждую секунду не... ну, понятно.

К обеду я уже хлебал из чьего-то котелка одолженной ложкой (свой котелок, совсем новый, до сих пор не удосужился отмыть кипятком от густой солидольной смазки).

В лагере взял у старшины чистый комплект белья и пошел — впервые за все эти дни без просвета — в баню...

Должен честно признаться: не один раз за эти дни бывало: изнемогаешь под этим напором изнутри, чувствуешь — надо, пардон, газы выпустить, только разожмешься... и тут же ощущаешь, что это, мягко говоря, совсем не газы, — сдавливаешь — поздно!.. — успело просклизнуть: ощущение, забытое с детства... через какое-то время от тепла тела *это* подсыхает (а «лимонка» внутри уже опять сдетонировала — где сортир?!)..

Посему после бани старые шмотки — тонкие летние кальсоны и нательную рубашку — я очень тщательно одно в другое позаворачивал. Занес этот свой тючок в палатку старшины, где он жил (спал) и хранил скарб ротный, и закинул на гору грязного исподнего в углу (такой себе «апофеоз войны» в

миниатюре), тщательно проследив, чтоб «мое» смешалось с другими неразличимыми комками несвежего белья. Чтоб старшина, разворачивая все это — пересчитывая перед отвозкой в прачечный отряд, — не смог случайно идентифицировать мое...

И умелся из палатки с барахлом старшины, ощущая себя легко.

Адаптация к радиации состоялась.

Главный прибор

Год 1983-й. Лето.

До Чернобыля — 3 года. О чем никто не подозревает.

Развертывание.

Кадрированный^[9] батальон радиационно-химической разведки — единственный на весь немаленький Киевский военный округ, охватывающий центр и восток Украинской ССР^[10], разворачивается в полк.

Полк радиационно-химической разведки.

На месяц.

Учебные военные сборы.

На роту — сотню человек — один кадровый военный. Командир роты.

Все остальные — «партизаны»: из запаса, резервисты.

В нашей роте кадровых вообще нет — командир роты тоже «партизан», Николай, старший лейтенант запаса.

А самый старший по званию в роте — Сэм, командир 1-го взвода — капитан.

Сэм — Семен — кандидат биологических наук. Старший научный сотрудник института медрадиологии. Красавец-бородач, остроумный, живой, жизнелюбивый. Еврей. Сэм — по возрасту один из самых старших в роте и, наверно, самый мудрый.

А я — один из самых молодых. В своем 3-м взводе я — командир — моложе почти всех. Лейтенант.

...Имитация начала атомной войны. Весело...

Во время перекура Сэм:

— А как ты думаешь — какой прибор в БРДМе главный?

БРДМ (точнее, БРДМ-2рх) — бронированная разведывательно-дозорная машина, модель 2, дооборудованная для ведения, кроме обычной, еще и радиационной и химической разведки.

Внешне похож на широкий катер с четырьмя колесами. Под боковыми листами брони спрятаны еще две пары дополнительных колес, поменьше: когда они выпускаются из-под брюха, БРДМ может переползать через рвы и окопы.

Вес 7 тонн. Мотор 140 лошадиных сил.

Экипаж — 4 человека: командир, водитель, стрелок, химик-разведчик.

Наверху на вращающейся бронебашне — два спаренных пулемета: КПВТ — крупнокалиберный пулемет Владимирова танковый (диаметр пули 14,5 миллиметра, прицельная дальность — отличный оптический прицел! — 1,5 километра, но и за 3 километра пехота залегает, когда эти считай что микроснаряды диаметром полтора сантиметра начинают рядом в землю чвакать — «неприцельно») — и противопехотный 7,62 мм ПКТ — пулемет Калашникова танковый.

Броня защищает не только от пуль и осколков, но и на две трети от гамма-излучения (внутри проходит только треть того, что снаружи).

Корпус герметизирован, и есть фильтр для очистки закачиваемого внутрь заборного воздуха — при движении по местности, зараженной химическим, биологическим оружием или радиоактивными веществами. При этом в запечатанном бронике поддерживается избыточное давление, чтоб, если есть неплотности, воздух по ним уходил из броника наружу и тем самым не давал «зараженному» заборному воздуху и пыли просачиваться вовнутрь...

Система поддержания давления в шинах, если их продырявит пулей или осколком (не очень сильно, правда).

В воде броник не тонет. На плаву скорость — до 8 км/ч. По шоссе — до 110. Из грязи сам себя лебедкой вытаскивает...

И приборов в нем напихано немало...

Какой же из них самый главный? Сразу и не сообразить...

Нет, надо представить себе, как это будет реально.

Вот — война...

Раньше как? Для наступления в обороне противника выискивали самое слабое место и против него концентрировали свои войска для создания превосходства «в живой силе и технике», чтоб прорвать фронт... А сейчас все наоборот: определяется *самое сильное место* противника, по нему наносится ЯДЕРНЫЙ УДАР, самое сильное место сразу становится самым слабым, в прорыв вводятся войска, и *на повышенной скорости* (скорость — чтоб быстрее «зараженную местность» проскочить, чтоб меньше (по возможности, разумеется) свою «живую силу» облучать — а то она, чего доброго, «боеготовность» потеряет...), подавляя очаги сопротивления противника, преодолевают зараженную местность с высокими уровнями радиации — и выходят в тыл противника... Противнику, кстати, вся эта процедура тоже может очень сильно не понравиться, он «окажет (например) ожесточенное сопротивление» и по тому ж таки месту — по нашим «победоносным войскам» то есть — тоже какой-нибудь дрянью запуляет... А впереди всех — между нашими и «вашими» — радиационно-химическая разведка... Замечательно...

Какой же прибор в такой обстановке главный?

Артиллерийская буссоль? Давать артиллеристам целеуказание, чтоб они эти самые «очаги сопротивления» огнем подавляли — противник же, гад, небось, и отстреливаться будет: кому ж понравится, когда тебя в «слабое место» превращают?...

Бортовой встроенный рентгенометр? Высокие уровни радиации мерять, из машины не вылезая? Как-никак, внутри гамма-уровень в 3 раза меньше по сравнению с тем, что «на дворе»...

Или, наоборот, ДП-5 — дозиметрический прибор, его химик-разведчик на ремне тягает — мерять уровни радиации точнее?

ВПХР — войсковой прибор химической разведки? Еще один «черезплечный ящичек» — определять наличие и концентрацию боевых ОВ — отравляющих веществ — удушающего, парализующего, кожно-нарывного действия?...

Рация! Чтоб все эти данные своим передавать!

Или самое главное — обозначить заражение на местности? Для этого есть «флажки» — стальные пруты в палец толщиной, метр с чем-то длиной, заостренные внизу, вверху желтый флажок; на нем пристрочен кармашек, куда полагается вкладывать записку: название ОВ и его концентрация (или уровень радиации), дата-время замера, подпись... Специальные пиропатроны востреливают эти «дротики» в землю, — да с такой силой, что они могут пробить доску-«пятидесятку» (толщиной 5 сантиметров!), — а

если развернуть «дротикострелятельную» установку под углом 45 градусов к земле (что, конечно ж, категорически запрещено) — то «дротики» летят метров на 80, при случае и отстреливаться от врага можно...

Да нет же, о чем я? Биоанализатор автоматический! Он, наверно, и самый дорогой из приборов: определяет наличие в воздухе вирусов-микробов-бактерий болезнетворных, если противник биологическое оружие применил...

...Много чего в БРДМе напакковано — и - о-о-ох! — много чего — «в случ-чего» — от него понадобится...

Но какой же из приборов *главный*?!

— Н-ну, наверное, — говорю я, — н-наверное...

Сэм так грустно на меня взглянул:

— ЧЕЛОВЕК.

— То есть?...

— Человек. Самый главный прибор в машине радиационно-химической разведки — ЧЕЛОВЕК. Пока ты чирикаешь что-то там по радиции, значит, и другой человек может пройти. Перестал — что-то не так, надо новый экипаж высылать.

...Развертывание полка экзотического вида войск — радиационно-химической разведки.

Опушка хвойного леса — Харьковская область, Украинская ССР, Союз Советских Социалистических Республик. Лето 1983-го. До Чернобыля 3 года...

Воспоминания закончены.

Перехожу к существу.

В экспериментальных науках перед тем, как излагать результаты и выводы, положено не только описать условия, в которых эксперимент проводился, — но и тот прибор, которым делались измерения. Чтоб знать его возможности и их пределы. Знать, где ему можно доверять, а где нельзя.

Следуя этому здоровому профессиональному правилу, с учетом ценного замечания Сэма (1983), сообщаю основные, как выразились бы военные, ТТХ «главного прибора».

Приложение 1

Тактико-техническая характеристика

ГЛАВНЫЙ ПРИБОР

Наименование — Мирный Сергей Викторович.

Пол — мужской.

Возраст — 27 лет.

Вес — 76 кг.

Рост — 178 см.

Размер обмундирования — 50[11].

Размер обуви — 43[12].

Размер головного убора — 60.

Размер противогаза — 3.

Воинское звание — лейтенант запаса.

Военная специальность:

— командир взвода РХР (ВУС[13] 0098001, воинская часть №..., 1983);

— командир мотострелкового взвода (ВУС 0001, военная кафедра при Харьковском университете, 1976–1980).

Гражданская специальность:

— химик (физическая химия, Харьковский университет, 1980).

Сердце в норме, легкие чистые.

Припадки — отрицает (невропатологи на медосмотрах никогда не пишут «нет», когда ты им говоришь «не бывает», пишут — «отрицает»).

Психически больные родственники — отрицает.

Судимостей и родственников за границей нет. (Это, отрицай не отрицай, а проверят сто раз, так что точно — нет.)

Тип темперамента — сангвиник.

Чувство юмора — не отрицает.

Составлено по состоянию на 1.06.1986.

Примечание 1.

Если вышеупомянутый прибор (далее — «прибор») что-то слышал, видел... или каким-либо иным (из дальнейшего станет ясно, каким именно) способом САМ что-либо воспринимал — то об этом так и будет сказано, что называется, «от первого лица». А если «прибору» о чем-то сказали — то именно так и будет тут написано: «мне сказали, что...», «такой-то сказал».

Если «прибор» что-то помнит плохо (или знает недостаточно), он не постесняется сообщить об этом плачевном обстоятельстве. И если, наконец, что-то мешало органам восприятия «прибора», об этом тоже будет упомянуто.

Потому что и без «прибора» уже такие горы брехни вокруг чернобыля наворочены...

Примечание 2.

Слово «чернобыль» (с маленькой буквы) будет употребляться в значении «территория, задетая аварией», «все порожденные аварией последствия». Чтобы не путать с вполне конкретным экс-населенным пунктом (12 тыс. жителей на момент аварии), экс-райцентром Киевской области городом Чернобыль (с большой буквы), часто в этих рассказах упоминаемым.

«Потеря боеспособности»

Учиться военному делу настоящим образом.

В.И. Ленин

Лозунг, висевший на военной кафедре

Харьковского университета и во всех военных

заведениях и воинских частях СССР

У вас может возникнуть вопрос:

— А зачем меня учили «на лейтенанта»?

Я ж гражданский человек — химик; не в военное училище поступал — в университет.

Это нам объяснили на первой же — секретной — лекции на военной кафедре университета (на этой кафедре обязаны были проходить военную подготовку все «годные» по состоянию здоровья студенты-парни и даже девчата нескольких факультетов — их учили на медсестер и переводчиц).

Так вот, будущие лейтенанты — командиры мотострелковых взводов (это то, что раньше называлось пехотой) — на первой же лекции узнали:

Оказывается, солдат рассчитан в среднем на — сколько б вы думали — времени «современного общевойскового боя» (то есть боя, в котором участвует и пехота, и артиллерия, и авиация над полем боя)?

Ни за что не догадаетесь.

Солдат рассчитан *аж на 40 минут современного боя.*

Дальше или ранен, или убит. «Потерял боеспособность», короче.

А младший офицер? То есть — для определенности — лейтенант, командир взвода?

Тоже ни за что не догадаетесь.

Потому что он рассчитан — *аж на 20 минут.*

20 минут — вдвое меньше, чем его подчиненному-солдату, — жить ему и действовать на поле современного общевойскового боя.

Что абсолютно понятно: убить солдата — это убить одного солдата; а вывести из строя офицера — это дезорганизовать как минимум действия целого взвода — трех десятков вооруженных человек.

Офицер — всегда более желанная цель для противника.

Потому-то нас и учили: «вооруженным силам» нужен большой резерв мало-мальски обученных младших командиров — на случай войны...

Стандарты восприятия «до того»

— А ты боялся?

— Да в общем, не очень. Военная подготовка, она все-таки задает стандарты восприятия.

А из курса ОМП («Оружие массового поражения») — спасибо, вколотили в голову на военной кафедре — я помнил:

Предельно допустимая доза облучения личного состава за сутки — 50 рентген.

То есть: при ведении боевых действий на радиоактивно зараженной местности за сутки допускается получение дозы в 50 рентген. Больше нельзя — надо выводить людей из этой «местности».

А за трое суток можно до 90 рентген. Больше нельзя.

А я уже знал, что в чернобыле предельно допустимая доза за все время пребывания была принята равной 25 рентген.

То есть *половина СУТОЧНОЙ военной.*

То есть как бы и немного.

Тем более, в статье в газете «Правда» я прочитал, что неприятности начинаются с 1 *грея* поглощенной дозы. Правда, что такое *грей*, я не помнил, но там, спасибо, было растолковано, что это — около 100 рентген гамма-излучения, которое получило тело человека... Понятно, я решил держаться от товарища Грея подальше...

Еще я помнил, что «острая лучевая болезнь» — это сотни набранных рентген, где-то там в районе 400–600 рентген. Это я помнил. Ну, тут уж просто не о чем говорить.

Вот, в общем, и все.

Кто ж мог тогда знать, что о том, что такое *ЧЕРНОБЫЛЬ* и что такое радиационная *КАТАСТРОФА*, мы знали тогда так мало...

«15 миллирентген в час»: Большая Брехня, или Только «Правда»

Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...

Популярная песня страны СССР

«Правда» — если кто подзабыл — это «орган Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза».

Фактически — главная газета страны. Потому что всякие там «Известия» (Верховного Совета депутатов формально как бы республики Союза Советских Социалистических Республик) и прочая центральная, профессиональная, республиканская и местная мелочь могли, конечно, резвиться, но только в строго установленных рамках как в смысле выбора тем, так и дерзости их «освещения».

А в серьезных, *государственных* вопросах — спаси-помилуй! и думать не могли! — «Правду» пересказывай, на национальный язык переводи, пенсионерам своего района растолковывай...

«Правду», «Правду» — и только «Правду».

Так вот, первое время («первое» — потому что советская власть за эти месяцы после взрыва под колоссальным давлением снаружи и изнутри страны из-за чернобыля буквально на глазах подавалась, уступала) вся остальная сов-пресса ничего нового по сравнению с «Правдой» сообщить не могла.

Так вот, единственная цифра уровня радиации внутри 30-километровой зоны, которая была опубликована в советской прессе за первый месяц аварии, — 15 миллирентген в час «в нескольких местах на АЭС». Я — человек, понимающий, что меня не минует чаша сия — ну и вообще заинтересованный, — вздохнул с облегчением: «Пошто шумим, братцы?» То есть радости, конечно, мало, но 15 мР/ч. — это не бог весть что по сравнению с военными допустимыми дозами 50 РЕНТГЕН за сутки: они ж не с потолка взяты, на чем-то основаны...

Не говоря уж о тех дозах — *сотни рентген*, что для ОЛБ — острой лучевой болезни — надо...

15 миллирентген — 15 *тысячных* рентгена — в час. Пустяки. Производственная авария на АЭС.

Я просто представить себе не мог ТАКОЙ НАГЛОЙ БРЕХНИ *в такой ситуации...*

Потому что в действительности даже в «мое» время, через 3 месяца после взрыва, уровни (и это вне территории АЭС, в Рыжем Лесу!) кое-где были и по 15 РЕНТГЕН в час. А на АЭС тогда же, я уверен, были местечки *и под 150 (СТО ПЯТЬДЕСЯТ) РЕНТГЕН в час*. А сразу после взрыва, в первые дни — есть у меня основания полагать — на АЭС были места и под полторы тысячи — 1500 (ТЫСЯЧА ПЯТЬСОТ) РЕНТГЕН в час.

Разделив 1500 РЕНТГЕН в час (которые там взаправду были) на те 15 *тысячных* рентгена (15 миллирентген) в час, о которых «Правда» писала, получим:

100 000

Сто тысяч.

Коэффициент брехни.

А вы удивляетесь, почему Советский Союз был — да и то, что от него осталось, до сих пор остается! — совершенно фантастической, сказочной, «где-всё-не-как-у-людей» — страной! Ведь редко в какой сказке (подчеркиваю — *сказке!*) «коэффициент искажения реальности» больше ста! Так, жалкие десятки...

СТО ТЫСЯЧ

У «Правды» — «органа Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза» — учиться надо...

...А правда (извините за употребление этого слова в таком тексте) — правда ж, нечасто так бывает, что брехню можно так точно — *количественно* — измерить? Спасибо уровням радиации...

Ну и конечно ж, «Правде», «Правде» — и только «Правде»...

Да, и не забывайте, что это вообще была первая ядерная авария в СССР, о которой органы «массовой», с позволения сказать, «информации» сообщили... И то потому, что радиация за пределы этой мифической страны «победившего социализма» вырвалась...

Респиратор: ПЕРВОЕ знакомство

Первый раз в жизни беру в руки респиратор. В 35 км от взорвавшейся АЭС, в военном палаточном лагере. Несмотря на всю свою подготовку и звание лейтенанта запаса. В первый раз в жизни...

Противогаз — да, противогаз пришлось потягать на себе. Это вещь серьезная: и от химических веществ защищает, и от бактерий-вирусов, и от пыли радиоактивной... А респиратор — только от пыли... Чего ему внимание уделять? И не уделяли...

Держу в руках два респиратора: белый тряпичный «лепесток» (это его фирменное название) и зеленый поролоновый армейский.

Какой выбрать?

«Лепесток» — какая-то несерьезная, легковесная штучка из ткани^[14]... Армейский помассивней, понадежней — в запаянном полиэтиленовом пакете, распухшем от его пористой зеленой массы.

Достаю перочинный нож, разрезаю пакет. Вытягиваю инструкцию — мятую коричневую бумажку с нечетко пропечатанным текстом и картинкой. Изучаю внимательно — как-никак, предмет первой и постоянной тут необходимости...

Слева на бумажке — изображение молодого мужчины с респиратором на лице... А гимнастерка-то образца 1943 года! Это ж сколько лет этому респиратору?!

Вверху на инструкции большая жирная цифра «3» в прямоугольнике. Это размер респиратора: для «крупнолицых» — 3-й номер, большинству 2-й подойдет, ну и 1-й размер — «для самых маленьких»... Чем больше голова, тем больший нужен номер респиратора.

Читаю...

Надеваю респиратор на лицо так, «чтоб подбородок и нос *хорошо* разместились внутри»! Ну юмористы...

Во, теперь я как все тут — зеленое пороссячье рыло...

Вопрос дозы: Лагерь (Из рабочего блокнота командира взвода радиационной разведки)

17.07.

Вечером, перед сном, в палатке. Все лежат уже в кроватях.

Прапорщик:

— Там за контейнерами на АЭС съездить нельзя, чтоб пару рейганов [\[15\]](#) поймать?

— Так у него и так уже за 11 дней 20 рейганов.

— Его надо на ПУСО чаще выпускать, им там по 0,6 рейганов пишут.

Меня разбирает смех, еле-еле сдерживаюсь.

...Это я записал в блокнот 17 июля 1986 года — на третий день своего пребывания в чернобыле.

А потом я такие разговоры записывать перестал.

Замечать перестал — обычнейшее дело...

ПЕРВЫЕ: ДНИ — ДОЗЫ — МАРШРУТЫ

Маршрут разведки (Из повести «Хуже радиации»)

Маршрут разведки Рыжий Лес-3 начинается у километрового столба. Дозиметрист Петро меряет уровень на земле у его основания («землю») и в воздухе («фон»), я записываю номер точки и величины уровней, и броник с заброшенной теперь автотрассы съезжает в лес, в смоляную тенистую прохладу.

Высунувшись вверх из люка, я высматриваю дорогу получше, изредка сверяясь с лежащей на рации схемой маршрута, грубой, от руки нарисованной (карты местности секретны, их из штаба выносить не разрешают), и подаю Коле-водителю отрывистые команды. Мотор мощно урчит, зеленый поролоновый респиратор глушит слова, приходится кричать, наклоняясь внутрь: «Направо», «Налево», «По правой», «По левой», «Возле куста — замер». Коля тормозит, Петро спрыгивает, на ходу достает зонд, замеряет фон и землю на точке, я записываю, Петро, тщательно оббивая песок с сапог о броню, залезает наверх — «Вперед!» — и мы трогаемся.

Замер, еще замер...

Уровни возрастают.

Поперек пути — вырубленная посадка молодняка: косые белые острия рядами... Полоса шириной метров семь. «Объедем?» Коля кивает. У нас задние скаты лысые. Если проколемся на ней, то непонятно, как нас потом будут оттуда стаскивать. Да и уровни тут уже приличные...

Замер, еще замер...

Я веду по маршруту, Коля правит машиной, Петро делает замеры — мы работаем, как хорошо отлаженный механизм...

Друг человека

Маршрут разведки Рыжий Лес-2.

Два километра южнее АЭС.

Уровни — несколько десятков миллирентген в час.

Широкая песчаная дорога, по ней едет наш БРДМ. Справа сосняк: мелкий, молодой, зеленый.

С другой стороны — дома, заборы, палисадники... Край села Копачи.

Кудахчут куры...

Жарко.

В селе — ни единой живой души. Уже три месяца.

Остановились, Петро померял. Залезает...

У БРДМа возникает собачонка.

Здрав морду, смотрит на нас.

«Нечего тебе дать... Ну нечего...»

Собачонка неотрывно смотрит.

«Ну ничего нет...»

Надо ж такому случиться! Обычно обязательно с собой возим что-нибудь перекусить — на всякий случай... А вот сегодня...

«Ни у кого ничего нет?»

«Не-а...»

Собаке: «Ну нету... Ничего нет».

Собака домашняя, *Canis lupus familiaris*, смотрит из-под броники снизу вверх ТАКИМИ глазами... На нас — царей природы, *Homo sapiens*'ов, людей разумных... Три месяца тут — одна...

Колю осеняет! «Погоди!» — нырнул в черную дыру люка.

Появляется назад, разворачивает засохший бутерброд.

«Точно!» — завалялся в ящичке; заначили когда-то как НЗ [\[16\]](#), потом забыли...

Бутерброд до земли не долетает — пес хряцает его на лету.

Бронеавтомобиль (внутри три высших примата) едет дальше.

Собака домашняя смотрит вслед.

Бредет обратно к домам.

Парадоксы пессимизма

Объезжаем по маршруту вокруг Припяти — пустого города.

Посреди красивого соснового леса, у быстрой полноводной речки Припять, в удобных многоэтажных домах жили 45 тысяч человек. Всего лишь три месяца тому назад.

А сейчас мы едем вдоль забора из колючей проволоки, который отделяет город от остальной чернобыльской зоны... Меряем через каждые 100 метров.

28/30 (фон — 28, земля — 30 миллирентген в час)...

12/18 — напротив мертвого дома, на котором крупно: «Строителей, 34»...

12/17...

1/10 — на повороте...

12/19 — теплицы брошенные...

И вот на таком фоне вдруг...

— Тут будут жить люди! — аккуратный ученый (их называют тут «наука», по роду деятельности), в белой робе, белом колпаке на голове, с внутренней стороны колючей сети, растянутой на столбах, меряет землю светлым прибором. А Петро тыкает зондом нашего темно-зеленого ДП-5-го под тот же столб с нашей, наружной стороны: «60 миллирентген в час»... Тут будут жить люди!..

— Правда? — обрадовался я. — А говорили, тут жить уже никто никогда не будет...

— В Припяти будут жить люди. Припять будет нормальным живым городом, — уверенно говорит «наука». — Для этого мы, физики, тут и работаем... А вы офицер — кадровый?

— Нет, я вообще-то химик...

— А тут?

Я пошутил:

— «Командир взвода сталкеров»: по зоне каждый день лазим, меряем...

Разговор перешел на «Сталкера» Тарковского: как он показал Зону в фильме — и какая она настоящая...

— Никогда не думал, что *такое* увижу...

— Я тоже...

— Жаль, самого «Сталкера» больше никогда не увидим.

— Да... Теперь, когда Тарковский стал невозвращенцем^[17], уже точно никогда...

— Нет теперь в Советском Союзе такого режиссера... И не было никогда.

— И фильмов его нет.

— Эх, жаль.

— Жаль...

Мы скользили взглядом по настоящей зоне, каждый видел собеседника через колючую проволочную паутину на столбах... За спиной «науки» — пустая, полуразграбленная Припять. «Мерзость запустения»...

Грязно-зеленый угловатый броник у колючей проволоки, мертвый «парк культуры и отдыха», над лесом торчит ввысь огромный разноцветный круг — аттракцион «чертово колесо»... А перед внутренним взором бегут кадры фильма Тарковского, которые удержались в моей памяти и которые по-иному мне уже не увидеть больше никогда...

Мы искренне пожелали друг другу — «Счастливо!» (руку протягивать через колючую проволоку как-то неловко), кивнули, разъехались.

Каждый по своей стороне колючего забора.

Фильмы Тарковского пошли в кинотеатрах буквально через год — наступили новые времена.
В городе Припяти не живут до сих пор.
И, похоже, уже не будут никогда.

Яблоко

Едем дальше вокруг Припяти. Проезжаем мимо фруктового сада.

В саду работает военное подразделение. Тоже «партизаны» — из запаса, как и мы.

Останавливаемся. Замер...

Ребята, мужики подходят, обступают броник... «Вы откуда?» — «А вы откуда?» — разговор начинается... Лейтенант — их командир — подходит...

Я сижу на верху бронека, на плоской башне, солнцем пригретой, жду данные записать...

...и вдруг вижу: несколько человек, стоявших поодаль у деревьев, подходят к нам и *ЖРУТ ЯБЛОКИ!!*

— Вы чо, мужики, охренели??!!! Тут же кругом десятки миллирентген в час! Мозгов совсем нет?! Хотите, чтоб вас еще и изнутри облучало, притом круглые сутки? Ну вы вообще!..

Лейтенанту ничего не сказал, посмотрел выразительно: «Куда ж ты,..., смотришь?»

Эффект от речи был зримым и мгновенным: движение челюстей замерло, а потом будто кто-то нажал кнопку «РЕВЕРС» на корморезке:

Рот открылся, и из него наружу полезла бело-зеленая пережеванная масса, посыпалась вниз, на сапоги...

4 мР/ч

— И чего ты там стоял, потом обливался?

Мы выгрузили Петра — дозиметриста нашего экипажа — по дороге на АЭС, чтоб он сам померял Канал — маршрут справа от трассы.

Канал — на самом деле не канал, а скорее котлован Т-образный (ножка у «Т» короткая) — громадный котлован, с бетонированными пологими откосами-стенками и дном. Уровни небольшие — от 5 до 25 миллирентген в час. Когда меряем, броник все равно не нужен: обычно я и дозиметрист все точки обходим пешком по дну котлована, по середине наклонной стены и по периметру сверху... А так Петро сам обойдет и запишет данные, пока мы (кроме экипажа, в нашем бронике еще сидел майор из штаба и два прихваченных им дозиметриста) проложим новый маршрут Стройплощадка — по стройплощадке недостроенных 5-го и 6-го блоков Чернобыльской АЭС.

И вот часа через полтора-два, сделав Стройплощадку, возвращаемся и видим: Петро столбом стоит на солнцепеке посреди песка, потом обливается. Сигналим, не слышит. Внимания не обращает. Угорел? Наконец докричались. Подходит:

— Ты чо там на жару пекся?

— А я обмерил кругом — там меньше всего. Там и стоял.

— И сколько ж кругом? — поразился я такому экстравагантному поведению: тут же уровни вроде небольшие.

— Ну, 10,12 миллирентген в час...

— И вот это ты выбирал?! А под деревом? — одно-единственное деревцо, в десятке метров от места, где Петро стоял; там тень, я б там ждал.

— 14.

— А сколько ж где ты стоял?

— 4 миллирентгена в час.

Ну и ну! Я б не колеблясь выбрал 14 миллирентген и прохладу, а не 4 миллирентгена и раскаленный песок... То есть я б даже не выбирал, просто б, не меряя, стал в тень: уровни тут везде небольшие, порядка десяти миллирентген в час; в этом направлении, от АЭС на юго-восток — на таком расстоянии пятен серьезных нет, мы не находили...

А Петро, оказывается, такое здоровое чувство опасности сохранил... Редкий случай.

В нашей роте (это сотня человек) я еще только одного парня знал, он долго — может, и до конца, я раньше него ушел — вот так аккуратно избегал радиации.

А все — привыкали.

И 4, и 10, и 14 миллирентген в час — все это были пустяки, практически нулевой уровень для нас — ничто по сравнению с тем, что в разведке получаешь. Ноль.

Еще по таким пустякам тут дергаться — вообще рехнуться можно...

Еда в Диброве (Из рабочего блокнота командира взвода радиационной разведки)

27.07.

Мы в Диброве, в командировке.

Приглашают на обед.

Только 1-е и 3-е.

А у нас на троих, на весь экипаж, только два котелка.

К еде положена соль. Соль насыпана горкой на штабеле досок почти по грудь высотой.

Я ем первый, а хозяин котелка (Коля) в это время курит, ожидая, пока я закончу.

Местный лейтенант сгоняет нас с дров, мне:

— А вы, товарищ лейтенант, вообще пошли б в офицерскую столовую. Там бы вам тарелку дали, все как положено...

Я промолчал.

Ему ж не объяснишь, что мы — один экипаж.

Старший прапорщик появляется, говорит то же самое, но рекомендует солдатскую столовую (палатка рядом).

Зашел.

Грязные столы с зелеными перьями лука, грязь на земляном скользком полу, запах хлорки, темень. Вышли обратно, едим на дровах.

19.07: «Пишущая машинка» (Из рабочего блокнота командира взвода радиационной разведки)

19.07.

В разведотделе главного штаба появилась пишущая машинка [\[18\]](#)

Оформлял пропуска. Сел, пробежался пальцами по клавишам.

Немедленно пригласили оставаться в штабе. Отказался.

Вечером в роте узнал — еще нескольким нашим предлагали.

Все отказались.

Война с ПУСО, или Как я закурил

Коля — «рулевой» нашего экипажа — был водителем *классным*. С ним я горя не знал.

Но вот в нашем 80-м бронике забарахлили гидроусилители, и Коля остался ремонтировать БРДМ в лагере. А тут как раз пополнение пришло и много водителей. Удачно: как раз нового водилу в зону вывезу, маршрут покажу...

...Но на маршруте я понял мгновенно: БРДМ — это был 248-й — в руках не-водителя. (Лучшие водилы разведки — это профи с гражданки, и то только после того, как они приноровятся броник водить, в котором сидишь как в погребке, только и видишь, что крохотный квадратик окошечка спереди да щелочки триплексов по бокам...) Новичок и сам признался: «Ну, прошел я в армии обучение по специальности «водитель БТРа[19]» сто лет назад, а так у меня даже прав водительских нет»... Ё-моё...

И вот он ведет сейчас 7-тонный БРДМ — «летающее зубило»... И такие ж «водители», с которыми мы не разобрались впопыхах, которые где какой рычаг не помнят! — гонят остроносые бронемашины по забитым транспортом трассам... Ё-моё...

На дороге под самой АЭС — другой наш БРДМ навстречу... Еле разъехались.

Про себя чуть не молюсь: «Только чтоб все сегодня обошлось...»

Обошлось.

Почти: уже после разведки, в Чернобыле на повороте наш БРДМ своим носом, как лезвием консервного ножа, распорол машину-поливальку: голубой цилиндрический бак... Остановились. Тот водила вышел, мы из люков сверху высунулись... Пропоротым оказался не бак, а продолговатый металлический ящичек под ним, где шланги хранятся. По здешним меркам, ничего не случилось: «А, фигня». — «Заварят...» Махнули друг другу руками — «Привет!» — разъехались...

А броник наш ни с места. Заглох.

Дрык-смык — глухо.

И всё.

Пешком понес я данные в штаб, благо уже недалеко было. На стоянке у штаба был броник нашей роты, вернулся на нем. БРДМ № 248 все так же нелепо стоит посреди перекрестка.

Зацепили тросом — заводить с толкача... Дрык-смык — глухо.

Прибуксировали его на стоянку.

Пересчитал броники — с маршрутов вернулись все.

Фу-у-ух...

Теперь новая проблема: как из зоны выезжать? С этим красавцем на поводке — да еще с такими «водителями»! — не пофинтишь особо...

Надо сдаваться.

...У дозиметристов поста контроля на трассе от изумления отпали респираторы: наша обычно злостно-ускользающая от них бронеколонна аккуратно подъехала, притормозила, я высунулся из головного броника: «Ребята, можете не мерять — мы на ПУСО. Надо помыться» (такие мы хорошие)... Пост дозконтроля зачарованно смотрит, как разведка *сама* сворачивает всей колонной с трассы налево и через дыру в лесополосе едет на ПУСО — пункт специальной обработки, «мойку».

Пару дней назад нас тут завернули с дороги на ПУСО, и мы колонной, внаглую, под обзором наблюдательной вышки ПУСО ломанули мимо, прямо по полю: я на передовом бронике в шлемофоне из люка торчу, по рации что-то с деловым видом вещаю (корректирую водителей, чтоб бронеколонна не рассыпалась, в кучу не сбилась, скорость не потеряла, чтоб никто в прерии этой не отбился и его не поймали, и из-за него потом — и всех нас...) — прем вперед колонной, антенны колышутся на колдобинах — *разведка на задании!*.. Так и ушли... А сейчас побитыми собаками сами к ним плетемся... Елки-палки...

Стали в очередь у въезда на территорию ПУСО. Рядом вышка, на ней «направляющий» — лейтенант с мегафоном; он сверху, как иерихонская труба, время от времени возглашает: «1-я линия — 3-й АРС!..» Первая машина в очереди трогается с места, сворачивает на первый левый из трех вымощенных гравием проездов, проезжает мимо двух АРСов и машин, которые они сейчас моют, и останавливается у третьего АРСа. Иерихонская труба опять возглашает: «2-я линия, 3-й пост!» — наш броник въезжает на ПУСО и едет в средний проезд, к последнему АРСу...

АРС — это усложненный милитарный вариант машины-поливалки — авторазливочная станция (все они, понятно, защитного цвета). Он гонит из своей цистерны спецжидкость — водный раствор пенного моющего средства (которое, к слову, по агрессивности ни в какое сравнение не идет с гражданскими стиральными порошками; я в этом убедился за три года до Чернобыля на сборах, когда в нем свою форму руками стирал).

У АРСа мойщик из брандспойта полощет стоящую рядом машину. Он в резиновом плаще с капюшоном, в защитных очках и, само собой, в респираторе: при помывке брызги разлетаются во все стороны — густыми веерами! И в этой радуге брызг, переливающейся, искрящейся на солнце, — и просто грязь, и радиация, и порошок для дезактивации... На кожу и тем более в глаза попадать все это не должно...

Мойщик сильным напором струи полощет машину сверху, снизу, в колесных нишах, струя с силой ударяется о броню, с шуршанием уходит куда-то под дно броника, разбиваясь, тысячами осколков-брызг веерами разлетается вокруг и ввысь... АРС рядом урчит, подавая жидкость под напором...

В общем, замечательная штука ПУСО, и ловко так все придумано...

...только ни один наш броник до положенных на этом ПУСО полутора миллирентген в час не отмылся.

НИ ОДИН.

Кроме — обхохочетесь! — одного-единственного: того самого «подбитого», на буксире, 248-го. Из-за которого мы сюда и приперлись. Недаром я этот БРДМ всегда недолюбливал из-за его трехзначного номера — как чужак среди наших 70-х, 80-х, 90-х...

БРДМ 248 отмылся с первого раза.

Но уехать сам он никуда не может.

Остальные БРДМы поехали на второй круг мойки.

И его за собой на поводке потянули, хоть он и чистый.

ПУСО забито машинами! «Час пик» — все из зоны прут... И среди этой массы — зеленые туши броников разбросаны...

Экипажи пока перекуривают в сторонке, у лесопосадки, в «Месте для курения» — вырытой в земле круглой ямы, вокруг нее — свежие сосновые скамейки... Русский молодой парень — мойщик ПУСО — рассказывает:

— Смена у нас по 12 часов — с 8 до 8 вечера, или всю ночь до 8 утра... Ночью полегче — нежарко, и машин меньше, можно придремнуть... И по 0,6 радиков^[20] за смену пишут. Если удастся на ПУСО продержаться, дома буду через месяц... Я сам из Симферополя. Из армии полгода как вернулся, три месяца как женился, а тут в чернобыль — пажа-а-алте...

У выезда перед шлагбаумом выстраиваются помытые броники, приговора дозконтроля ждут...

Один за одним разворачиваются опять на помывку...

— Да не переживай ты так! — и парень-мойщик протягивает мне сигарету. Хорошую, с фильтром, импортную...

Поколебавшись, я взял.

— А сколько раз вы на ПУСО моете?

— Три.

— А после?

— На могильник. Сколько ж можно?...

Все машины разведки — на могильник? Ничо себе... «Товарищ капитан, разрешите доложить: экипажи разведки в полном составе в пешем строю в лагерь прибыли»... То-то будет радости после трудового дня... А завтра? Как завтра утром мы на разведку... хм, поедем?...

Конечно, «площадка отстоя техники» при ПУСО, хоть ее все и называют «могильник», на самом деле еще не могильник, а скорее место сортировки перед настоящим могильником: с нее, с этой огороженной забором из колючей проволоки площадки отстоя, кроме пути на настоящий окончательный могильник есть и путь обратно. Надо приехать на другой день с людьми и самим отмыть свою технику. Или просто от времени, при стоянии за счет естественного распада уровень радиации сам собой упадет, и машина «пройдет»... Другое дело, что за это время ее вполне могут разграбить — такой вот совковый вариант «естественного распада»... Да даже за одну ночь запросто, хоть там часовой и стоит... Обчистят, а спросить не с кого. С часовых? Они потом дураками прикинутся: «Не знаю, не видел, не при мне». Кто потом что докажет? Под опись всего имущества броник сдавать? И не примут, и времени не хватит... А крайние — в любом случае мы... Нет, на могильнике, пусть даже и временном, нашим БРДМам радиационно-химической разведки делать нечего.

Отбросив окуроч, иду к лейтенанту — старшему доз-поста на выезде из ПУСО. Договариваться.

Он курит. Закуриваю за компанию... Слово за слово... Он тоже «партизан», тоже гражданский химик, только из Днепра (Днепропетровска), а я там как раз недавно на конференции был... В общем, объясняю ему ситуацию с брониками и разведкой.

Ответ его простой:

— Вам завтра на разведку не на чем ехать будет, а меня уже сегодня из-за вас начальство вздрючит.

— Да за что?! Выпусти нас, мы ж три раза мылись уже, и все... На нас же только на несколько десятых миллирентгена больше! Какая разница — полтора или 1,6? 1,7?

— На одном 1,9...

— Да это все равно чепуха! И кто узнает?

— Следующее же ПУСО, в Дитятках на выезде из зоны, и узнает: на вас больше того уровня, что я вам в путевых листках напишу. И меня — «иди сюда»!

— Нас на ПУСО «Дитятки» не останавливают, ты что, не знаешь? Оно гражданское, там военных вообще не останавливают...

— А если?...

— Да нет.

— Не, а если?

— Ну... Короче, мы на него не попадем...

— Как?

— Ну, не будь маленьким... Объедем как-нибудь.

— Как?

— Да по лесу... Но слушай, это уже наши проблемы.

— А если вас за жопу возьмут?... Слу-у-ушай, ты погоди, — его интонация меняется, и я обнадеживаюсь: «Молодец, свой человек — что-то все-таки придумал!» — Ты погоди: вот мойка горячей водой будет работать, мы тогда вас в два счета отмоем!

— Так давай!! Когда?!

— Завтра часов с 11.

— Спасибо вам в шляпу, — я разозлился, — «завтра с 11»! Завтра в 11 мы на разведке будем!

Последний раз зываю к его разуму:

— Мы ж 25-я бригада, ты знаешь — наш лагерь всего 5 км от зоны, мы дальше никуда не ездим! Ну куда мы эти ноль целых хрен десятых миллирентгена можем развезти?

Коллега остался нем.

Но ничего, у нас есть запасные варианты...

— Ладно, — говорю. — Пиши нам тогда в путевках, что вы там на нас намеряли, и пиши «Выпущены на Чернобыль». Мы обратно в Чернобыль машины отгоним.

— Так я вам и поверил! «Отгоните в Чернобыль»! Чуть за шламбаум — и колонной налево — фью-ить! — из зоны... — И он крепче сжимает в руке невзрачные серенькие, с фиолетовыми печатями, бумажки — путевки наших броников. Грамотный...

Путевка, путевой лист — это документ на право передвижения государственной (в данном случае еще и военной) машины вне части в указанное в путевке время. Смыться с ПУСО, уехать без путевки нельзя: если ВАИ (военная автоинспекция) задержит без нее, будет ой-ой-ой... И, кроме того, ПУСО наверняка передаст путевки куда надо, и начнется большая разборка, кто это и почему с ПУСО сбегает на грязных машинах... Вселенский скандал гарантирован, причем с участием ВАИ, военной прокуратуры и, скорей всего, еще и Особого отдела; сам наш батальон, наша бригада могли б еще напрямую с ПУСО договориться... А если это к тому ж попадет под очередную «кампанию по борьбе с незаконными выездами из зоны»! Тогда мне вообще небо с овчинку сделают! Причем очень надолго, а то и вообще «на всю оставшуюся жизнь»...

Эх, если б только эти серенькие листочки были сейчас в руках у меня!.. Не зря путевки забирают у водителей, как только машина после первой помывки не прошла дозконтроль... Коллега-лейтенант крепко их в руке держит... *Ученый* попался!

Ладно.

Мда, так далеко в наших интимных отношениях с ПУСО мы еще не заходили...

...Тут надо отметить, что пока нас на ПУСО мыли, я не только курил и грусти предавался, но и между прочим по всей его территории прогулялся, просто так, из чистой любознательности...

Испускаю горький вздох.

— Ну давай, — говорю, — работник такой хороший, пиши нам тогда на могильник...

— Мыться надо регулярно... — назидательно говорит «коллега».

И выводит нам в путёвках: «Уровень радиации после 3-й обработки... *(ВО ВСЕХ ПУТЕВКАХ! — ни одна из наших машин до 1,5 миллирентгена в час — максимально допустимого уровня, с которым это ПУСО выпускает, так и не отмылась...)* поставлена на площадку отстоя техники. Начальник доз. поста ПУСО «Рудня Вересня» л-т подпись-фамилия...»

Пиши-пиши...

А рядом, за горизонтальной жердиной-шлагбаумом, перегораживающей выезд, несутся по шоссе машины! Эх! — из зоны...

А нам теперь спешить некуда. Момент торжественный и скорбный — «на могильник»... Изображаю на лице подобающую случаю печаль и «склонение перед неодолимыми силами природы» (как то: ПУСО...) — и из рук «начальника доз. поста ПУСО «Рудня Вересня» — пачка наших путевок...

...переходит в мои руки.

И ничего не происходит.

Просто путевки теперь — *в моих руках*.

Не торопясь, иду вдоль нашей бронированной колонны — «зараженной радиацией выше допустимого уровня!» — и раздаю водителям путевки. Негромко бросаю пару коротких фраз каждому.

Водилы и командиры экипажей кивают в ответ. В их глазах, уже было потухших от этой тяготы на ПУСО, загорается интерес. К жизни и к тому, чем все это может закончиться: вообще — и для меня, командира колонны, в частности...

Я возвращаюсь, залезаю в головной броник:

— ПА-А-А МАШИНА-А-АМ!

Колонна БРДМов трогается и, дисциплинированно отвернув от шлагбаума, на бодрой скорости плотным строем движется к могильнику — «площадке отстоя техники», отгороженной колючей проволокой, с прохаживающимся внутри часовым: карабин на ремне, над плечом торчит вверх примкнутый штык, все как положено...

...и проезжает мимо этих гостеприимно распахнутых колючих ворот! Мимо забора из колючей проволоки! За ним стоят всякие грузовики, автобусы рядом — и ни одного БРДМа! *И наших там не будет!..* Мимо! В зазор между, колючим забором могильника и лесопосадкой! *МИМО!* Бронеколонна через щель организованно ускользает из ПУСО...

Часовой на нас уставился.

Наверняка у него карабин с боевыми патронами...

Ничего: по Уставу «часовой имеет право стрелять только при нападении на пост (на то, что он охраняет) или на него самого!»! А мы ж ни на кого не нападаем! «Мы — мирные люди!»! Мы, наоборот, *мимо!..*

Колеи в этой щели между «площадкой отстоя» и лесопосадкой уже наезжены — не мы тут первые...

Колючий забор могильника позади!

Дальше к столбам ЛЭП — и под высоковольтной линией, по вырубке — ну и колдоёбины! — а эта машина на буксире пройдет? — *проходит!* — через пни агромадные — узловатые корневища по земле разбросаны... — *проходим!* — по пням-колодам! — земля болотистая, кочковатая, под колесами пружинит — не увязнуть бы!.. *Проходим!* Становится посуше, поровней... Твердая ровная земля, наконец. *Прошли.*

Я на головной машине выехал на трассу, проехал чуть вперед, остановился.

С брони смотрю, как с вырубки подтягиваются БРДМы — один за одним выезжают на трассу, пристраиваются сзади... Все тут.

Так, одно ПУСО объехали.

Теперь следующее ПУСО — «Дитятки»...

Ехать по трассе — на их пункт дозконтроля? А если им этот лейтенант-«коллега» позвонит от большого служебного рвения или просто от досады?

Объехать ПУСО «Дитятки» лесами?... С этим 248-м на буксире?... Да еще водители эти невсамделишные...

Что ДЕЛАТЬ?

Колонна бронемашин стоит за мной на обочине трассы Чернобыль — Киев. Экипажи повылезали на броню перекурить, оживленно делятся впечатлениями от только что пережитого увлекательного приключения. В любой момент может ехать начальство из Чернобыля — конец рабочего дня! — и застать колонну разведки в этом интересном положении...

Что делать?

Надо подумать...

Коля достал пачку сигарет и, мельком взглянув, выщелкнул одну и мне. Я, подумав, взял, прикурил от его спички...

...Когда в тот день наша колонна благополучно добралась в лагерь в полном составе, я на радостях с Колей и приятелями-разведчиками выкурил еще пару сигарет.

А потом еще.

И еще.

И на следующий день купил себе пачку сигарет в Чернобыле.

И потом покупал по пачке в день.

Не считая тех, что покупал про запас, на всякий случай, и которые расходились как-то незаметно...

А опыта по части самой «площадки отстоя ПУСО» за всю свою чернобыльскую службу я так и не приобрел.

По очень простой причине: при мне из моей колонны на «площадку отстоя ПУСО» ни одна машина не попала. Ни разу.

...Но если б у меня спросили, что больше всего сил, крови и здоровья у меня в чернобыле забрало, я б ответил не колеблясь:

Война с ПУСО.

Удача, она же Везение

У стойких людей больше шансов выжить сравнительно невредимыми. Но полностью гарантировать безопасность не могут никакие личные качества.

Те, кто уцелел в трагических событиях, главной причиной этого всегда считают везение, удачу...

Герман Ю. Л. Травма и выздоровление.

Нью-Йорк: Бейсик Букс, 1997. С. 59–60.

(Herman J. L Trauma and Recovery. New York, Basic Books, 1997. P. 59–60.)

В паре метров от меня из отверстия в грязно-зеленой броне — горловины топливного бака БРДМа — торчит заправочный «пистолет»-штуцер. Рядом с БРДМом стоит бензовоз с пятью тоннами бензина: толстый гофрированный шланг, соединяющий две машины, пульсирует, прокачивая прозрачную, заряженную энергией, желтую жидкость.

Прозрачный воздух вокруг светло-серого алюминиевого штуцера слоится от тугих струй паров бензина, хлещущих вверх. К этим взрывоопасным ручьям медленно подлетает...

...ГОРЯЩАЯ СПИЧКА.

...Мой рабочий день закончился.

Маршруты разведки, начальство в штабе, ПУСО — всё позади. Уровни мы померяли, данные я сдал, дозу подписал, броники из зоны вывел, ВАИ[21] на трассе нас не стопорнуло (а могло б — за те почти сто километров в час, что мы бронеколонной в лагерь шпарили)... ВСЁ.

Все сделано.

Все обошлось.

Мы приехали.

Мы дома, в лагере.

Коля заглушил мотор, я выложил через люк свою полевую сумку, ватник, котелок и, подтянувшись за края люка, вылез наверх БРДМа.

Мы стоим на краю разъезженной грунтовой дороги, в бесконечном ряду, где к таким же бензоцистернам других батальонов стоят очереди из БРДМов, грузовиков, пожарных машин, автобусов, — единая, почти сплошная масса. Пульсируют толстые гофрированные шланги... За колючей проволокой технических парков машин почти нет — все заправляются... Сегодня мы рано приехали.

По другую сторону от нас, за полем, — лагерь: ряды палаток до самого леса. У самой опушки — большой шатер бани... Помоюсь наконец сегодня... Повезло.

Трудовой день окончен. Трудовая ночь еще не началась. За моей спиной теплое оранжево-желтое солнце клонится к закату...

Сначала пойду в душ... Потом — свежее исподнее, новые мягкие портянки... Ужин... И чистая постель...
ХОРОШО!

Я глубоко, удовлетворенно вдохнул. Достал сигареты-спички, закурил. И отбросил спичку.

Жить — хорошо!

...оранжевый огонек спички пролетает у открытого бензобака и обыденно сваливается вниз, куда-то между БРДМом и цистерной бензовоза...

...и я докуриваю свою сигарету...

Что мне сказали водитель Коля, державший в это время штуцер в горловине, и Славик-заправщик снизу, я передавать не буду. И что я им проямлил в ответ — тоже...

Мне, моему экипажу, Славику, его команде, вообще всем, кто заправлял и заправлялся в 25-й бригаде в этот спокойный летний вечер, — всем нам невероятно **ПОВЕЗЛО**.

...и поэтому еще одно сообщение «от Совета Министров Союза Советских Социалистических Республик» **НЕ** появилось в советских газетах в 1986 году и **НЕ** было перепечатано всей мировой прессой, напряженно следившей тогда за всем, что происходит в Чернобыле...

Потому что ничего не случилось.

По счастью.

По очень простой причине, присутствующей в мире постоянно и незримо.

По «причине», делающей этот мир местом, намного более пригодным для жизни.

Возможно, просто — **МЕСТОМ ЖИЗНИ**.

ЛАГЕРНЫЙ ФОН

0,3 мР/ч. Лагерный фон

В лагере уровень был 0,3 миллирентгена в час.

Как-то — солнышко призакатное — сошлись после работы я, Володя — командир 3-го взвода, еще кто-то.

Стоим, треплемся расслабленно.

Ну, и курим.

Подходит Андрей — замполит [\[22\]](#) роты, тоже становится в кружок.

Вытягивает пачку, чтоб закурить, и сигарета выскользывает вниз — наземь.

Белая — то есть с фильтром — сигарета. Импортная.

Дефицит. (Курево всегда дефицит в местах вроде Чернобыля.)

Белая заманчивая сигарета с фильтром валяется у наших сапог.

А мы на нее смотрим — офицеры радиационной разведки...

Замполит наклоняется, поднимает ее, обдувает и закуривает.

Все остальные — каждый про себя — вздыхают с облегчением: а то добро пропадает... Уровень-то в сравнении с нашими рабочими — игрушечный; обдуть от пыли — ничего не будет, тут всего лишь пара десятков нормальных уровней...

...«Быстро поднятая сигарета не считается упущенной»...

0,3 миллирентгена в час. Лагерный фон.

Шапиро

Появился в моей роте рядовой Шапиро.

Среднего роста, темноволосый, кругловатое лицо, карие большие, чуть нависают глаза. Рядовой как рядовой. Ничего особенного.

Но это — для меня.

Это для меня — ничего особенного.

Потому что через недельку подходит ко мне особист — представитель в батальоне Особого отдела (по борьбе со шпионажем и политической неблагонадежностью вообще) — и интересуется: а как Шапиро?

Да:., никак, в общем-то. Обыкновенно. А в чем дело?

Да ни в чем, в общем-то... А как он работает? О чем разговоры ведет? Не стремится ли особенно в разведку попасть? Все вокруг да около, все «Шапиро» да «Шапиро», как будто намекает на что-то, о чем я знаю...

Ну, отвечаю, работает обыкновенно, разговоры... ну, обыкновенные — нормальный парень, короче; пока на АЭС работает...

Ну и ладненько, и пусть на АЭС работает, а в разведку его не берите.

Ладно, не возьмем, отвечаю ему, озадаченный...

Чего это особист к новичку Шапиро прицепился?

— Так Шапиро ж — еврей! — с ходу разрешил эту шараду замполит. — Потому что — Шапиро!

И действительно — Шапиро... Уродись с такой фамилией...

Чуть что — Шапиро! А что — Шапиро? Призвали Шапиро — Шапиро и пришел. А теперь начинается — не такой... Домой тогда отпускайте.

...А вот если б, не дай боже, Шапиро пришел сюда ДОБРОВОЛЬЦЕМ — ой-ой-ой, вот тогда б я ему очень круто не позавидовал!

Тогда б он очень долго особисту объяснял, с чего это он любовью к родине воспылал — и к какой именно родине...

Шпиономания

Представьте:

Вы сидите в опере.

В партере.

Музыка — божественная.

На громадной сцене — богатое действо.

Дирижер во фраке.

Люстра под сводом зала.

Строгие костюмы мужчин. Роскошные туалеты дам.

Поблескивают, переливаясь, драгоценности. Обнаженные плечи.

И — благоухание! — тончайшие, нежнейшие арома...

...и тут вы ощущаете, что кто-то — *pardon*, и еще раз, и еще раз *pardon* — ПОДЛО НАБЗДЕЛ («Лучше громко перднуть, чем подло набздеть», — говаривала пацанва у нас во дворе), и вредоносный агент невидимо распространяется по рядам партера — обнаженные плечи, блеск драгоценностей, строгие сюртуки мужчин...

Какая там музыка, какая, на фиг, драма!

Но не шевельнется выдержанная публика, и взоры все так же устремлены (но несколько более напряженно) на сцену... Да кто ж это сделал? Уж не этот ли сосед слева, ишь как потеет, мерзавец... На дам и думать страшно... Машет палкой дирижер... Или этот спереди — шея краской заливается... Ч-черт! это ж и на меня могут подумать! Кидает в жар — и сам неудержимо начинаешь краснеть как помидор...

Именно такой эффект произвели несколько простых слов:

— *В ЦРУ знают радиационную обстановку в Чернобыле.*

Простые слова сказал простой невыразительный человечек — особист. Представитель «Особого отдела» — контрразведки, армейского КГБ [\[23\]](#) — в батальоне.

А перед ним сидим мы, офицеры батальона радиационной разведки, два десятка человек, которые как раз эту самую обстановку и «делают»; сидим рядами на грубо сколоченных лавках, кепи держим на коленях или в руках...

— *В ЦРУ знают радиационную обстановку в Чернобыле.*

И тонкий душок предательства пополз по комнате... А как иначе могло быть, когда в помещении с ограниченным числом людей говорят: «Среди вас есть предатель»?

Зависла тишина. Густая, заряженная, насыщенная тишина.

Среди нас должен быть предатель.

Шпион...

Происходит эта «опера» в 35 километрах от Чернобыльской имени Ленина АЭС, в ленинской же комнате батальона разведки — длинной палатке-бараке.

Лето 1986-е от Рождества Христова.

Еще не построен саркофаг, пролом реактора зияет на весь мир черной дырой, и в жаркую погоду поднимаются уровни радиации по ветру от 4-го развороченного блока... А перед нами стоит особист, который видел АЭС только в телевизоре (если видел), и намекает нам... да что там намекает — прямо утверждает! — «Среди вас есть предатель»...

— *В ЦРУ знают радиационную обстановку в Чернобыле...*

И в наступившей тишине каждый думал одно и то же: «Ч-черт! Это ж и на меня могут подумать...»

Не скажу, сколько она тянулась, эта пауза -

— *В ЦРУ знают радиационную обстановку в Чернобыле...* —

и какой вихрь — тщательно маскируемый невозмутимостью наружной — пронесся у каждого из нас в голове -

— *В ЦРУ знают радиационную обстановку в Чернобыле...* —

пока особист своим взглядом почти-рентгеновским «сканировал» публику...

И тут меня словно коснулся ветерок облегчения: я не крайний! Я НЕ КРАЙНИЙ!!!

Я НЕ ДОБРОВОЛЕЦ!

Я не сам сюда пришел! Я не рвался сюда, а мне повестку сунули — распишись! «На основании Закона «О всеобщей...[24]» — заставили! А я не хотел, на фиг мне этот Чернобыль с его обстановкой радиационной...

Это, конечно, не алиби (для советской власти алиби не бывает, для ее «особых органов» замечательных) — но все же...

И все мы туг такие, самого этого особиста бдительного включая...

Все за шкирку в чернобыль притянутые.

Все.

...Кроме одного.

Сережи, моего тезки, командира расчетно-аналитической станции.

Вот он пришел сюда ДОБРОВОЛЬНО.

Единственный на весь батальон радиационной разведки...

Чего он сюда пришел? Что он тут забыл? Или ищет? Чего ему тут надо? Зачем?

ЗА ЧЕМ?

Долго он теперь будет объяснять — зачем...

Да даже если и не будет... Вот так сидеть и знать, что все вокруг думают на тебя... Или ты сам на себя — по этому эффекту дурацкому всеобщей подозрительности...

Доброволец...

Сам в жизни никуда добровольцем не пойду и сыну своему закажу:

«Никогда, сынок, не ходи никуда добровольцем! Позовут — тут уж такое дело, смотри по обстоятельствам: что за дело, что за компания... А добровольцем — с толпой — никогда никуда не ходи».

Вечно с добровольцами этими всякие темные истории... У Эренбурга в «Люди, годы, жизнь», например: пошли русские, кого Первая мировая война в 1914 году во Франции застала, добровольно воевать во французскую армию против Германии... Отдельную часть создали — «Ура»! А кончилось все тем, что их свои же — французы — расстреляли по приговору военно-полевого суда: не нравилось русским *добровольцам*, как война ведется, стали на что-то обижаться, чего-то требовать — *дельно* воевать захотели... Неудобное они войско, эти добровольцы. А время было нервное — война...

Подозрительный он человек, доброволец. Своей волей идет туда, откуда все, кто с головой на плечах, правдами и неправдами отмазываются...

...не хотел бы я быть в этот момент на месте Сережи...

Особист, добившись требуемой степени «осознания», перешел от «СЛУШАЛИ» к «ПОСТАНОВИЛИ», к раздаче Ценных Указаний:

— *Запрещается вести всякие разговоры о радиационной обстановке...*

А дружеские беседы? Он что, не понимает, что расслабленный по виду треп отдыхающей вечером (или когда придется) разведки — это треп именно и в первую очередь как раз о том, что-где-как и, естественно, СКОЛЬКО — на самом деле — важная часть нашей работы?! Потому что завтра тебя закинет в то же место — и ты будешь тыкаться вслепую, влетать в те же проблемы и хватать те же дозы, что уже влетели и схватили твои друзья-приятели... Если вчера — или когда-то раньше — не потрепался в лагере или другом безопасном месте на эту тему со своими приятелями... Хорошо, что у мужиков есть такой плохой обычай — говорить о своей работе...

А особист свое талдычит:

— *Если видите, что кто-то в зоне делает замеры уровней радиации — сообщать немедленно!*

Ну чужак! Да кто ж этих замеров в зоне не делает! У каждой работающей бригады — свой дозиметрист, а этих бригад, групп, группок и одиночных работающих в зоне — неисчислимо...

— *А если увидите, что кто-то берет пробы грунта или воды в зоне...*

Ты как это себе представляешь, дружок? Что кто-то, извиваясь ужом, проползает между наших сапог и, тихонько подвывая, саперной лопаткой наскребает себе горсточку песка в карман? Да тут сейчас начали брать пробы все кому не лень — чем дальше, тем больше. Раньше всех только уровни интересовали, а теперь что ни день — то пробы, пробы, пробы — все больше и больше: в белых робах — «наука» — и Академия наук СССР, и АН Украины, и всякая разная прочая; в хаки — военные; в рабочих спецовках — ведомства всякие; ну а возят их чаще всего военные, и мы в том числе... Недавно по периметру 30-километровой зоны ездили — возили и помогали цилиндры земли сантиметров 30 диаметром и глубиной 60 выкапывать... Жаль, я не смог тогда с этим экипажем поехать...

Съездил бы ты хоть раз в зону, дружок, а потом уже других учил! Шпионов тут по тылам ловишь...

— *Выходить в эфир открытым текстом — категорически запрещается!*

Ну тут уж — можешь быть аб-со-лют-но спокоен! — не подведем: рации мы включаем, только когда из зоны сматываемся — ПУСО объезжаем! И тут уж так стараемся, чтоб «враг» — твои же кореша из Особого отдела — лишнего не услышал... Тут все железно. Можешь на нас полностью положиться. Не подведем.

...А здорово они поумнели — после того как в мае (мне приятели рассказывали) открытым текстом гнали радиационную обстановку из Припяти по рации...

— *Американцы из космоса контролируют всю территорию вокруг Чернобыльской АЭС...*

Вот с ними и разбирайтесь! А то пристебался...

Жутко боялась Власть «утечки информации» — как же, имеет «огромное военно-стратегическое значение»... И уровни радиации на местности, и то, как последствия аварии АЭС ликвидируются — чтоб, наверное, если мы ихнюю АЭС раздолбаем, враг как совладать с последствиями не знал... Чтоб мир не знал, какие мы на самом деле позорники и как мы эту аварию на самом деле «ликвидируем»...

Жутко боялись они «утечки информации».

Иностранцев в зону — ни-ни-ни! (Разве что Ханса Бликса, нанятого босса МАГАТЭ, на вертолете прокатили... А с воздуха что? Людишки внизу копошатся, работа кипит — а что, зачем и где-сколько, вам наши эксперты расскажут... С воздуха вообще все выглядят красивше — и ненужные детали картину не портят...)

Характерный эпизод:

В одну из первых разведок попал я на место, где несколько гражданских инженеров и техников собирали *Mannesmann*. Что, как потом оказалось, было а-а-агромным высоченным ажурным краном на большущих гусеницах; несколько этих *Mannesmann*'ов Саркофаг монтировали, их много потом показывали. Так вот, первый из этих кранов собирали в километре от взорвавшегося энергоблока на запад, на обочине куска дороги от АЭС, перед ее слиянием с трассой на Полесское — по нему никто не ездил... Уровень там был 100 миллирентген в час. Тогда сборку только начинали — гусеницы (в рост человека!) уже собраны, на них кабина, первая длинная ажурная секция крана еще концом на землю опирается... И наши инженеры этот кран собирали — *как школьники!* — заглядывая в инструкцию фирмы-изготовителя: толстенный том — прозрачная пластиковая обложка, добротная белая бумага — лежал развернутый прямо на этой самой гусенице... А иностранцев, они объяснили, в зону «наши» не пустили — хоть обычно монтаж делает фирма-изготовитель, и в этом случае они тоже свои услуги предлагали... Коварство чужестранцев беспредельно...

...Но самое смешное! — в это же самое время, когда нас особист в лагере пытал-прорабатывал, — в разведотделе главного военного штаба в Чернобыле, где самые полные данные о радиационной обстановке собраны на картах, в таблицах, схемах самых важных участков... в общем, в разведотдел Оперативной группы Министерства обороны СССР заходил и брал данные кто хотел:

«Привет! Я такой-то оттуда-то. Мы там-то будем производить работы. Какие там уровни радиации?» Садился и переписывал на бумажку или в блокнот то, что его интересовало. Или копию на прозрачную бумагу-кальку с карты перерисовывал, если не ленивый... И это, кстати, и было *нормально*. (Пока до официальных писем-отношений с указанием — что-кому-куда-зачем — не додумались через какое-то время.)

По разведотделу такие толпы народу шлялись...

Или зачем мне, рядовому офицеру радиационной разведки, знать все? А солдатам — командирам наших экипажей? Зачем нам туда вообще заходить? Если б я за это отвечал — я б им живо обеспечил секретность! С простотой необыкновенной: в двери окошко, в нем приемщик данных — и все...

Но для этого нужно, чтоб был *порядок*.

А когда он есть — АЭС не взрываются...

...Человеку, который в чернобыле не был, — просто представить себе невозможно, какая там шпиономания была! Мы ж были простые люди, из народа, без всяких там допусков секретных, а «слишком много знали»...

...Из палатки-барака ленинской комнаты офицеры батальона радиационной разведки выходили, пожимая плечами, делясь сигаретами и склоняясь по очереди над огоньком в чаше ладоней друг друга...

Воздух снаружи был свеж.

Свидетельские показания

Странное пришло в роту радиационной разведки пополнение-

Вернее, пополнение как пополнение: десяток мужиков, постарше и помоложе, с вещмешками, неуютной кучкой новичков столпились у наших палаток. Дело было в 20-х числах июля месяца 1986 года. Может, в начале августа.

Странной была инструкция, которая это пополнение сопровождала.

А именно: каждый день эти люди должны были получать ровно 2 рентгена.

Два (2) рентгена ровно. Каждый день.

Мы озадачились.

2 рентгена были тогда предельно допустимой дозой за день. Определено это было приказом Министра обороны Союза Советских Социалистических Республик (так нам говорили, а приказ был секретным, никто его и в глаза не видел). Если начальник допускал, что его подчиненный получал больше, начальника наказывали. Как — не скажу, не знаю: никто не допускал — по бумагам, конечно.

То есть главное — чтоб не больше. Но чтоб ровно и аккуратно — и ежедневно — каждому бойцу 2 рентгена сполна...

А во-вторых, мы просто не могли этого сделать. Не в смысле, что мы работали на уровнях слишком низких или слишком высоких, что в эти 2 рентгена не попадали. Мы просто не могли гарантировать, что экипаж привезет из разведки ровно 2, на то она и разведка. А специально следить за этим — и без того хлопот невпроворот...

Странно.

И зачем все это нужно?...

Через полчаса прояснилось (в лагере информация циркулирует быстро).

И мужики, все еще жмущиеся кучкой (не успели разойтись по взводам), получили прозвище:

ПОДОПЫТНЫЕ КРОЛИКИ.

Это были подопытные кролики. У них у всех перед завозом в зону взяли кровь на анализ. Не на простой клинический, из пальца, а на биохимический, из вены. И послали выполнять обычную работу по уборке радиоактивного мусора. И параллельно «экспонироваться» — по 2 рентгена ежедневно. А потом, всадив в них потребную науке дозу — пардон, «науке» — дозу (о, разумеется, не выше предельно допустимой здесь за все время — 25 рентген), их демобилизовали б, перед этим снова взяв биохимический анализ крови. Что-нибудь вроде «Влияние хронического облучения в количестве 2 рентген в сутки на биохимию крови мужчин». Или «острого облучения...» — смотря как смотреть.

Я живо представил себе (по своей сравнительно невинной гражданской специальности приходилось иметь дело с военными заказчиками), какое стадо сытых кормилось на этих нескольких десятках людей — к тому времени мы уже знали, что по разным частям в нашем лагере разбросали еще «кроликов»... А почему, собственно, «на нескольких десятках»? Они могли пригнать и «стадо» — стадо кроликов, раскидав их по разным лагерям — сколько их вокруг зоны? — один на одном, и все людьми кишат...

Отличительная черта хорошего эксперимента — достоверность. Достигаемая в числе прочих путей (особенно если мозгов не хватает) большим количеством экспериментального материала... Вот так.

Честно говоря, не помню, успели мы их послать на работу в зону или нет, — их быстро забрали. Собрали всех кроликов в один БСО нашего лагеря — один из батальонов специальной обработки, занимающихся дезактивацией. Проще говоря, поставляющих живую силу (за неимением соответствующей техники) для уборки радиоактивного дерьма разных форм и видов. Обычно работают бригадами — все на одном уровне, и доза всем одна: проще посылать, дозу проще контролировать. «Достоверность»...

Вот, собственно, и все.

Кроме того, пожалуй, что мы — несколько офицеров роты разведки, которые решали, кого куда ставить работать, — испытали что-то вроде облегчения: не пришлось в чем-то нехорошем поучаствовать — обошлось...

Теперь — все.

Кроме главного.

Вы, может, думаете, что перед вами рассказ, так сказать, «штука изящной словесности»?

Ни хрена подобного.

Посмотрите на название.

Карьера ефрейтора Б

Интересно устроена память: фамилии многих хороших людей не помню. А этого засранца — помню.

Бо... Впрочем, хватит и буквы Б.

Лицо, внешность у него были... нет, даже не убийцы — отравителя.

Что-то в нем было такое, что заставляло это подозревать...

Я его по Пруд-охладителю — маршруту разведки Пруд-охладитель — свозил как командира экипажа, точки показал: «Запомнил?» Он кивнул с готовностью: «Так точно».

Через несколько дней выяснилось — ни хрена не запомнил, привозил все эти дни те данные, что мы в первый раз намеряли, вылезать из броника боялся, экипажем раскомандовался так, что они ему чуть морду не набили. И глуп невероятно. Одно к другому...

Турнули мы его из разведки, тут все-таки хоть минимум мозгов нужен — и водителю, и дозиметристу, и уж тем более командиру экипажа.

Не помню, работал он или нет в бригаде на АЭС, но всплыл и лавры заслужил он на АБК — административно-бытовом корпусе. Там на входах должны были сидеть дозиметристы и мерять входящих, чтоб грязь не тащили — на себе, на ногах особенно. В чернобыле обычно рядом с мало-мальски серьезными дверями стояла какая-нибудь плоская емкость с водой — от обычного сельского цинкового корыта до центнерного веса сварной бады из сантиметровой толщины стали, чтоб отмывать обувь, если дозиметрист не пускает...

А у нас в роте не хватало приборов — дозиметрических приборов ДП-5, - для разведки даже не хватало, в других ротах занимали. Разведке прибор нужен каждому экипажу, а им один на 10–20 человек — бригаду работающих на АЭС.

Так вот Б. прославился тем, что в самый отчаянный момент, когда чуть не половина наших приборов были свалены под койкой старшины в ожидании ремонтников, несколько дней осуществлял дозконтроль на входе в АБК. неисправным прибором. Имитировал.

Так и вижу его тыкающим мертвым зондом сдохшего ДП-5 в ноги входящим людям и по какому-то принципу посылающим кого-то обратно мыть обувь — для острастки... И их же надо еще как-то убеждать, шкалу прибора под нос тыкать — кому нравится лишний раз в дерьме плескаться.

Говорят, строгий был контролер, непреклонный.

Талантливый он человек, Б.

Хорошо, что главным талантам, которые я в нем подозревал, негде было развернуться — не те времена...

Письмо дочке

Сидит человек в лагере.

В зоне.

Зона — чернобыльская. Точнее — предзона: до зоны 5 км.

Лагерь соответственно — военный.

Палатки. Бесконечные ряды, ряды: палатки...

Солнце клонится.

Плоскость — движутся люди, машины. Песок.

До камня — сапогами спрессованный супесок...

Выпал из круговерти работы человек. Бывает.

Пустота.

Кому написать?

Любимой женщине? Так ее нет.

Друзьям? Далеко они отсюда, и долго объяснять им все придется...

Родителям? Как ни следи, обязательно пропустишь в письме что-то, что матери покажется страшным — и будет лишний повод для переживаний...

«Напишу-ка я дочке», — решает человек.

Дочке 5 лет.

Человек вырывает из тетрадки в клеточку двойной лист, прилаживает на коленях офицерскую полевую сумку — твердая ровная кожа как стол — и начинает писать:

ЗДРАВСТВУЙ, ДОЧКА!

— по клеточкам, аккуратно выводя большие заглавные буквы.

Кажется, она должна уже все их знать.

...Как начать? С чего? Ребенку... А взрослому?...

Наверно, с утра.

УТРОМ

Ну а дальше? Ну,

МЫ

— кто ж, если не мы...

Скользит взгляд по кругу, словно в поисках ответа.

Привычное: палатки, штабы, столовые, бараки сортиров, технический парк, набитый грязными тушами брони...

Круг: сон — сортир — «прием пищи» — инструктаж — на броники — зона — работа — вернулись — с бронеков — заправка машин — «прием пищи» — инструктаж — сортир — сон. Сон. Мало сна...

Солнце вот-вот уйдет каплей за песчаный горизонт. И поползут фиолетовые тени — от леса, кустов, грибов прилегающей травы. Закат... Рассвет.

Закат. Потом опять рассвет. Работа. «МЫ»

МЫ ВСТАЕМ РАНО УТРОМ.

И, поймав нить, пишет — быстро, большими печатными буквами, понятными ребенку простыми словами.

Увлечшись, начинает рисовать любимца — и одновременно настоящий свой дом тут:

ОН ВОТ ТАКОЙ

два кругляша колес — вид сбоку — с промежутком между ними; над колесами — корпус как у катера; сверху — сплюснутая полусфера: башня стрелка.

Подумав, добавил согнутую луком — через весь корпус, от носа до кормы — антенну: ее привязывают, чтоб в лесу за ветки не цеплялась.

НАЗЫВАЕТСЯ — БРОНИК

«Получилось вроде неплохо», — подумал человек, довольный рисунком существа, рокот мотора которого — как голос преданного тебе животного, мощного и верного. Звук, от правильности которого зависит... ой, да многое зависит, когда три теплокровных существа, называемые вместе «экипаж», и сваренная из специальной стали машина-броник — одни. Совсем одни — и помочь одному из четверки на маршруте может только кто-то из четверки же...

...следуя нити дня, человек пишет быстро, большими печатными буквами, простыми — понятными ребенку — словами. И оттого — в коротких бесхитростных предложениях, в обыденности, правдивости своей — написанное (да вот оно, разворачивается перед глазами!) звучит как миф, как исландская сага, с героями, ростом под небеса, рукой затыкающими вулканы, в быту неприспособленными и, за неимением досуга, морально устойчивыми...

Сказочно устойчивыми — морально и физически...

Человек разгибается — и просветленно улыбается.

Глядя на тот же лагерь, то же и тех же, что минутами раньше.

Человек улыбается, невидяще глядя на все, что его окружает, на закат солнца.

Он не здесь.

— Ну ты даешь! — говорит придремнувший было у его бока солдат, заглядывая в листок через плечо. — «УТРОМ МЫ ВСТАЕМ РАНО УТРОМ»... Кто ж так пишет?

Человек не обижается на своего побратима, покровительственно похлопывает его по плечу, мол, «подрастешь-поймешь», ничего не исправляет, сгибает бумагу с продавленными бороздами строк раз, еще раз, продолжая сам себе улыбаться, заклеивает конверт.

Надписывает адрес.

Марку наклеивать не надо — в СССР письма в воинские части и из в/ч бесплатные.

Идет к тыльной лагерной линейке — главной улице лагеря (с одной стороны ее — палатки жилые, с другой — штабные, столовые и прочие) — со светлым прямоугольником в руке.

Солнце еще не село.

Прочно сбитый ящик, специально врытый для него деревянный столб.

На ящике надпись «ДЛЯ ПИСЕМ».

Прямоугольник уходит в прорезь.

Это письмо моя дочка никогда не получила.

Ведь в нем я, на минуточку кой о чем по-детски подзабыв, описал:

(!) чем наша в/ч в зоне занимается, и, мало того,

(!!) приложил эскиз образца военной техники (уточню — давно уже несекретной). И письмо не дошло.

Единственное письмо, которое я написал из зоны,

«ПРОПАЛО»

...Но может, главное — что хоть было в тот миг кому письмо написать.

А остальное, как говорится, «их проблемы».

Письмо мамы

На обороте приписано поперек листка, уже сложенного вчетверо:

Дезертир

Дезертирство (от лат. desertor — беглец, изменник) — умышленное самовольное оставление военнослужащим (военнообязанным при прохождении учебных сборов или мобилизации) воинской части или места службы... По советскому законодательству является одним из наиболее тяжких воинских преступлений.

Военный энциклопедический словарь.

Москва: Военное издательство, 1986. С. 225.

Внутри зоны по совершенно безлюдной трассе мчится броник радиационной разведки — граненое зеленое семитонное зубило со свистом рассекает воздух...

Свобода, скорость, полет!

А что — если так и дальше? За первое ПУСО, и за второе, и дальше, мимо всех этих постов — дозиметрических, военных, милицейских — по трассе — дальше — дальше — и дальше — совсем далеко отсюда...

Машина, скорость, ветер в лицо — ДОМОЙ!..

Сначала — в сторону Киева, потом, в него не заезжая, свернуть в свою сторону...

Сто с чем-то километров в час — рассекая воздух — броня, мощь — хорошо!

А что нам могут сделать? Кто может остановить «летающее зубило» на трассе? Только пушка прямой наводкой. А так — никто... Милиция нас не останавливает вообще...

Потом, конечно, в лагере хватятся... Ну, пару раз мы просто посты проскочим, не останавливаясь...

Потом — заслоны. Из бронетранспортеров? Потому что грузовики или автобусы мы запросто протараним — и без особого для себя ущерба... Заслоны мы обойдем — по кочкам-буеракам, выпустив из-под брони дополнительные колеса, задействовав все наши прыгательно-плавательные возможности... То-то мы обхохочемся, когда погоня, разинув рты, у «водной преграды» остановится, а мы себе плывем, я из люка по-деловому торчу, команды внутрь подаю — «на задании»... А тех, «на берегу», мы просто не замечаем...

Потом на неширокой речушке-притоке заглушим разгоряченный мотор, скинем робы — и - голяком, незагорелые и белые — в приятную прохладную воду... Это уже Полтавская область, вода в речках мягкая-премягкая... Потом, все в каплях — под солнце: тепло по коже...

Дальше уже небыстро, между селами, по грунтовым дорогам — степью, перелесками, вдоль лесопосадок, покупая по дороге в сельмагах вкусную гражданскую снедь — всё ближе и ближе к дому... И вот так, в боевом виде — прибыть на побывку...

Дальше этого мечты никогда не распространялись.

Бензина не хватит. У броника расход бешеный.

Бронированная машина радиационно-химической разведки быстро движется по зоне радиоактивного заражения.

Экипаж выполняет замеры по маршруту следования.

«Чрезвычайное событие»

Утром выезжаем из лагеря на трассу — и вправо, на Чернобыль. Перед тем как нырнуть полусонным в люк (дорога до Чернобыля — законное время моего досыпания), я краешком сознания что-то необычное ощущаю...

Получили в Чернобыле задание — и по трассе на АЭС. Тут глаза у меня уже открыты. И я обращаю внимание, что трасса как-то пустовата.

Но задумываться некогда — уже подъехали, ныряем с автотрассы в родные радиоактивные дебри... Мир вне маршрута перестает существовать, не до него.

После работы настроение совсем другое: наслаждаемся жизнью, жмем столик километров в час по трассе!

Очень хорошо сегодня получается — 100 километров в час жать... МАШИН ПОЧТИ НЕТ. Ни на нашей полосе, ни на встречной.

Обычно каждые несколько секунд мимо — вжжжгур! — вжжжик! — гуррр... — воздух гремит — встречные многотонки проносятся.

А тут изредка чиркнет встречная — и тишина.

Что такое? Почему на АЭС работы свернули?

Бабахнуло на АЭС? Мы б по уровням почувствовали, а сегодня ничего необычного мы не намеряли...

Или вне зоны что-то стряслось? И тут все всё на хрен бросили, только радиационная разведка ошалевшая, ничего не зная, по зоне болтается...

Что вообще в мире происходит?

АТОМНАЯ ВОЙНА?!!

Мы ж тут вообще ничо не знаем: промятый кусок «Советского воина» в сортире да обрывок «Голоса Америки» — когда его поймашь изредка по рации...

Что в мире?!!

...А в мире было —

ВОСКРЕСЕНЬЕ.

Выходной день.

РАЗВЛЕЧЕНИЯ

Баня

Человек — ходячий водный раствор.

Эпиграф к учебнику коллоидной химии

Баня — то есть утилитарное обмывание тела, «в миру», в мирной жизни обычно незамечаемое, в армии превращается в процедуру настолько очищающую, освобождающую, возвышающую — *оживляющую* настолько, что само слово это хочется писать большими буквами:

Б-А-Н-Я!

Ба-ня... Место, где не только смываешь с себя, со своей поверхности «отмерший слой клеток кожи, пот и продукты его разложения, выделения сальных желез, а также прилипшую пыль и другие загрязнения» (которые, бывает, таскаешь на себе дни, а то и недели — жары, бега, ползания, прыгания, преодоления препятствий всяческих), не только смываешь все это прочь, но и уходишь в эти короткие миги священного общения с водой куда-то от места своего физического пребывания — далеко... В себя?... В льющуюся вечность?... В бесконечность океана? Из которого, с поверхности которого, колышущейся величаво и равнодушно, все мы, живое, говорят, и произошли когда-то: крошечные комочки белка — *коацерваты*, — за миллиарды лет поднабравшиеся чуть-чуть ума и изрядно — тела...

Обтекая твою тонкую оболочку, вода словно соединяет тебя со своим чистым источником... А значит, и с твоим, ибо любой, пусть даже самый дрянной человечешко, на две своих трети состоит из чистой, прозрачной воды...

И, обновленный, омытый — ты воскресаешь...

БАНЯ...

Перейдем к техническим подробностям.

Как организуется помывка личного состава в полевых условиях?

— Да очень просто — при помощи дэдэашки, — ответит любой, кто был в армии. Подумав, добавит: — Правда, для этого нужен еще АРС...

Все очень просто, правда?

АРС — это АвтоРазливочная Станция. На обычном гражданском языке — поливалка (только покрашенная в защитный цвет). Поливалка-АРС из своего бака подает воду по трубе в Дезинфекционно-Душевой Автомобиль. Эта металлическая будка на базе армейского грузов и ка-вездехода греет поступающую воду в котле и по шлангам гонит в «душевые установки». Где и моется «живая сила» (она же — «л/с», личный состав) в полевых условиях.

До чернобыля я имел счастье омываться таким образом дважды. Ощущение своеобразное, и слово «счастье» тут употреблено не без иронии, но и не без трепета...

...Глухой дубовый лес в центре Украины (даже и не подозревал, что у нас тут такие дремучие есть!). Мы, гордые собой выпускники университета, только вчера защищали дипломные исследования, были поздравляемы, целуемы, осыпаны цветами... А сегодня: ПАААДЙОМ!!! 6.00! Ни свет ни заря нас выгоняют из палаток на пробежку-зарядку голыми по пояс — по дикому холоду! Посреди лета в тот год чуть ли не приморозки стояли... У каждого в голове проскакивает детски-злая мысль: «Ну гады! Вот когда мы тут

все переболеем — этим сажогам влетит!»... — *Ни хренюшечки!* Ни один не то что не заболел — не простудился, насморка не было... (Только ближе к концу трехмесячного срока, когда мы уже освоились, напряжение спало, стали простужаться.)

Баня была в гуще леса. АРСа не было: дэдэашка брала воду прямо из артезианской скважины. «Душевые установки» — на подпорках выше роста человека зеленые металлические трубы с конусиками-разбрызгивалками над головами — плетнем отгорожены... (В лесу — от кого?! Однако ж...)

Мерзко, когда комары (а их в дубраве полно) норовят тебя жрать прямо во время душа. А уж тем более когда ты теплый и распаренный из-под него вылезешь!.. Причем «комары» — это не пара-тройка сиротливо гудящих «истребителей», нет! — это плотно звенящая масса, уверенная в своем абсолютном праве пить теплую красную жидкость из всего, что шевелится...

И все равно — кайф!

Присматривать только нужно было. А то в армии как? Один потеряет полотенце и, чтоб не иметь неприятностей, стянет у соседа (у всех же все одинаковое — «единообразие»!), тот — еще у кого-то... И пошло воровство полотенца по всему лагерю!.. Тут и честный украдет — а что делать? Начальству-старшине что мямлить? Тот все равно скажет твердо: «У тебя украли — ты укради! Были у меня два заначенных — так уже отдал твоим же дружкам-ротозеям. Иди своруй! Или без полотенца обходись. До конца службы».

Относились, надо признать, к нам, курсантам, в части более-менее по-человечески. Помывка, например, была не раз в 10 дней — как по Уставу в полевых условиях положено, — а раз в неделю, «цивильно», по четвергам, после обеда. Сначала — выдача постельного и нательного белья (две простыни, наволочка, полотенце, трусы, майка х/б^[26], две портянки — все хоть и не новое, но свежестиранное), перестилание постелей... Потом — баня. Роскошь...

...Развертывание полка химразведки. Баня — на большой поляне: зеленая лужайка, крашенные стойки цвета хаки, голые тела блестят под солнцем... Веселенькая мечта социалистов-утопистов.

Бывалый Сэм внес в процесс санации разнообразие — устроил себе сауну: согнувшись, влез в дэдэашку внутрь — в камеру для дезинфекции одежды: пустую, темную, герметичную, внутри стёны трубами обвиты. По этим трубам пар-кипяток гонится: камера — для того, чтобы, пока люди моются, закладывать в нее их одежду для дезинфекции-дезинсекции; ее еще «вошебойкой» называют... Меня звал — в «сауне» места хватало, — но мне в черное нутро лезть как-то не захотелось... Сэм попросил его дверцей снаружи закрыть (внутри, понятное дело, ручки нет)... Ничего, посидел там. Потом постучал. Выпустили. Классно, говорит... И сразу под душ на зеленой, солнцем залитой лужайке...

На «специальных воинских сборах по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС» баня была в дальнем конце длинющего ряда палаток — на краю лагеря, под самым лесом.

Огромный шатер из брезента, похожий на цирковое шapито: внутри темно и сыро, над головой трубы любимого армейского цвета, под ногами скользкая деревянная решетка-подставка. Вода сверху то теплая брызнет, то ледяная, и вдруг с шипом кипятка — пар!!! Красные голые мужики отскакивают, ошпаренные, дико матерясь... И всё, воды нет: змеиное шипение пустых труб... «Ну ты, гвардеец, воду давай!» — «Заснул, что ли!» — «Морду надо набить!» — честят солдата, который дэдэашкой командует...

...Я стою, голый, под струями душа: пошла наконец-то нормальная вода, я уже обмылся, просто греюсь... Вокруг намыленные, страждущие воды, *чистоты*... Надо уступать место.

Протискиваюсь сквозь эту массу, с сожалением вымазав свою плоть, только эти несколько мгновений *чистую*, о намыленную чужую...

Под стеной на длинной лавке — гора шмоток. Уже одетый пожилой сержант стоит рядом, на ногах — портянки... «Пока мылся, сапоги украли». Ждет теперь, пока приятели какую-то обувь ему принесут...

На мои сапоги — «джинсовые», с грубыми строчками швов, отремонтированные-переремонтированные, битые-рыжие-ворсистые и из-за всего этого приметные, никто не покусился. Долго ищу свою одежду на лавке: география шмоток поменялась: раньше пришедшие, помывшись и перекопав все шмотки в поисках своего, оделись и ушли, а новые сверху набросали свое... Нашел свое, вытягиваю... Черт! брюки на пол свалили! скользкий, мокрый... Хорошо, что только брюки... Ступню в портянку, и в сапог — юрк! Сухая свежая портянка на чистой вымытой ноге: уютно в сапоге...

...Как оказалось, неправильно мы в чернобыле мылись. Не по науке.

«На специальных сборах» и мыться надо *специальным образом*.

«Ну понятно, с мылом, тщательно...» — скажете вы.

Ответ верный, но неполный.

Согласно наиновейшим тогда рекомендациям военно-медицинской гигиены (рассекретили для широких масс, в зоне трудящихся):

Жаль только, об этом гениально-простом рецепте я узнал уже ближе к концу своей службы, совершенно случайно, в трепе с кем-то из старших офицеров. А десятки тысячи людей в зоне так об этом никогда и не узнали...

Так что мылись как придется. «По дедовским рецептам». Когда возможность была.

Потому что баня в лагере работала до полседьмого вечера или что-то в этом роде — до ужина, короче. А мы — с разведки, с нашими объездами ПУСО — и к ужину редко поспевали, а то и в ночь-полночь в лагерь заявлялись... Так что, бывало, и дней по пять ходил я не мывшись...

Выпивка: Театр теней

Памяти

Николая Петровича Мирного,
командира взвода огневой разведки
Второй мировой войны

Те, кто первыми после взрыва мчались к Чернобыльской АЭС
останавливались на въезде в зону, чтобы опрокинуть в себя
бутылку водки...[\[27\]](#)

Красный атом. Нью-Йорк: Фриман, 2000. С. 257.

Парашютисты обычно не пьют с момента отделения от
летательного аппарата до приземления.

Проницательное наблюдение

Как опытный офицер запаса, слухам про то, будто бы в чернобыле каждый день каждому наливают, я не поверил.

Как раньше было, не знаю, а в мое время уже никто никому не наливал.

Более того, вокруг 30-километровой зоны — «радиационной» — была создана, наверно, зона 60-мильная — «сухая». Сухого закона.

То есть выпивки не продавали.

Вообще.

Но люди, конечно, доставали — самогонку по селам. Но этим нужно было специально заниматься, а у разведки просто времени на это не было.

Предвидя эти проблемы, я, как опытный офицер запаса и к тому ж химик-профессионал, взял с собой 0,7 литра чистого спирта (чего зря воду возить?) в удобной бутылки из-под чешского ацетона, обтянутой пластиковой сеточкой (с ней бутылка в руке не скользит и при транспортировке не бьется), — угостить своих новых, тогда еще неведомых мне чернобыльских приятелей...

Мой 27-й день рождения праздновался в обстановке строжайшей секретности. В офицерской палатке присутствовали... Впрочем, они тут же и проживали. Плюс, само собой, мой экипаж — и еще нескольких ребят из роты, с которыми мы уже сдружились.

Электричества нет: горит свеча. Вход в палатку тщательно застегнут. Под приглушенные одобрительные возгласы откручивается золотая крышечка с темной бутылки из-под чешского ацетона...

Запах отличнейшего, чистейшего спирта-ректификата достигает ноздрей военнослужащих отдельного батальона радиационной, химической и бактериологической разведки, выполняющих правительственное задание по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС...

— Ну, не томи — разливай!

— Да не ори на весь лагерь!

— Конспиратор чертов!..

— Тс-с-с-с...

— Строго секретно...

— Выпить в одном экземпляре...

— И немедленно закусить! Давай, давай!

— Да тише!

— Ну, не томи ж!

И переходят на шепот.

Конспирация — строжайшая...

...А в это время снаружи на стене палатки, как на экране, на всю улицу палаточного лагеря — театр теней:

...Кружок яркого света с ореолом в центре (это свеча)...

...Громадная тень № 1 — кружку ко рту подносит, запрокидывает — рукав фуфайки к носу подносит — занюхивает — тянется за закуской...

...Тень № 2 — кружку запрокидывает — трясет головой, слепо машет в стороне рукой — тень № 3 вкладывает в эту руку маленькую бутылочку (газированная Фанта) — тень № 2 срочно запивает...

...Отдышавшись, тень № 2 крякает и шепотом прочувствованно хвалит алкоголь...

...Тени выпивают, закусывают, трепяты все громче...

...Ржут...

...Разливают снова...

...И — взрыв хохота на весь лагерь!..

Со-вер-шен-но секретно...

«Выпить в одном экземпляре...»

Вот так — памятно и, по счастью, совершенно безнаказанно (похоже, старшие офицеры в это время занимались тем же) — отметил я свои полных 27 лет...

Но что было, как теперь принято выражаться, «беспрецедентно» — мы, полдюжины здоровых мужиков, эти 0,7 литра спирта не допили! Немного захорошили — и поукладывались. Спать...

Оставшиеся граммов двести держать в палатке было нельзя, чуть не каждый день в новую переселяли, никогда не знаешь, где вечером свои вещи найдешь и где спать будешь, и поэтому я остаток спрятал в бронике: завернул бутылку в тряпку, и Коля запрятал ее под ветошь в металлический ящик для мелких принадлежностей БРДМа...

И провозили мы эту бутылку с собой почти месяц!

И так и не допили.

Забыли.

Дядя Коля — брат отца, он всю войну, с 1941 по 1945 год, провоевал командиром взвода огневой разведки, — рассказывал:

«На передовой полагалось по 100 граммов в день водки на каждого. И когда водка раз в несколько дней попадала-таки в окопы, то выходило обычно сразу — по бутылке на живого... Вообще, как ни странно, на фронте выпивки было хоть залейся — то цистерна со спиртом трофейная, то вино откуда-то... Короче, во взводе всегда было. А вот желания, выпить не было. Разве что в гости соседний командир придет. Ну, тогда высунешься из блиндажа, своим скажешь: «Э, Петров-Сидоров, тут гостя надо угостить»... И что интересно: даже когда выпивал человек свои поллитра — пьянел *ровно на пять минут*. И все. А потом опять трезвый. Как стеклышко.

Передовая линия.

Напряжение тебя не отпускает».

Ambre

Приезжала автолавка.

Это такой грузовой автофургон: приезжает в армейскую часть, открывает широкую дверь сзади и начинает торговать: иголки-нитки, пирожки, ситро, подворотнички, мыло, пряники, крем для обуви, безопасные бритвы, зубные щетки, конверты, ручки, одеколон...

На следующий день старшина возмущается:

— Весь одеколон попили! После автолавки утром в сортир заходишь, а там *ambre* как в парикмахерской!

Сортир

Если б меня спросили, чем отличается армия от гражданки, я б сказал: «В первую очередь — отсутствием приватности».

Ты ни на миг не бываешь один.

Даже там, где это было б естественно.

Я не говорю о том, что сходить с приятелем за генеральскую линейку, на опушку помочиться под дубом (или сосной, как это было в чернобыле) — это праздник души. Это... ну не знаю... как, наверное, выпить где-нибудь в Париже чашечку кофе, глядя с приятелем на обтекающую столики на тротуаре разноцветную, пеструю толпу... Это элегия, вершины общения человека с человеком и природой...

И не говорю о том, что утром, после подъема, взводы строятся у палаток и строем следуют отправить накопившиеся за ночь естественные надобности к отхожему месту — по команде «Вольно! Разойдись!»... (Правда, в чернобыле этого не было — грубое нарушение Устава внутренней службы Вооруженных сил Советского Союза.)

И, к слову, это не так глупо, как кажется. Коллективное «мочение», как мало что еще, способствует «боевому слаживанию подразделения» (это военный термин), сидение на очке в коллективе себе подобных *Homo sapiens* воспитывает крепость характера, устойчивость психики и (это я без шуток! прочувствовал на собственном опыте) чувство слияния с массой: «и я», так сказать, «этой силы частица»[\[28\]](#).

А представьте себе командира, срущего в присутствии своих подчиненных — тоже, естественно, срущих? Или идущих с или на это дело мимо очка, на котором тужится их командир...

А командир — вижу перед собой картинку как живую — командир нашего разведбата сидит себе над очком, как и все его подчиненные, газетку «Советский воин» почитывает, перед тем как помять и задницу ею подтереть. Ничто его не колышет, сразу видно — настоящий солдат.

Я всегда ломал голову, проходя утром к свободному очку (чем дальше от входа, тем спокойнее), — как его приветствовать? По Уставу? «Здравия желаю!»? Глупо. Не приветствовать вообще? Неловко... Короче, получалось что-то вроде штатского «Доброе утро», на которое он отрывал взгляд от передовицы в уже промятом «Советском воине» и отечески кивал, приветствуя глазами.

Он был командир настоящий и толковый.

А вот после него прислали — ни рыба ни мясо, рыхлый какой-то — и телом, и, как оказалось, душой. И как командир — никакой. И в сортире вверенного ему нашего подразделения я его никогда не видел; ходил, наверно, в штаб бригады, чтоб «делать это» с равными по званию...

Ну да ладно, это я все не для того затеял, чтоб зубы поскалить, а для того, чтоб статистическую базу под свои выводы подвести.

Объясняю:

Сортир наш был — в чистом песчаном поле построенный сарай: длинный, обитый толью. Крыша двускатная, тоже толь. Вход (дверей никаких!) один, зато широкий, как ворота. Внутри по центру — ряд колонн из светлой обтесанной сосны (на них на вбитых гвоздях — свежие газеты). По обе стороны от колонн в деревянном настиле — два ряда дыр... Все просто.

И еще: было в нашем сортире непривычно — просто удивительно! — светло.

Так вот, пока дойдешь до свободного очкоместа, поневоле будешь знать, как сегодня батальон радиационной разведки гадит. И уже погадил — внизу, под настилом.

Жидковато гадит.

Жидковато гадит батальон радиационной разведки.

Гораздо жиже, чем на обычных военных сборах, не «специальных». Я, конечно, не имею в виду случаев, когда боеспособность части вконец подорвана дизентерией. А так — я уже говорил — от армейских непрерывных каш обычно крепит. Но тут, в чернобыле...

Газеты

Чтоб сразу было понятно:

Газета в армии — это сортирное чтение.

Не из каких-то там особых идеологических соображений, а просто по определению, потому что она на бумажном носителе; а бумага (любая, о туалетной я вообще молчу) — дефицит в армии.

Информация о чернобыле в газетах?

Она нас на самом деле не очень-то и интересовала.

Потому что она у нас была.

Ну разве так — похихикать над тем, что пишут и что передают.

А больше мир *вне наших границ* интересовал...

Вот поначалу — да, поначалу страшно интересно было

*читать о чернобыле —
и быть в чернобыле*

сравнивать: ты ж все это видишь... Я на будущее научился (кстати, очень полезный навык оказался)... как бы это сказать?.. восстанавливать, что на самом деле происходит, — по тому, что об этом в газетах пишут...

И какое это было сравнение?

Да, в общем, никакого... Как бы вам это объяснить... Ну вот.

Представьте.

Стоит перед тобой такой *гер-ррой* — в парадной военной форме, все начищено, блестит, строевая стойка, грудь колесом — такой красавец, богатырь — ну, ор-рел!

...Но ты находишься в такой позиции, что видишь его как бы сбоку — и видишь: задница-то у него голая (и к тому ж, похоже, извиняюсь, обосранная)...

Вот такое вот было сравнение, когда в чернобыле — «о Чернобыле» — в газетах читал.

Очень полезный навык оказался.

Книги

Книги в армии плохо читаются, это и до черныбыля было (и не мной одним) на опыте установлено: вроде и без дела сидишь — ждешь там чего-то обычно, и книга есть, а — не идет... Как-то действительность эта окружающая — цвета хаки замечательного — от себя не отпускает, не дает от себя уйти в книжный мир — *в другую реальность...*

Вот — книга Гаршина.

Купил я ее в Чернобыле — в городе Чернобыль, в универмаге.

«Рассказы».

В мягкой обложке.

Как приличный книгочей, обернул бумагой.

Газетой. Что вообще-то неприлично (типографская краска мажется), но другой бумаги просто не было.

И, кажется, читал.

Потому что когда вернулся, обнаружил на обертке-обложке, у корешка — грязь (в смысле «несколько фоновых уровней радиации») — там, где руками берешь. Обложку выбросил — книжку оставил.

...Но настолько не до нее — не до книг! — там было, что ощущение такое, как будто и в руки не брал ее вообще! Это уже после, по возвращении из черныбыля, я Гаршина всего перечитал [\[29\]](#)...

Кино

«Из всех искусств важнейшим для нас является кино».

Это сказал Владимир Ильич Ленин.

И то же самое сказал бы любой из нашего лагеря.

Кино — это любимое развлечение лагерного люда.

Чтоб не сказать — единственное (не считая, естественно, работу: на АЭС и разведку).

Причем учтите сразу один момент (я об этом еще пацаном в книге Зощенко прочитал): на передовую, на фронт Великой Отечественной войны, привезли авторы только что сделанное кино о войне. Надеюсь, естественно, на то, что его хорошо примут. А солдаты — солдаты были, мягко говоря, очень и очень не в восторге от того, что им будут показывать войну: и так надоела, проклятая, в печенках сидит, на что б *другое* посмотреть... Съемочная группа очень была расстроена.

Это я вспоминал всякий раз, когда кино смотрел в чернобыле.

Вспоминал — и радовался. У нас с этим было совсем не так.

Кино в лагере показывали за генеральской линейкой.

Лагерь громадный — 25-я бригада: в несколько рядов тянутся палатки, в них личный состав обитает; перед ними — генеральская линейка (что-то вроде парадной ухоженной грунтовой дороги); дальше опушка леса — соснового.

Вот на этой опушке, на такой бо-о-ольшой поляне и был оборудован клуб.

Если вы думаете, что это здание, — ошибаетесь.

Клуб — это место. Ровное пустое место на опушке.

Если вы думаете, что там были лавки, — то опять же ошибаетесь.

Там было гениальное изобретение — канавки для ног.

Сидишь на земле, ватник или досочку — у кого что — под себя подмачиваешь, а ноги в канавке. Как на скамейке. Очень удобно.

Когда стемнеет (если известно, что будет кино: днем вывешено объявление), народ подтягивается к поляне. Идут обычно смотреть по двое — с ватниками: на одном ватнике сидят, чтоб от земли не холодно, а другой сверху на плечи набрасывают — ночи холодные. Удобно. Тепло. И сверху, и снизу. Ноги в канавку свисают. Кто-то на деревьях обустраивается, на груше посреди поляны (это вообще такое роскошное, «генеральское» место), кто-то вообще на будку-кинопередвижку залез... Курят, дымок подымается. Все комментируется, возгласы, выкрики, взрывы хохота, когда кто-то особенно удачно сказанул, — народное гулянье, одним словом.

Важнейшее из искусств.

...Я обычно наблюдал (не скажу «смотрел», времени обычно не хватало, да и нечасто мы туда попадали с нашими ночными возвращениями с разведки) — наблюдал за кино сбоку, стоя с краю с кем-то из приятелей, и сразу видел и фильм, и реакцию публики с ногами в ямах. Как-то оно объемней, полней — сочнее, что ли, — воспринималось...

Мне запомнились два фильма...

«Африканец».

По-моему, он так и назывался: «Африканец».

Кажется, французский: цветной, Африка, приключения, яркие краски... (В зоне *цветов* катастрофически не хватает.)

Бывшие жена и муж — парижане, — как-то они там в Африке вместе оказываются, куча приключений, все ярко, экзотично, с юмором... В конце концов оценивают друг друга по-новому, укладываются наконец спать под одной... ну, не крышей, а тентом палатки... А следующий кадр — отсвет утра на ее лице, и сквозь сон она бормочет устало-счастливо: «Ну дай поспать хоть чуть-чуть, мы ж только заснули», ибо, судя по шевелению одеяла в районе ее груди, там происходят какие-то действия... И тут камера отодвигается — и видно, что это... хобот! Слон хоботом залез в палатку, шарит, лакомство ищет, ну, и нашел... Настоящий африканец.

Посмеялись от души.

Что и требовалось доказать.

Публика, гүторя и оживленно обсуждая подробности, со взрывами хохота и перекрикиваниями между группами (дневальный от палаток: «Да тише вы, люди спят!» — «А не фиг спать, когда кино показывают!» — ночью все храбрые: в темноте ж ни лиц, ни званий не видно) — публика растекается по ночному лагерю.

Из всех искусств важнейшим для нас...

А второй фильм — японский мультик.

Цветной.

Про Хиросиму. А может, Нагасаки.

Японская семья: молодые муж, жена, дети — один или двое. Живут себе обычной жизнью, обычные проблемы: о хлебе насущном — тарелочке вареного риса то есть, — чтоб было что на стол поставить; детские шалости — и взрослые мысли: кем они станут, когда подрастут... Симпатичные люди, все им начинают сопереживать: взрослые мужики через это прошли или проходят, знакомые всем проблемы... И тут — бомбардировка! — все горит, рушится, взрывная волна, пламя — ад... То есть настоящий ад. Но герои уцелевают — они не в эпицентре, друг друга находят — счастье! — все вроде хорошо — объятия, слезы... Но тут звучит голос диктора, очень такой серьезный, «левитанский»^[30]:

— Но они еще не знали, что случилась еще одна страшная беда — произошло *радиоактивное заражение местности*...

И вот тут — над всей этой чашей громадной, с полутысячей-тысячей людей в защитных робах — нависает вопрос — немой — никто его вслух не задает, но каждый про себя проговорил — чисто рефлекторно — «Сколько рентген?» — потому что это обычный, обыкновенный в здешних местах вопрос, и каждый его задает и слышит десятки раз на дню — «Сколько рентген?»

СКОЛЬКО РЕНТГЕН?

И — полная тишина.

Над этой громадной, обычно такой бойкой на язык чашей...

С тысячей примолкнувших теперь человек.

Черно-яз (Мат: Предисловие)

Давайте представим: один человек уронил другому на ногу чугунную болванку. Для определенности — весом 15 килограммов. Что тот ему скажет?

Ну уж не «любезный Иван Петрович, вы несколько не правы...» и т. д.

Скорей всего — он заругается.

Впрочем, уменьшим вес болванки до 5 кг: при 15 кг по ноге — речевая реакция может оказаться просто нечленораздельной. В подтверждение — анекдот о каком-то знаменитом физике.

Во время лабораторной работы студент его спросил:

— Профессор, я не знаю, какое напряжение в этой розетке — 220 или 127 вольт. И все вольтметры заняты. Как это без вольтметра узнать?

— Суньте туда пальцы, коллега, — отвечивал многоопытный профессор. — Если вас дернет и вы воскликнете «Черт возьми!», значит, там 127 вольт. А если выражение будет покрепче, там наверняка 220.

Студент помолчал задумчиво...

— Значит, тот парень вчера был после 380...

А теперь представим, что это роняние болванки на ногу — трогание 380 вольт — происходит на уровне (для определенности же) в несколько рентген в час... в несколько десятков рентген?...

А если таких мужчин «под напряжением» — «под болванкой» — *сотни тысяч*? — и они скучены в ограниченной зоне, перенасыщенной техникой, изо дня в день недосыпают; работа изматывающая, нервная, да просто опасная... Женщины и дети отсутствуют. Как они будут изъясняться?

Правильно.

Матом.

Часто — исключительно им одним.

«Мат для нас был то же, что щебет для птиц»...

...Я иногда жалею, что разговоры, которые я слышал и в которых сам участвовал, «упаковывались» в памяти уже в очищенном, отфильтрованном виде... Как-то не представлял тогда, что на этом *непечатном* (по определению) языке может существовать не только письменность (на заборах), но и литература — настоящая, стоящая литература...

Эх! Написать бы о Чернобыле — да на черно-язе жег на чернобыльском этом настоящем, к зачатию то и дело восходящем языке!.. Вот это был бы такой кусок жизни как она есть — с мясом, с кровью, с в узлы связанными нервами и вулканически тонкой коркой, по которой-то на самом деле и ходит человек, — что после этого очень многие «сильные» вещи показались бы диетическими котлетками для никогда не живших по-настоящему...

Но вот один чернобыльский случай...

Сразу было понятно: переводу на цензурный не подлежит.

Великий и могучий, или Как прапорщик Сирота спор прекратил (Мат-2)

Был у нас прапорщик Сирота-старший — главный (чтоб не сказать — единственный, кроме «великого и могучего») герой этого рассказа.

Хотя на самом деле он был старший прапорщик Сирота.

А называли его «прапорщик Сирота-старший». Иногда, чтоб было веселее — «-страшный»: «прапорщик Сирота-страшный».

За глаза — «дед». Любовно.

Он, наверно, и был дедом — в нормальном, демографическом смысле этого слова.

А уж дедом Советской армии он был законно. Он нам рассказывал о вводе войск в Чехословакию в 68-м году, за восемнадцать лет до Чернобыля он там был... Как население от большой любви к освободителям дорожные указатели поперекручивало, и дороги ни у кого не допросишься. Поблудили тогда... А сами дороги классные...

И вот теперь — год 1986-й, Чернобыль, он на должности зампотеха роты — заместителя командира роты по технической части. Отвечает за исправность броников — бронемашин радиационно-химической разведки.

За ним мы были как за каменной стеной: все, что можно, он делал. Что не мог сделать — предупреждал заранее; мы четко знали, какие броники завтра выедут на разведку, а какие нет. Во время самой разведки броники не ломались ни разу, не было такого случая.

В общем, уважаемый он был человек — и по возрасту, и по делам. Его слово было весомым.

И он им — словом — не разбрасывался.

И вот как-то вечером, перед сном (мы тогда еще жили в летних армейских палатках — шатрах квадратных на 10 человек, на отделение; офицерская палатка отличалась внутри только тем, что в ней не было деревянного помоста, на котором отделение спит покоем, а стояли обычные кровати — металлические, синей краской крашенные, с *быльцами* никелированными — командира роты, замполита, двух взводных командиров, зампотеха и старшины роты... Тут же хранился и скарб старшины — ротное имущество: громадная, войскового вида *скрыня*-сундук с замком, на ней чистого белья стопки, за ней в углу кучей — грязное)...

Короче, вечером в офицерской палатке затеялся спор на тему глобальную (на всякий случай напомним — год стоял 1986-й: как писалось в газетах, «была объявлена перестройка», в мозгах происходило интенсивное брожение, по всей стране шел бурлеж), — спор затеялся на тему глобальную: как дошли мы — СССР, великая держава! — до жизни такой?

И кто-то начал говорить о «недостаточной сознательности населения», о западных радиостанциях-«голосах» на коротких волнах, о диссидентах...

Я возразил:

— Диссидентов плодят не «голоса» из-за бугра, а очереди за колбасой[\[31\]](#).

Комсорг[\[32\]](#) батальона — молодой розовощекий лейтенант с бородкой, зашедший к нам «на огонек», произнес, взглянув с симпатией и одновременно с иронией:

— Мне нравится твое вольнодумие.

— Да просто — «думие»... — стало досадно. И в этот момент в спор неожиданно воткнулся замполит нашей роты, до того мирно заклеивавший языком благодарности в конверты, и понес такую занудную хреновень «о необходимости усиления агитации и пропаганды среди населения», и что только ее, идеологической работы недоработками — «запустили с 53-го года!» — *года смерти Сталина!!!* — и объясняется то, что мы имеем... Я просто дар речи потерял! Ведь замполит — ну нормальный же парень, нашего поколения (не старый маразматик!), физик, университет закончил; в лагере пашет как проклятый, в разведке задницу под рентгены не боится подставлять — короче, ну нормальный же! — а такую хреновень несет!..

...И когда я свой дар речи обрел, то из меня... ну буквально вывалилось мое многожды проверенное жизнью убеждение:

Люди думают (если думают вообще)

о том — и так,

как к тому их понуждает жизнь —

то, чем и как

они на эту жизнь зарабатывают... Но от смятения полнейшего из-за тирады замполита эта мысль... ну, буквально «вывалилась» из меня в форме, отеканенной за век до того классиком марксизма и, как оказалось, прочно въевшейся мне в мозги на занятиях по «ист-мату», историческому материализму^[33]:

— Ты что, не согласен, что «бытие определяет сознание»?

БЫТИЕ — ОПРЕДЕЛЯЕТ — СОЗНАНИЕ

Гранитность этой формулы нависла над нами...

Воцарилась тишина... Все пытались как-то свести всё это в кучу: нежданно-негаданно оказавшиеся рядом вершины (они же глубины) диалектики материализма — и нашу вечернюю чернобыльскую палатку за 35 километров от раскуроченного атомного реактора; предыдущую жизнь — и год от Рождества Христова 1986-й...

...В том, что я ляпнул, не подумав, был еще один важный оттенок. Ответ «Нет, не согласен» мог быть понят теми, для кого «чистота взглядов» — это профессия, как несогласие с «марксизмом-ленинизмом» — официальной доктриной, религией страны СССР; это почти то же самое, что публично объявить себя еретиком во времена инквизиции... Вернее, почти так это было за год до описываемого события; а за десять — так это было именно так... Но вот как с этим вопросом (точнее, ответом) было в 1986 году — и за 35 км от чернобыльской руины, — было уже непонятно: к счастью, не все новые ветры над страной были радиоактивными... Вот такой вот не очень хороший был еще один оттенок у этой многослойной паузы...

И пока все мы, публика с университетскими образованиями, как-то лихорадочно ориентировались в этом открывшемся необозримом политико-историко-географическом пространстве, с его зияющими вершинами и блистающими проломами...

...прапорщик Сирота-старший, до того лишь помалкивавший да покряхтывавший, негромко, по-стариковски ворчливо произнес... Восемь слов.

ВОСЕМЬ простых и коротких СЛОВ,

составлявших

ОДНО ПРЕДЛОЖЕНИЕ

— повествовательное условное сложноподчиненное, —
и являвшихся

НАРОДНОЙ ПОГОВОРКОЙ

— из тех что в книгах не встречаются

(по крайней мере, не встречались тогда).

Высотой и глубиной мудрости этот народный афоризм ничем не уступал классике марксизма...

...но при этом был настолько пронзительно, невыразимо, неотразимо сме... -

...что ВСЕ ОТ ХОХОТА ПОПАДАЛИ!!!

...Хохоча, задыхаясь, на выдохе стеная, сломавшись пополам, обхватывая живот руками — то разгибался, то падал я на лежанку — под стоны повалившихся вокруг мужиков «Оооой-ей-е-е-ей, не-е-е могу...»

Только ради одной этой фразы стоило попасть в чернобыль.

2,3 рентгена/час — В ПАЛАТКЕ!

Курсант Р. был похож на обезьянку — небольшой, подвижный, с подвижной мордочкой, окаймленной короткой стрижкой светлых волосенок.

Когда утром, за минуту-другую до подъема, мы поднялись (чтоб подъем с его «брутальными» окриками не застал нас врасплох, теплыми и со сна еще размякшими — рефлекс «стариков») и увидели его на втором ярусе нар — это сходство было просто бьющим: сидя на корточках на своей смятой постели, он крутил в руках, рассматривал со всех сторон прибор — с отчаянием, как обезьянка в зоопарке силится понять, что ж это ей за предмет подсунули такой несъедобный...

Мы заулыбались.

Увидев наши лыбящиеся головы на уровне своего яруса, он зашептал (чтоб никого не разбудить):

— Прибор показывает — 2,300 — !!

Он как бы пульсировал между испугом и «выдержкой и хладнокровием» (будущий офицер химвойск!):

— В палатке уровень 2 рентгена 300 миллирентген в час!!!

Торчащие головы, включая и мою, весело заржали: день начался не обыденно.

— Па-а-адйом!!! — раздался первый вопль за палаткой. — П-aad-й-оом! адйооом! йoooом! йом! — покатилося по лагерю.

— 2,300, говоришь? — полюбопытствовала одна стриженная голова.

— Многовато, — серьезно-сокрушенно поворачалась другая.

— Правду говорят, улучшается-таки радиационная обстановка, — возразила ей третья.

— И не говори! Улучшается, — согласилась с ней первая.

Р. с парализованной мимикой — только глаза зыркают — с одной головы на другую: «Что они несут? — крыша поехала... — чокнутые — В ПАЛАТКЕ 2,300!!! Всю ночь??!!»

А палатка — это была уже большая зимняя утепленная, в двух таких вся наша рота — сотня человек — умещалась, — палатка оживала: в ней вставали, покряхтывали, поглядывали в маленькие окошки в брезенте — что день грядущий нам готовит? — какая погода на улице? — поругиваясь, чтоб взбодриться, переговариваясь, все как обычно...

— В ПАЛАТКЕ — 2,300!!!

— Ты ночью взрыва никакого не слышал?

Р. отрицательно замотал головой, напряженно следя за нами:

— Не, не слышал.

— Ну, тогда все в порядке.

— Чтоб у нас, за 35 километров от АЭС — да еще в помещении, — уровень поднялся до РЕНТГЕН — не миллирентген! — в час... Для этого надо, чтоб уцелевшие энергоблоки АЭС в воздух высадили.

— Ну, по крайней мере один.

— И еще ветер в нашу сторону оказался...

— А мы по розе ветров в самом почти благополучном от АЭС направлении — в южном.

Р. недоверчиво переводил взгляд с лица на лицо.

— Ну подумай сам, у нас же обычно в палатке 0,2 миллирентгена (тысячных рентгена!) в час! Ей же надо откуда-то — в таком количестве! — взяться...

— А радиационная обстановка таки здорово улучшилась, — умозаключила одна из голов, направляясь в центральный проход. — За ночь на целый рентген упала...

— Когда он вчера на разведке сломался — 3,300 показывал, — разъяснила, наконец, последняя голова, ускользая: отцы-командиры заспешили к выходу — в сортир, а то набьется там народу...

Напряжение покинуло позу курсанта Р.

...- Слышь, а идея классная... Нужно будет ротного разыграть...

— Ага, чтоб он насчет ремонта почесался...

— А то скоро на разведку не с чем будет ездить — последние приборы поломаются...

Классика!

На входе в аптеку в Чернобыле с удивлением обнаруживаю прикрепленный к стеклу плакат — почти самодельный: от руки написанный, а потом на чертежной копировальной машине размноженный:

ВЫТРИТЕ НОГИ!!!
ЗАБЫЛИ РАЗВЕ —
НЕСЕТЕ С УЛИЦЫ
РАЗНУЮ ГРЯЗЬ ВЫ

Так это ж Маяковский, одна из его реклам-агиток 20-х годов!

Классик обрел в Чернобыле новое звучание... Мы с особым тщанием вытерли сапоги о мокрую тряпку у дверей аптеки.

Забор, или Искусство слова

— Как сказать — «забор»?

Вопрос прозвучал в разведотделе интригующе. Я заинтересовался:

Сергей Мирным

— В смысле?

— Ну, как сказать — «забор из колючей проволоки вокруг Припяти, который счас начинают строить»?

Карту-схему для начальства сделали, ее ж надо как-то подписать...

Я прищурился, пошевелил соскучившимися за такими приятными, *мирными* задачами мозгами...

Редко когда я достаивался такого уважительного взгляда со стороны начальства...

МЕСТНЫЕ

*Чувство вины «за то, что уцелел» обычно для тех, кто
прошел через войну, стихийное бедствие или ядерный
геноцид...*

*Чувство вины особенно сильно, если тот, кто уцелел, был
свидетелем страданий или смерти людей...*

*Уцелеть самому, зная, что у других иная судьба, — такое
знание тяжким грузом ложится на совесть.*

*Герман Ю. Л. Травма и выздоровление. Нью-Йорк: Бейсик Букс,
1997. С. 53–54.*

*(Herman J. L. Trauma and Recovery. New York, Basic Books, 1997.
P. 53–54.)*

Белоруссия: Подарок на день рождения

— Товарищ капитан, у меня день рождения. Сделайте мне подарок.

— А какой тебе подарок?... — ротный заинтересовался.

— Завтра мы едем — вы говорили — на объективный контроль...

— Да. В Белоруссию.

— Поставьте мой экипаж в Белоруссию.

Так я попал в Белоруссию.

Третий раз в жизни.

Два первых — еще студентом, на праздник День химика к коллегам-студиязусам в Белорусский госуниверситет. Оба раза ехали поездом. На поезде что? Лег спать — Украина, проснулся — Беларусь. Проводница в вагоне: «Через полчаса Минск! Просыпайтесь! Сдавайте постели! Туалеты закрываю!»

...В этот раз я въехал в Белоруссию на БРДМе.

Скромная табличка на обочине:

«Белорусская ССР».

Дорога скромная, но с приличным асфальтом; вдоль нее тянется лесопосадка. День отличный, яркий — середина лета... Равнина, лесов мало: луга, пастбища, поля. Такой пейзаж и для Украины привычный — сотнями километров южнее... Села отделены от трассы: дорога — въезд в село перегорожена шлагбаумом, от него в обе стороны — цепь свежееотесанных столбов, между ними паутина колючей проволоки, у шлагбаума будка и два милиционера... Проезжаем городок — в трехэтажном доме на балконах сушится белье, простыни на веревках... месяцы уже? недели?

Через ПУСО «Савичи» выехали из зоны. Никаких проблем, нас дозконтроль даже не останавливал.

Остановились в Остроглядцах. Ротный по единственной карте (под расписку взял в штабе) распределил каждому БРДМу несколько сел.

Нам досталось четыре: Чехи, Плоское, Рудые, Воротец.

Я записал названия.

Вперившись взглядом в карту, поднатужился, запоминая, как к ним добираться...

Из рабочего блокнота

командира взвода радиационной разведки

Чехи

Фон / Земля

С — 0,75 трава 1, перекопанное 0,6–0,7

З — 0,5 трава 1, перекопанное 0,6

Оказывается, перекопка уменьшает уровень в 1,5 раза! Получается на земле уровень после перекопки даже меньше, чем фон (обычно наоборот).

Ц — 0,6 1,1

Ю — 0,9 1,1

В — 0,9 1,2

Плоское

З — 0,8 1,2

АИСТЫ. За западной околицей — толстая железная колонна с резервуаром наверху — водонапорная башня. На крыше на гнезде — куче хвороста — стоит аист, крылья раскрыл. От солнца своих аистенят защищает.

Ц — 0,6 1,2

В — 0,75 1

С — 0,9 1

Ю — 0,9 1,2

За околицей. Я жду, когда дозиметрист Петро даст землю. Глазею с верха броники на край села: зады хозяйств, огороды... А Петро молчит. Поворачиваюсь...

У него в ладони — растертое с колоска зерно:

«Озимь... Еще не созрела».

Меряет фон и землю на траве около дороги: «0,9 на 1,2».

Из хлебоборбского любопытства меряет свежевспаханное:

«0,6... 0,6. Фон и земля одинаковые»

Воротец

С — 0,75 1

З — 0,8 1

Ц — 0,6 0,9

Ю — 0,8 1,1

В — 0,75 1,1

Дед возле магазина на лавке сидит. «Дети в Молдавии, а вообще расселяют только в Беларуси... Война...» Вступаем с ним в беседу (не вступить невозможно). По терминологии деда, «теща — поджигатель войны, жонка — то атомна бомба, а дети — колорадские жуки».

После разведки Коля философствует на бионике в холодке: «Немец белоруса не выдавил, так атом добьет».

Рудые

С — 0,8 1,2

Ц — 0,8 1,2

Ю — 1 1,2

В — 1 1,4

З — 0,8 1,1

В центре — автолавка, хлеб по 5–7 буханок берут. Стоит кружок людей. Письмо читают: «Як там цьоця Лена? Жива вона чы нець?»

А тетя Лена рядом стоит. «Померяйте мне щитовидку». «Да что ж мы можем, тётя, з нашим прибором — и на таком фоне. Ваша щитовидка точно меньше, чем тут фон. Это надо в чистом месте, и специальным прибором мерять...»

Стоит остановиться — люди сразу подходят, окружают броник, расспрашивают: «Что? Как? И что оно будет?»

Мы для них — представители Власти — с «прибором», замеры делаем — «из Центра»... А что мы им можем сказать? Что тут у них уровень игрушечный — в сравнении с нашей нормальной работой? И что для нас эта поездка — просто курорт — из смысле уровней, и просто на живых людей посмотреть, по селам живым проехаться...

...Счастье наше, что эта была наша первая поездка на «объективный контроль», что мы тогда не понимали еще, что сама наша посылка в село означает — окончательно решается вопрос: выселять село?

И что уровни, которые мы уже намеряли — стабильно больше 0,7 миллирентгена в час, — беспощадно означают: выселение... Счастье наше, что мы в ту первую поездку этого не знали, а просто нормальной жизни, людям радовались... А не думали, какой по селу вой подыметсЯ, когда объявят: всё, бросайте всё, эвакуация навсегда, выселение... И как бы мы тогда этим людям в глаза смотрели, если б знали это? Мучились бы: говорить им — не говорить? И что именно наши цифры, которые мы намеряли, окончательно решат — уже решили! — селу не быть...

Не знали мы еще и того, что неизвестно еще, что хуже: выселение сейчас, через три месяца после аварии, «по уровню гамма-фона», или позже, «по цезию» радиоактивному, вылетевшему из энергоблока? — когда на чернобыль будут давать всё меньше и меньше — денег, внимания... Или оставление жить тут, «на загрязненной территории»? — в родных местах, в родной хате, где жили десятки поколений пра-пра-пра-... - и где теперь поселилась радиация.

Счастье наше, что мы этого не знали.

Для нас это была не поездка — отдых. Развлечение.

Подарок на день рождения.

Всемирно-историческая СТРАНА (Из интервью Игорю Померанцеву в передаче «Поверх барьеров», радио «Свобода», 25.09.98)

— Сергей, вы попали в чернобыль в середине июля — это уже шел второй-третий месяц катастрофы... ВЫ ПОНИМАЛИ МАСШТАБЫ ПРОИСХОДЯЩЕГО? Может быть, вам интуиция подсказывала? А может быть, вы располагали какой-то информацией?

— Честно признаюсь:

Еще до своего попадания в чернобыль я понимал, что это событие планетарного масштаба... В мае — в первые недели после взрыва — особенно четко можно было разделить то, что называется «мыслящее человечество», от — «не-мыслящее»... Мыслящее человечество каждый вечер смотрело эту идиотскую программу «Время»^[34], пытаюсь понять, что ж там на самом деле происходит. Понятно было, что это действительно «всемирно-историческое событие».

...Но чему я сам удивился, когда попал в чернобыль: я впервые понял, какое это БОЛЬШОЕ СОБЫТИЕ — в самом простом, географическом смысле.

Тогда говорили только о 30-километровой зоне.

А 30 километров — ну согласитесь — это, в общем, и немного.

И только там, когда я это увидел и ощутил физически, я вдруг понял:

— Позвольте, 30 километров — это, вообще говоря, радиус, так?

Значит, диаметр этой зоны — уже 60 километров.

Что, согласитесь, уже немало.

И потом, как оказалось в процессе работы, высокие уровни радиации выходили за пределы 30-километровой зоны: на запад ушел острый и длинный язык высоких уровней; и на север, на Белоруссию — другой, широкий...

А территория, задетая аварией, — зона, где людей выселяли — проезжая по которой было видно — тут ненормальная жизнь, — она, наверно, не влезала и в круг с радиусом 100–150 километров... То есть диаметр — до 300 километров.

Целая страна.

Целая европейская страна.

Понимаете?

Село Плоское: СВАДЬБА

Приезжаем мерять в Белоруссии село.

И обнаруживаем -

в селе живут три села сразу!

...Отселили село после взрыва.

Куда?

В соседнее село.

А уровни радиации поднимаются — надо и это отселять.

И отселяют это село — уже два села — в соседнее.

Радиация наступает — люди отступают.

И вот так эта волна отступления катится.

И живут эти три села теперь — в одном натрамбованы...

И опять мы, «объективный контроль»; опять решается: выселять — не выселять это село?.. эти три села...

...А В СЕЛЕ — СВАДЬБА!!!

Мы только-только из-под АЭС, только что не чумазые, а тут: невеста в белом — жених в черном — все как положено: цветы, шампанское...

Просят разрешения сфотографироваться всей свадьбой на фоне броника.

Экзотика, я понимаю... Ну, давай.

Выстраиваются сбоку... Фотограф всех подравнивает:

— Повезло! Ни у кого такого свадебного фото не будет!

Приглашают и нас. Коля-водитель слез.

А я ему сверху:

— Коля, — говорю, — ты стань, чтоб номера броника видно не было!..

Чтоб нас по номеру броника найти нельзя было. Чтоб особисты-кагебисты нас на кулан не взяли, что мы свою технику гражданским разрешаем фотографировать.

Село Чехи: «Объективный контроль»

Белоруссия. Окраина села. Жара. Полдень.

За последней хатой останавливаемся померять крайний огород.

По дороге вдоль пшеничного поля пылит навстречу БРДМ. Номер БРДМа на боку белой краской... Не наш.

Останавливается метрах в десяти. Из люка вылезает солдат с прибором на шее. Потом лейтенант.

Мой дозиметрист меряет, я записываю...

Их дозиметрист меряет, лейтенант записывает...

...От штаба в Чернобыле они не могут быть. Значит, это разведка того штаба (оперативной группы того военного округа), который отвечает за этот сектор, начинающийся у границы 30-километровой зоны и тянувшийся неизвестно сколько на север... Тоже радиационная разведка, значит. Которая в самой 30-километровой зоне ни разу не была. Потом, наверно, рассказывают, на каких высоких уровнях они тут в селах геройствуют — аж 1,1 миллирентгена в час... Так вот кого мы тут «объективно контролируем»... А они, значит, нас... И потом наши и их данные об этом селе в Чернобыле в разведотделе нашего штаба сверят, сведут и, проверенные, положат на стол правительственной комиссии — когда по этому селу будут решение принимать...

Мой дозиметрист залезает вброник...

Тот дозиметрист залезает в свой броник...

Два броника трогаются одновременно в противоположных направлениях.

Не остановились, не познакомились, не поговорили...

Коллеги...

Ничего не скажешь — «объективный контроль».

И каждый про себя думает:

— Что это за чужак меряет тут мою территорию?...

Село Ладыжичи: 0,7 мР/ч

Ладыжичи — населенный пункт, 26 км на северо-восток от АЭС.

Киевская область. Топографическая карта 1:200 000.

Министерство обороны Украины, 1992.

На въезде в село броник проезжает тенистый курган, поросший дубами. Под ними — могилы. Сельское кладбище.

А живых в селе Ладыжичи не осталось. Их выселили.

Открываем калитку крайней хаты, заходим во двор без людей.

Петро рассчитанно роняет зонд вниз, подхватывая держак за миг до касания зондом травы; жмет кнопку на приборе — «земля».

Поднимает зонд на высоту пояса — «фон»...

ДА МЫ Ж ТАКИХ УРОВНЕЙ НИКОГДА НЕ МЕРЯЛИ! — таких детских!.. «Тут радиации считай что нет, в этом селе...» — «Зачем нас сюда прислали?»

Я записываю.

Стена... Крыша... Идем тропкой на огород. Фон... Земля...

Соседний дом...

В селах полагается замерять четыре окраины — север, юг, запад, восток (ну, приблизительно) и центр села (это обычно магазин). По два двора. В каждом дворе — крышу и стену дома, землю во дворе, огород...

В блокноте — первые записи:

Ладыжичи						
	Двор		Дом		Огород	
	Ф	З	С	К	Ф	З
З	0,5	0,6	0,4	0,5	0,6	0,5
	0,5	0,8	0,4	0,4	0,5	0,6

«Где тут центр?»

Прямо у дороги — крошечный деревянный сельмаг в уютной тени больших деревьев. Отлично, не надо искать...

Ц	0,6	0,75	0,4	0,5	0,6	0,6
---	-----	------	-----	-----	-----	-----

У второго дома огорода не оказалось.

Зато — какой сад!

Какие вишни! Спелые, красные до черноты, крупные, сочные...

Ни радиации, ни начальства...

Мы одни... На весь двор, на все село...

Какой покой... Пчелы-шмели гудут...

Благодать...

Мы охмелели...

Я сбросил куртку на узенькую деревянную лавку, стою в легкой белой нижней рубашке посреди двора, в центре зеленого ковра — толстого сплошного ковра сочной нетоптаной травы спорыша...

Вишневые, усеянные плодами деревья... Мы налетаем на них, как саранча... Налипшая на черную сладкую кожуцу серенькая пыль нас не смущает...

Рвем — поглощаем — смакуем плоды... Голодные за их живым вкусом... Вообще, *вкусом* всего: воздуха, зелени, шума листвы, игры теней на зеленом пышном ковре спорыша...

Ладони уже чернильного цвета...

<i>0,8 0,6 0,7 0,6</i>

Заходим мерять следующий двор.

Что такое? Веревка натянута — на ней рыба вялится. Картошка прополота на огороде...

Из своего укрытия появляется хозяин: опознал, что мы разведка, не выгонять приехали. Слово за слово — порассказал нам про их житье-бытье...

Когда эвакуировали, скот не разрешили с собой забирать. Оставлять его нельзя было, и с собой гнать не разрешили. Приехала заготкооперация, и этот скот у них скупил. Причем что делали? — принимали скот по живому весу и обвешивали несчастных селян как хотели. А скажешь: «Что ж ты делаешь?!» — заготовитель сверху: «Ну тогда забирай давай!» Куда денешься? — приходилось отдавать...

«Сначала нас привезли в село, сказали: «Вот выселенные из-под Чернобыля, их надо по домам разобрать пожить, пока им найдут где жить» — так некоторые нас даже в дома пускать боялись — «радиация!», зараженные... Да и хорошие люди — пустили, и очень хорошо отнеслись... И все, спасибо им, очень хорошо... Ну и сколько так можно жить? — две (а было и три) семьи в одном доме? — ну три дня, ну неделю... А людям же самим надо жить, по хозяйству возиться, отдохнуть — их дом... Матрац утром сверни — и под шифоньер, и иди на весь день из дома — гуляй или на лавочке сиди — людям же и самим жить надо... Чужая хата, одно слово...»

Домой — в зону — выселенных не пускали. Категорически. И они ехали сначала автобусом в Белоруссию, потом оттуда партизанскими тропами, еще с войны известными, лесами-болотами пробирались на родину... Чтоб вовремя картошку прополоть, рыбку наловить...

<i>В 0,7 0,9 0,6 0,5 0,6 0,6</i>
<i>0,6 0,7 0,5 0,5 0,6 0,6</i>

Воздух свободы в Ладыжичах сыграл с нами злую шутку: вернувшись в Чернобыль, на стоянке случайно обнаружил: во внутреннем нагрудном кармане куртки нет моего военного билета и водительских прав! Пусто! Елки-палки! Где я мог их посеять?

Из куртки выпали, когда я ее снимал?...

Пришлось нам уже на закатном солнце второй раз ехать из Чернобыля за три десятка километров в Ладыжичи. Никуда не спешили — зачем? Если они там действительно выпали, никуда не денутся...

...Документы лежали точнехонько на том же месте, где выпали.

Под узенькой деревянной лавочкой (на нее я днем бросил куртку), в сочных зарослях зеленого спорыша полулежали-полустояли: красная книжечка водительского удостоверения и темно-зеленая — военного билета...

В ненаселенном пункте Ладыжичи.

На 0,7 миллирентгенах в час.

<i>C</i>	<i>0,6</i>	<i>0,7</i>	<i>0,5</i>	<i>0,7</i>	<i>0,7</i>	<i>0,75</i>
	<i>0,5</i>	<i>0,7</i>	<i>0,6</i>	<i>0,7</i>	<i>0,6</i>	<i>0,7</i>

Село Бобер: Невероятное очевидное

Бобер — населенный пункт, 47 км на юго-запад от АЭС.

Киевская область. Топографическая карта 1:200 000.

Министерство обороны Украины, 1992.

Меня словно оглушило:

ДЕТИ!

За все время здесь я, оказывается, ни разу не видел *детей*...

...Девчушка лет семи, с выгоревшими волосами и в выгоревшем сарафане, ведет за руку братца-карапуза в лучах розового призакатного солнца, по пыльным колеям вдоль сельских домов... И такой от них веет беспечностью, беззащитностью, уверенностью в покое и мире... *Их ведь взрослые защищают*...

Вот чего, оказывается, все это время в зоне не было и быть в принципе не могло! — самого обычного, нормального, естественного: *детей, детенышей*...

И сейчас в своих стиранных-перестиранных одежках, в ореолах выгоревших волос девчушка и братец-карапуз были единственное цветное пятно на фоне местности нашей работы, давно утратившей для нас краски...

БРДМ № 80 остановился на обочине дороги у крайней хаты.

Я написал в блокноте «Бобер», поставил букву С («север»)...

Сейчас мы начнем мерять.

Населенный пункт Бобер на трассе Полесское — Иванков.

Мимо нас прошествовали двое детенышей.

...Этот рапорт — его черновик — я после показывал специалистам. Из самых лучших в стране. Все одобряли: «Молодец. Толково».

А на самом деле *произошло невероятное совпадение*. Невероятное настолько, что о нем никто даже и не подумал.

Это невероятное стало для меня очевидным, когда — через много лет! — я впервые взглянул на карту... Поскольку карта была картой загрязнения местности радиоактивным веществом, выпавшим из невидимых глазу «облаков», которые носило ветром от взорвавшегося, оголенного и раскаленного реактора АЭС, то то, что я увидел, точнее можно назвать «невероятное выпадение»...

На этой карте от АЭС на запад шел острый язык высоких уровней, понижаясь сначала резко (первые километры), а потом, по мере удаления и снижения уровней, все плавнее и плавнее. И вот этот язык в удаленной, пологой, невысокой своей части, уже пройдя севернее Бобра, *мимо* него, неожиданно развернулся (ветер поменялся, когда «облако» летело) и с тыла, с запада, со стороны, противоположной АЭС, своим острием, кончиком лизнул Бобер.

Как раз по трассу.

И вот именно это невероятное совпадение — то, что граница радиоактивного пятна (причем такая резкая, так четко очерченная! тоже суперредкость для невысоких уровней далеко от АЭС!) прошла именно по дороге, сбивало с толку меня и тех, кому я свои данные по Бобру показывал. Каждый думал: *«Такого совпадения просто быть не может»*. Даже не то что «думал» — не думая, автоматически отбрасывал эту возможность на уровне подсознания...

Невероятное очевидное.

Почти сказка, которая летом 1986 года стала абсолютной былью в до того не примечательном полесском селе Бобер...

...по главной улице которого в лучах розового призакатного солнца гордо шествовала девчушка лет семи, ведя за руку братца-карапуза...

Деревня Ковшиловка: ЦВЕТЫ... и 5 миллирентген в час?!

Ковшиловка — населенный пункт, 43 км на запад от АЭС.

Киевская область. Топографическая карта 1:200 000.

Министерство обороны Украины, 1992.

Диброва — село.

Варовичи — веска.

А Ковшиловка — деревня.

Хотя расположены эти населенные пункты совсем рядом — вдоль трассы из Чернобыля на Полесское.

Просто Варовичи заселяли белорусы, Диброву — украинцы, Ковшиловку — русские.

В этих местах, у слияния рек Припяти и Днестра, зародились когда-то, «пошли отсюда» восточные славяне — теперешние украинцы, русские, белорусы. И от украинской Чернобыльской АЭС (носящей имя старинного городка Чернобыль, явившегося миру в том же XII веке, что и Москва) — до территории России всего 145 километров, а до границы Белоруссии — вообще только 7...

Задание, полученное в штабе, было: померять Ковшиловку.

Мы рады стараться: поездка в село — это всегда развлечение: из зоны выехать, новые края увидеть, людей живых... Отключимся. Отдохнем. Ну и померяем, само собой...

И сейчас наш броник катил из Чернобыля на запад, по трассе через Диброву (тут ПУСО и выезд из 30-километровой зоны) мимо Варовичей в Ковшиловку...

...Что сразу бросилось в глаза в Ковшиловке —

ЦВЕТЫ.

Везде — у домов, в аккуратных палисадничках, во дворах — *везде* — пышные, роскошные, ухоженные...

...снежно-белые стройные гладиолусы...

...красно-тугие, разрывающиеся от силы жизни, георгины...

...нежные, обольстительно пахнущие розы...

...теплые домашние чернобрывцы...

Таких цветов я не видел больше никогда...

И все это ЦВЕЛО.

Словно в какой-то заморской оранжерее — ПРОЦВЕТАЛА в палисадничках Ковшиловки утонченно-благоуханная плоть... А у нас перед глазами еще стоят обычные наши ландшафты: развороченная АЭС, черный пролом реактора, уродливо-огромные машины, роботы хаки и других безобразных колеров, военный строй, палатки лагеря — все угловатое, затертое, серое...

И за ЦВЕТАМИ этими, только-только с наших обычных рабочих уровней в зоне — рентгены, сотни миллирентген в час, — мы как-то не сразу сообразили, что мы, собственно говоря, меряем... уже намеряли.

В Ковшиловке было 5 миллирентген в час!

5 мР/ч. — в живом селе! — где люди живут!!! нормальная жизнь идет!!! Когда выселяют уже при 0,7, а в самом Чернобыле-городе (по которому ходят только люди в робах, а некоторые особо перепуганные даже в респираторах) — *максимум* было 3 (три) миллирентгена в час! — и Чернобыль давным-давно уже — это 30-километровая выселенная закрытая зона, за одно только пребывание в которой зарплату удваивают!..

А тут — далеко от зоны, от самой АЭС километрах почти в полусотне — уровень 5 мР/ч.! А в селе идет обычная жизнь: люди в нормальной одежде, кто-то на огороде возится, ходят по улицам, покупают еду в магазине, едят, пьют, спят... На 5 миллирентгенах в час! без никаких респираторов!.. Да автомобили этого села ПУСО «Рудня Вересня» не выпустило б! И «Рудня Вересня» — это ж еще не последнее ПУСО до выезда из зоны!

5 миллирентген в час! В живом селе!..

Мы ошизели. Почему они живут? Как?...

Выброс, что ли, случился? И его на запад ветром утянуло, и пятно село на Ковшиловку! А они тут ничего не знают!..

— Выселять надо срочно!

Местным мы ничего не сказали.

Зашли еще в магазин. Постояли в недлинной очереди, купили перекусить гражданской еды — хлеб, колбасу, ситро, пряники...

И поехали назад.

Без особой спешки — на 5 мР/ч. несколько часов туда-сюда ничего не решают, но и не задерживаясь особо.

— *А Ковшиловка отказалась выселяться*, — спокойно ответил начальник разведотдела на мои несколько эмоциональные устные «комменты» к бумажке с цифрами по Ковшиловке, которую я положил ему на стол (*в живом селе 5 миллирентген в час!!!*). — Ковшиловка отказалась выселяться.

— *То есть?!*

— Отказалась. Давно.

— Как?!

— Да так. Отказались — и все. Вся деревня... Детей отправили, а сами остались.

— Так села ж выселяют при 0,7...

— А они отказались.

Гуляя по Чернобылю

Чернобыль — город, 14 км на юго-восток от Чернобыльской АЭС.

Киевская область. Топографическая карта 1:200 000.

Министерство обороны Украины, 1992.

Обычно по Чернобылю не гуляешь: в штаб — и на разведку, с разведки — в штаб, потом в лагерь обратно...

А то как-то шел я не спеша: остался в Чернобыле в дежурном экипаже — броник на стоянке, данные в штабе, до утра, если ничего не случится, работы не будет... Шел в вечернем солнце по городку, по его боковым улицам, где нет контор и магазинов, просто одноэтажные домики, где живут люди... жили.

Яблоки, груши, сливы — ковром на тротуаре! — ногу некуда поставить, такой был урожай... А может, он таким казался, потому что его никто не собирал... И пахло вином, брожением от этой сваленной на земле массы ее плодов...

В тенистых садиках дома закрыты-забиты... Кое-где во дворе перед домом гремят по столу домино пришлые «оккупанты»-командированные. Или тишина: закрытые ставни...

...Вот жили люди — тужили не тужили, а добра нажили — мебель, ковры, обстановка, хрусталь, холодильник — все как у людей... И вдруг — «БАХ!» — где-то кто-то что-то там не так нажал... И брошен весь скарб, и человек — только что не гол да не бос (и переодеваться-переобуваться заставляют, а твои вещи — это уже «низкоактивные отходы», в мусорный их спецбак... и хорошо еще, если — «низко-...»), — гол и бос, с документами в полиэтиленовом кулечке — начинает жизнь с нуля. На новом месте, где и без него своих хватает...

Наверно, самое по-настоящему ценное — то, что всегда, при всех поворотах судьбы, с тобой. *В тебе.*

Знания, которые всегда с тобой, — умелость рук, — и умение жить среди людей, оставаясь человеком...

...«И здоровье», — добавил мой отец, когда я пересказал ему эту сентенцию — вернувшись, после.

«Да, конечно, и здоровье», — тут же согласился я; здоровье (молодость!) подразумевалось само собой...

Как-то не думал о нем, гуляя по Чернобылю.

Гуляя по Чернобылю-2, или Все мое всегда со мной

Самое по-настоящему ценное — то, что всегда, при всех поворотах судьбы — с тобой. В тебе. Знания, которые всегда с тобой, — умелость рук, — и умение жить среди людей, оставаясь человеком...

Только когда записал это на бумаге — **самое по-настоящему ценное всегда с тобой**, — понял:

Да это ж **OMNIA MEA MECUM PORTO** — «Все свое ношу с собой»! — мудрость, которой не одна тысяча лет...

Оказывается, в латинском оригинале — грамматическая «недоопределенность» («ношу ПРИ мне», дословно), ее неточно (небрежно?) перевели, и так оно и осталось в нашей культуре, речи... Нет, не может быть! Смотрю в словарь [\[35\]](#)...

Все верно!

Всегда было у меня смутное ощущение, что с этой фразой, с этим «с собой» что-то не в порядке... Какое-то жлобство, мудрецам (а тем более древним!) ну никак не присущее: *«всегда с собой я все свое ношу»* — так мог рассуждать мешочник, а не мудрец.

И чтобы дойти до такого простого, мне надо было попасть в Чернобыль...

И изрядно по нему погулять.

Чтоб понять:

На самом деле -

ВСЕ ТВОЕ

ВСЕГДА С ТОБОЙ

Родина с маленькой буквы

Памяти Татьяны Афанасьевны Лоик

По улицам Чернобыля ночью мы на бронике возвращались из штаба к себе на стоянку, на околицу — на всю ночь: дежурный экипаж... После длинного рабочего дня я курил наверху на броне — ноги в люке...

Непривычен Чернобыль ночью... «Ненаселенный населенный пункт» — ни огонька в хате, ни света в пятиэтажке...

В струях рассеяемого ночного воздуха — красный конус тлеющей сигареты — искры срываются, ныряют за спину и улетают в черноту...

Тишина... В ушах только свист ветра да урчание мотора...

Этот городок так похож на мой родной город, где я родился, научился ходить, говорить, учиться, работать...

Где узнал вкус первой сигареты и податливую упругость девичьих губ,... И азарт жизни, и страх смерти... Где когда-то мы пацанами жгли осенью огромные костры из листьев — набрасывали в них каштаны, они взрывались, а мы прыгали через дымовые завесы, из которых вдруг, как из преисподней, вырывался огонь... Где стоит дом, куда на крышу когда-то залетела стрела из моего лука, и мы полезли по пожарной лестнице за ней; крыша старого четырехэтажного дома была крутой и без ограждения, и мы это знали... Там, уже со стрелой, нам захотелось пописать, и мы, тинейджеры без тормозов, это сделали — стоя на краю, над всегда пустым вечером двором: в полете струйка была похожа на вертикально извивающуюся падающую бечевку — нам было страшно смешно... Кинотеатр, куда мы смывались с уроков или бежали сразу после уроков... Первый дом, который я строил... Теперь, приезжая, иногда специально прохожу мимо его главного угла — это угол целого квартала. Когда-то на дне огромного пустого «бассейна»-котлована, в его уголке, на расстеленный по бетону рубероид, на черный шершавый его кусок положили первый кирпич две маленькие фигурки — старый мастер и я, пацан-подмастерье; угол этот был не обычный, прямой, а развернутый, градусов сто, пришлось здорово повозиться... Прохожу как мимо старого знакомого. Прохожу мимо той стены, где сам впервые взял в руки мастерок и положил кирпич в то, что потом (десятки лет? века?) будет зданием... Город, где живут мои одноклассники, учителя, друзья голопузого детства; мои родители, их сослуживцы, знакомые и друзья, моя родня... Вот почти в таком же домике, что промелькнул сейчас на черной улице черного Чернобыля, живет моя бабушка... Когда началась война, она вернулась из Мариуполя, города на Азовском море, пешком полтыщи километров, по оккупированной чужестранцами земле, толкая перед собой тачку с двумя дочками: старшей пять (она станет моей мамой), а меньшая грудная — в родной город... Не успела на последний отошедший корабль с эвакуированными, а его немецкие самолеты разбомбили прямо на виду у провожающих, одни щепки плавали на волнах... Возвращались уже в октябре, ночевали у людей в хатах и где придется — в скирдах, в пустых кошарах — прижавшись, согревая друг друга своим теплом... Утром ее волосы прихватывало к доскам льдом от замерзшего дыхания. Она еще не знала, что ее муж — любимый человек, отец их дочек, мобилизованный командир пехотного взвода — уже сгинул в адском котле Второй мировой, «без вести пропал под Смоленском»... Его товарищи-сталеваары соорудили ей тачку, дали ей схему, как идти. И пачку листовок, она их оставляла по дороге... («А что в них было написано, бабушка?» — «Ну, в общем... *Бейте фашистских оккупантов!*»)

Добралась в родной город, пережила войну, вырастила дочерей, и потом меня-карапуза, и моих двоюродных сестер... В ее теплый дом всегда можно зайти, и на столе — всегда! сразу ж! — появится что-то вкусное — бесхитростное и неповторимое...

А вот если б то был дом моей бабушки? — с черными дырами мертвых глазниц... Если б это были мои родные улицы? мой город? без света в ночи... Если даже на миг представить, что не осталось в моем городе ни одной родной, знакомой души, то все равно мне *надо*: побродить иногда по его тихим окраинным улочкам — выпасть из завихрений бурно несущего потока жизни, подумать... Или наоборот, не думать ни о чем, просто побродить среди родных зданий, улиц, деревьев, набраться духу выгрести из тинистой заводи, куда прибила жизнь... Откуда вышел? Куда идешь?...

Вот лишить человека такой вроде б малости, и до конца своих дней он так и будет — *лишенец*. Инвалид, у которого ампутировано что-то такое же живое и важное, как рука или нога, хотя и не настолько видимое... Хребет, опора, стержень, который, невидимый, есть — пока стоят мои дома, улицы... и, оказывается, пока в их окнах горит свет...

...Воздух струями рвал с малинового острия сигареты искры, и они — далеко за спиной в темноте — гасли...

Броник — инопланетный метеорит в беспросветной вселенной Чернобыля — пролетал, оставляя за собой быстро тухнущие блески огня...

Мы доехали до стоянки и, не снимая сапог, улеглись спать в бронике.

Чернобыльский сувенир: Гуляя по Чернобылю в последний раз

Это большое рукописное объявление-плакат, до того как я его заметил, два месяца провисело на центральной улице Чернобыля, на дощатом заборе покинутой стройки.

Прикреплено оно было огромным количеством железных кнопок. Они были и по краям, и по всему листу, между буквами.

В свой последний заезд в Чернобыль, после разведки, отдав данные в штаб, я прошелся по этому городку, которого, знал, уже не увижу больше никогда, и снял это объявление себе на память. Я давно его присмотрел.

Кнопки от дождей поржавели, порыжели и бурым потекли вниз по бумаге.

Вид у него был как у живого существа, расстрелянного из пулемета.

Воробей

Память выкидывает коленца.

Вот я, например, не помню — были

в Чернобыле воробьи или нет?

По-моему, нет. А может, я их

просто не видел, как нечто

привычное, естественное и потому

незамечающееся? А они были,

чирикали, купались в пыли...

А может... Не знаю.

Короче, если кто-то даст точную

информацию, были там воробьи или нет,

буду благодарен. А то мучаюсь.

Воробьи...

ЧЕРНОБЫЛЬСКИЕ ЭСКИМОСЫ

Трудно себе представить, насколько меняется мир, когда в нем добавляется еще один опасный параметр.

*Сергей Мирный. Интервью в передаче «Поверх барьеров»,
радио «Свобода», 25.09.98*

Самые немногословные, или Как воздух

Вы знаете, какое слово (я не имею в виду слов, вообще к делу не относящихся, например, «человеческое достоинство», «горные лыжи» или «ананас»), — какое слово употреблялось в обыденной речи в чернобыле реже всего? Чтоб не сказать — не употреблялось вообще?...

Ни за что не догадаетесь.

Это слово -

РАДИАЦИЯ.

Что, если вдуматься, естественно.

Мы ж не говорим все время «воздух», «воздух», «воздух»? Нет, мы просто: «дышим», «свежо», «холодно» (окружающий воздух имеет низкую температуру), «ветер», «сквозит» (воздух движется), «воняет» (в воздухе есть неприятный запах) и т. д. А о воздухе ничего не говорим, это само собой подразумевается — среда...

Так и в чернобыле: «фонит», «хватаем», «светит», «Сколько?» — «Два». — «Многовато, давай побыстрее», «уровни упали (или поднялись)», «лагерный фон», «броня насосалась пыли», «машина грязная», «сколько за работу записали?»...

...веселенький такой мирок, где это отсутствующее слово — как воздух...

Вот тут меня под локоть толкают и подсказывают:

Оказывается, у эскимосов, для которых снег и все, что с ним связано, — это вопрос жизни и смерти, в языке нет слова «снег». Мягкий пушистый снег — это одно, наст — другое слово, старый подталый снег — третье... А общего слова «снег» у них нет. Оно им без надобности.

...такие вот веселенькие чернобыльские эскимосы...

Разговоры о будущем на стоянке радиационной разведки в городе Чернобыль летом 1986 года

— Нам теперь эта радиация по фиг будет! Дома все с ума сходят — «радиация!», «радиация!»... А нам — тут! — по барабану...

А другой, улыбнувшись смущенно, как бы сам себе удивляясь:

— *А я тепер, мабуть, і борщ дома мірятиму...*

— *І жінці під спідницею...* — тут же вставил кто-то.

— *Ну що ж, це таке діло...* [\[36\]](#) — умудрен но ответил первый.

Разговор быстро перешел на предметы приятные...

А я задумался:

А действительно, как мы будем реагировать на повышенные уровни радиации — *потом?*

Ведь то, что с нами тут происходит, это ж явно ненормально...

Какой потом будет «выброс» — сверхреакция на это?

И в какую сторону?

Полное пренебрежение? — «А-а, по фиг, видали мы эту радиацию...»

Или наоборот — сверхчувствительность? — трястись будем при одном упоминании?...

Без респиратора

Из трех возможных путей поступления радионуклидов в организм (вдыхание, заглатывание с водой и пищей, проникновение через повреждения кожного покрова) наиболее опасно вдыхание загрязненного воздуха.

*Сивинцев Ю.В. Насколько опасно облучение:
Радиация и человек. 2-е издание, перераб. и доп.
Москва: ИздАТ, 1991. С. 52, 55–56.*

Я забыл респиратор.

Обнаружил я это уже у ПУСО «Лелев» (здесь мы всегда надеваем респираторы, едуци из Чернобыля на разведку к АЭС): привычно полез рукой в куртку, в карман — а там ничего нет...

Ощупываю все карманы на себе, пересматриваю содержимое полевой сумки до дна... Нет.

— Коля, респиратора запасного нет?

— А твой где?

— Допереклаживался! Из ватника — в куртку, из куртки — в ватник... А ватник в лагере оставил. День сегодня, смотрю, жаркий...

— В бардачке у меня запасной респиратор-«лепесток» есть...

Ф-фух!.. Как я мог об этом забыть! С Колей — надежно...

Роюсь перед собой в бардачке, официальное название которого — «перчаточный ящик». Во всех без исключения автотранспортных средствах он всегда забит массой всяких наинужнейших предметов, так что прозвище свое получил не случайно [\[37\]](#)...

— Коля, тут респиратора нет.

— Поищи.

Роюсь опять.

Есть.

Вытягиваю.

Ношенный.

Второй...

Тоже надеванный.

Рассматриваю оба использованных...

Кто и где их носил — непонятно. Сколько на них — неизвестно... Внятный мазок серой пыли на одном...

— Нету, Коля. Только старые — использованные...

Коля поворачивается от руля:

— Возвращаться? На стоянке у кого возьмем запасной?...

— Да все наши уже разъехались, — вставляет Петро. — В сам Чернобыль? В штаб?

— Буду там бегать по штабу рыскать?...

— Ну так что? — Коля смотрит вопрошающе...

...«За всю жизнь из вдыхаемого человеком воздуха нос удаляет 5 кг пыли».

И на идеально чистую плоскость насыпается аккуратный, по-школьному правильный конус пыли; на нем появляется надпись — крупно и четко, как в букваре для первоклашек:

«5 кг»

8-й класс средней школы. В затемненном кабинете биологии мы смотрим черно-белый учебный фильм по анатомии человека.

Ворсинки-реснички, которыми устлана поверхность «носового хода», за жизнь человека задерживают и отфильтровывают из вдыхаемого им воздуха, не давая проникнуть в легкие, 5 кг пыли...

— Ну так что?...

— Поехали. Вперед. — И я плотно сжимаю губы.

И держу их плотно сжатыми все время, пока мы ездим по маршруту разведки Стройплощадка.

Открывая только по необходимости — для коротких указаний, где остановиться и померять. Дышу через нос. Брезгливо...

...На стоянке после этой разведки мы, как обычно, пошли через дорогу в Сельхозтехнику, там из кирпичной стены гаража торчит кран-вентиль. Жаркий денек...

Умылся, прополоскал рот, горло... Из ноздрей повыковыривал сухие пластинки... Хм, темноватые от пыли.

Надо ж, вроде бы не по пыльным местам ездили... Никогда не думал, что к этой 5-килограммовой куче пыли (еще один итог жизни среднего человека) нужно будет в случае таких кадров, как я, подносить зонд дозиметрического прибора: мы ж его в школе по совсем другому предмету — военной подготовке — проходили...

Без респиратора-2 (Из рабочего блокнота командира взвода радиационной разведки)

Это я к тому, что на Стройплощадке уровни радиации были сравнительно небольшие. И, принимая решение ехать туда без респиратора, я это знал.

А вот в Рыжий Лес, или под атомную станцию, где РЕНТГЕНЫ В ЧАС, я б без респиратора ни за что не поехал.

Что б там нам в кино в 8-м классе школы ни показывали.

Зачумленные

Приезжаем с разведки — а стоянка у штаба в Чернобыле абсолютно пустая! Я аж растерялся: столько пространства, как машину ставить? Обычно притыкались с краю... В самом уголке стоят связисты — армейский грузовик с будкой, они там всегда стоят, никуда не ездят. Решили — станем рядом, бок к боку. Армейский порядок.

Зарулили, остановились, Коля мотор заглушил...

Покой.

Я выпростал ноги из люка на броню, на землю спрыгивать...

Как вдруг из-за будки появляется долговязый подполковник-связист:

— А ну, давайте — ШАГОМ МАРШ отсюда! Давай, давай — ШАГОМ МАРШ! И побыстрей...

Тю-тю-тю...

...Работа командира — так меня учили (и научили-таки!) — состоит из нескольких этапов:

1-е: *Уяснить задачу.*

Я окинул взглядом тощую фигуру в подполковничьих погонах... Из кабины грузовика связи лыбится солдат-водитель, оглядывается, ждет развития событий, предвкушает...

2-е: *Оценить обстановку.*

Я это сделал даже дважды:

а) с точки зрения Устава (получено приказание от непрямого начальника);

б) с точки зрения реальности (я, командир взвода разведки, командир своего отличного экипажа, только что вернулся от АЭС, с разведки — а тут какая-то тыловая крыса)...

Вот так утереться и уехать? Но и нарываться сильно не хочется...

3-е: *Принять решение.*

Как бы поразмыслив какое-то время, еще раз оценивая подполкана оглядев с высоты броники, небрежно бросаю вниз:

— «ШАГОМ МАРШ» — не получится. А отъехать, так и быть, отъедем.

4-е: *Отдать боевой приказ* — в люк водителю:

— Коля, поехали отсюда.

При этом рожа у меня самопроизвольно кривится — вроде как тут воняет и место самое неподходящее.

Организовать взаимодействие — это 5-е, последнее — не надо: с взаимодействием в нашем отличном экипаже все в полном порядке.

Мотор, выпустив потребный заряд гари, взревел, и, лихо развернувшись, мы отъехали на наше привычное место — под высокой акацией на самом краешке площадки, в тенек; повылезали из броники, ноги лениво разминаем, закуриваем...

Но не успел я толком затянуться сигаретой, как от будки раздалось:

— ЛЕЙТЕНАНТ, КО МНЕ!

Ах ты ж сука такая... Заело-таки.

Я не обернулся, продолжая разговор с ребятами. «Не слышу».

— КО МНЕ, ЛЕЙТЕНАНТ!

Я обернулся с удивленным лицом — подполкан стоял в нескольких шагах от своей будки в позе, достойной увековечения в бронзе; только вместо фамилии и имени богатыря — подпись «Строевая стойка Советской армии»...

Я щелчком отстрелил сигарету — по длинной дуге, с тоской проводив ее взглядом (*подполковник гребаный! и ты сам — вечно нарываешься...*) — и начал откатывать рукава, застегнул их, не спеша застегнул воротник... Главное в таких случаях — не дать сразу прицепиться по пустякам. Поправил свою обтерханную офицерскую полевую сумку...

...Вот сейчас ты и проверишь, как ты правильно оценил обстановку...

И пошел через освещенную солнцем площадку. День был жаркий.

Ну-ну...

Они нас просто боялись, эти Чернобыльские Начальники.

Как зачумленных.

Потому что мы — радиационная разведка.

То есть, по-умному выражаясь, «как вторичных источников облучения». А также «заражения».

«Облучение» — это то, что с этих разведчиков, которые сами неизвестно сколько уже нахватались, светит. А «заражение» — радиоактивная пыль, которую они с себя везде трусят. Шастают по зоне невесть где, а потом тут рядом оттираются — вроде как так и надо...

Однажды сам НАЧАЛЬНИК отдела РАДИАЦИОННОЙ РАЗВЕДКИ в штабе ПОБОЯЛСЯ ВЗЯТЬ ПИШУЩУЮ РУЧКУ у своего подчиненного офицера! Я просто охренел, когда понял, что происходит!

Это было вообще кино!

Данные тогда я уже отдал, и их наносили на расстеленную на столах карту радиационной обстановки... А начальник разведотдела сидел в сторонке за отдельным столом, его работа — вписать в приготовленную мной бумажку-донесение цифру-дозу, которую мы якобы сегодня получили. Ну и придумать ее, естественно. И расписаться.

А он начал выделываться:

— Ну, сколько мне вам написать?

Я промолчал: скажи «Сколько положено» — он вообще ноль целых хрен десятых напишет... И сколько тут на самом деле положено? А сколько получено *на самом деле!*

А он продолжал, пренебрежительно вертя в руках нашу бумажку:

— Знаю я вас — вы вообще никуда со стоянки в Чернобыле не выезжаете. Или выедете, где-то в посадке спрячетесь, насочиняете там всякую херню, а потом сюда тащите — нам яйца морочить. Еще и дозу им за это пиши...

Я не сказал ничего.

— Ну что мне вам написать? Какой маршрут?

— Там написано.

Он впервые соизволил взглянуть на наше донесение:

«24.07.1986 БРДМ № 80 вел разведку по маршруту Биостенка. Экипаж в составе: Командир /фамилия/ Химик-разведчик /фамилия/ Водитель /фамилия/ получил дозу облучения...»

— А-а, Биостенка... Небось опять меряли, из машины не вылезая... — Он поразмышлял. — Ну, 0,5?

Полрентгена за Биостенку — маршрут разведки Рыжий Лес-3 — это было оскорбление.

Я промолчал.

— Ну ладно, я сегодня добрый — 0,6. — И он потянулся за своей ручкой.

И оказалось — *ее у него нет!* Видно, сам забыл, куда ее сунул, когда его у начальства драли... А теперь на мне отыгрывается...

Он начинает озабоченно прощупывать свои карманы, утыканные индивидуальными дозиметрами.

Сначала куртку... Потом брюки.

Безрезультатно.

Не глядя, вытягиваю из своей полевой сумки ручку. Протягиваю ему.

А он ее в упор не видит.

Выдвигает ящики стола, роется...

А я держу свою обычную школьную шариковую ручку, изрядно уже пальцами заполированную, у него перед носом.

А он этот нос от нее воротит.

Загадочным маневром отворачивает голову вбок: там на составленных в кучу столах, на разостланной карте лежат на животах офицеры, наносят обстановку — их обтянутые хаки задницы торчат во все стороны, как лепестки цветка:

— Есть тут у кого-нибудь ручка?

Из-за частокола задниц доносится: «Нет. Тут фломастеры еле пишут...»

А я держу перед ним свою потускневшую в разведках ручку...

...и чувствую — все время чувствовал, пока это действие происходило — наливаюсь изнутри какой-то грозной силой, как грозная туча, электричеством уже потрескивая, стою над ним:

Я НЕ ЗНАЮ, ЧТО ЕМУ СЕЙЧАС СДЕЛАЮ,

ЕСЛИ ОН НАМ ЧЕЛОВЕЧЕСКУЮ ДОЗУ НЕ НАПИШЕТ.

ПРОСТО РАЗНЕСУ...

Как бы только что заметив, подполковник обращает взор на меня.

И туг на поверхности заряженной грозовой тучи — моей рожи то есть — неожиданно появляется смешливый зайчик.

Неуловимый и ненаказуемый.

Мне смешно.

Какой-то миг он смотрит на мою ручку. Решается...

Берет ее.

Выписывает дозу.

Я беру ручку и бумажку.

Проверяю:

«1,5 Р».

Нормально.

...Грозовые тучи расходятся...

А-а, так чем там с тем подполковником.связистом закончилось?

Да, в общем, ничем.

Ну, подхожу я к нему без всяких глупостей типа «перехода на строевой шаг при подходе к начальнику», просто подхожу, докладываю, вскинув руку к козырьку кепи:

— Товарищ подполковник, лейтенант такой-то по вашему приказанию прибыл.

Он начал без предисловий:

— Кадровый? — В смысле — кадровый ли я офицер?

— Никак нет.

— Двухгодичник? — Уже потише. Двухгодичник — это офицер запаса, на два года призванный служить в кадровую армию.

— Никак нет. — И, чтоб до конца ситуацию определить, добавляю: — *«Из народа»*.

(Так замзавразведотдела когда-то протянул: «...А-а, «из народа», — когда узнал, что я офицер из запаса — не кадровый и не двухгодичник; мне выражение понравилось.)

«Запала тыша», — как сказал о подобных мгновениях какой-то классик украинской литературы.

Все было сказано.

Он мне не мог сделать ничего.

И мы оба это знали.

То есть он, конечно, «мог», но накажут меня или нет мои прямые начальники — ротный, комбат (командиру бригады уж точно не до меня) — это большой вопрос, и почухаюсь я от этого наказания или нет — еще больший; а вот над ним весь штаб будет потешаться, что ему не хрен делать — к разведчикам прицепывается... Это не то что кадрового — тот бы трясся: как же, «пятно в биографии»! И двухгодичника тоже можно прищучить — ему там характеристика хорошая нужна или еще что... А мне что? Я пришел — и я ушел; и меня мало колышет, присвоят мне очередное звание «старший лейтенант запаса» пятью годами раньше или пятью годами позже — или вообще никогда-

То есть он, конечно, кровь мне попортить может, но для этого ему нужно столько усилий потратить, такую машину раскрутить, столько людей убедить — чтоб меня действительно-таки вздрючили... Да и за что?

И мы оба это знали...

Силы противников оказались равны, и теперь нам предстояло — каждому — «сдать назад, не делая резких движений»...

— Ну, что ж вы так, товарищ лейтенант, неуважительно — при моих подчиненных? — сказал он совсем другим тоном.

— Ну и я ж тоже, товарищ подполковник, не сам был...

Взаимоуважительный разговор коллег...

В общем, мы разошлись.

...Подморгнув приятелям, довольный, понес я данные в штаб...

Мерки разведки: Все относительно

— Они лезят везде без респираторов, ни хрена не боятся — радиации ж не видно!

Это начальник разведотдела так о нас, о своих подчиненных, кладущих ему на стол в уютной комнате листочки со столбиками цифр с маршрутов разведки.

Я б тоже, наверно, таким умным был, если б в штабе всю свою чернобыльскую службу просидел...

Потому что это в теории все хорошо.

Это в теории: «при обнаружении радиоактивного заражения или его признаков на местности немедленно одеть респираторы».

Ну, одели.

И сколько в них быть? Если ты находишься на этой самой «зараженной местности» дни — недели — месяцы?... Работаешь, едешь, спишь, ешь... Живешь, короче.

Поневоле поделишь эту «территорию» на «более зараженную» и «менее» — *все ведь относительно...*

Поначалу, смотришь, новичок разве что не спит в респираторе.

Потом, глядишь, его уже «отпустило»:

По дороге в Чернобыль когда оденет респиратор, а когда и нет.

По Чернобылю ходит без респиратора...

Как другие.

Как большинство.

Находит какой-то оптимум — если это слово вообще тут к месту (*и к местности...*) — «оптимум» — между опасностью (опасностями!) от радиации (как их себе этот человек представляет) и опасностью, дискомфортом, связанным с жизнью в респираторе. Его, кстати, тоже ведь нельзя носить постоянно, с точки зрения той же медицины. Не говоря уж о том, что это удовольствие очень сомнительное: завяжите-ка себе, в порядке эксперимента, ротик-носик тряпочкой и походите так с полчаса... Научитесь «свободу любить»...

От среды не спрячешься, она не просто «окружающая»: в чернобыле она не то что *окружила* — *в плен взяла*.

И постепенно-постепенно, глядя на других, бывая на новых и новых уровнях радиации, человек приобретает какие-то понятия: что много, что мало, где как себя вести и до какой степени нервничать, если нервничать вообще... Что где себе можно позволить...

И в зависимости от того, с чем по работе приходится сталкиваться, разные мерки у разных специальностей: у тех, кто на АЭС работает, — одни, у разведки — другие, кто в штабе сидит — свои седьмые. Ну а высокие гости, те вообще себя героями чувствуют, в Чернобыле — месте для нас курортном — побывав... А кто от АЭС километров за двадцать, за пятьдесят, за сто, за сто пятьдесят и больше работает — дороги или дома, скажем, строит, — у тех свои, часто совершенно фантастические мерки...

А у разведки (конкретно: у радиационной разведки в мое время, в середине лета 1986-го) были выработаны такие мерки:

— где-то **до 5 миллирентген в час — радиации считай что нет**: обычно без респираторов; ну разве что пыль столбом или в разведке у АЭС такие уровни случаются;

— **от 5 до 50 мР/ч. — это низкие уровни**: если в бронике по ним просто проезжаем (люки закрыты!) или передышаем на таких уровнях между более высокими — можем и без респираторов;

— **50-500 мР/ч. — средние**: нормальная работа радиационной разведки, но в респираторах, само собой;

— **500 миллирентген/час — 1 рентген/час — выше средних**: тут уже стараемся не задерживаться;

— **1 рентген/час и больше — высокие**: без шуток — «померяли-смылись»...

— **выше 10 Р/ч. — это уже ОЧЕНЬ ВЫСОКИЕ: tempo-tempo!..** как скучно будет, если броник в лесу на таких уровнях сломается... броник, напомним, ослабляет уровень гамма-радиации в 3 раза по сравнению с «заборным», не говоря уж о том, что на нем проскакиваешь такие участки куда быстрее (а значит, за меньшее время — и, соответственно, схватываешь меньшую дозу), чем если б это было «в пешем строю»...

Вот такие понятия-мерки были у радиационной разведки в 1986 году, летом, через три месяца после взрыва 4-го энергоблока Чернобыльской АЭС...

Ну а вы спросите:

— А как это привести к «нормальным условиям»?

А, откровенно говоря, никак.

Это как у альпинистов: что им толку держать в голове, что где-то там, за тридевять земель, есть уровень Балтийского моря — 0 метров высоты, если они по своим семи-восемьдесятникам лазят, ввысь на 7–8 километров торчащим, с одного пика на другой перебираются... И значение имеют только местные, относительные сравнения: насколько один пик выше другого, сколько от седловины — к пику... В том мире только это и имеет значение.

А уж если попытаться как-то... ну, даже не объяснить... дать как-то почувствовать, что значат эти чернобыльские «мерки разведки», то только, наверно, выразив их через естественный, природный уровень радиации:

Сколько естественных уровней «фонов» каждая такая зарубка стоит?

Приняв нормальный, природный уровень радиации [\[38\]](#) за 0,015 мР/ч. [пятнадцать, подчеркиваю еще раз, (а) *тысячных частей* (б) *милли-*(то есть *тысячной*)рентгена в час] = 15 микро(*миллионных частей*)рентген в час — получим путем элементарной операции деления, округляя результат:

— Самые низкие уровни, на которых мы там жили (это наш лагерь: 0,2 мР/ч. — в палатках, 0,3 — по лагерю в среднем, 0,5 — у въезда в парк) и ниже которых просто в природе у нас не было, — это десятки нормальных, «довоенных» уровней;

— До 5 мР/ч. («нет радиации») — это 300 (триста!) нормальных фонов;

— 50 мР/ч. («низкие уровни») — это 3000;

— 500 мР/ч. («средние») — 30 000;

— От 1 Р/ч. (высокие — без кавычек) — 70 000...

— А очень высокие — которые для разведки оканчивались где-то за 15 РЕНТГЕН в час — это (*все встают...*) -

1 000 000

Миллион.

Миллион естественных радиационных уровней.

...Понятно, что человек, как вообще всякая обладающая «живучестью» (это технический термин в данном случае) машина, имеет «запас прочности», в том числе и «по радиации» — но не миллионнократный же!

Повторяю: там мы таких сопоставлений не делали, там нам только их не хватало! Я и сейчас, когда делю, в нулях путаюсь (чего обычно со мной никогда не бывает), сам не могу поверить, что это так много: десятки... сотни тысяч? *Неужели* **МИЛЛИОНЫ?**...

Удивительно! (Мерки разведки-2)

Когда я эту табличку построил, меня вдруг проняло:

— Это ж удивительно! Удивительно, насколько человеческий организм к радиации *устойчив!*

Судите сами.

Если мы повысим нормальную, обычную температуру (скажем, +20 градусов Цельсия) в 10 раз — получится 200 °С! В таких условиях от человеческих тканей мало что человеческого останется [\[39\]](#)...

Или давление: когда оно падает на несколько десятков миллиметров ртутного столба (то есть на мизерные 3 %!), в больших городах только и видишь: «Скорые» и «неотложки» по улицам мечутся с воем — сердечно-сосудистая система у многих не выдерживает, и даже здоровые чувствуют себя как рыба на песке...

А радиация — *МИЛЛИОНЫ естественных уровней* — человек пусть короткое время, пусть «не за бесплатно», но *выдерживает*... Не говоря уж о десятках-сотнях раз...

Такая устойчивость!

Просто удивительно.

Запретный плод

«Солдаты — те же дети, только с большими х...ми», — говаривал майор Гармаш^[40], преподаватель огневой подготовки военной кафедры университета.

Наблюдение неожиданное, но точное: и дети, и солдаты, завидев фруктовое дерево (степень спелости плодов роли не играет), немедленно, рискуя жизнью и дисциплинарным наказанием, на это дерево налетают, облекая его ветви от (часто еще потенциального) урожая. Распространяется наблюдение и на младших офицеров, до капитанов включительно: в полевых условиях на казенных харчах у всех *Homo sapiens* такая жгучая тоска за всем зеленым, свежим... а если к тому же еще и сладким!..-

В чернобыле с дарами природы были проблемы.

Теоретически, конечно... Тут все единогласно сурово и скорбно кивают головами: «Низзя. Категорически низзя».

А практически...

Практически все мы — я лично, мой экипаж, вся радиационная разведка — были очень даже не безгрешны в смысле поедания чернобыльских яблок, вишен и всяких прочих спелых летних прелестей.

Но с разбором:

— В местах вроде экс-города Припять (от пролома реактора — 2 км на северо-запад, гамма-уровни — десятки миллирентген в час) и вообще вблизи АЭС (в радиусе, скажем, 10 км) даже и мысли сорвать плоды не возникало: это как бы и не-яблоки были для нас. Как Адамы в раю «до того»...

— В экс-городке Чернобыль (максимальный уровень 3 мР/ч., 14 км от АЭС на юго-восток, ветви гнутся от плодов) мысль возникала, но это сразу была мысль «Эх, как жаль...»

— Экс-село Ладыжичи (0,4–0,8 мР/ч., от АЭС — 26 км на юго-восток) — никаких мыслей не возникало: поедали вишни и яблоки за милую душу.

— Село Бобер (0,25-1,1 мР/ч., 47 км от АЭС на юго-запад) — яблок нарвали полные штаны... Без шуток, в самом прямом и *полном* смысле! Наш новый дозиметрист — длинный крепкий сельский парень, Володя, завидев *рясну яблуню*^[41] к тому же ничейную, у дороги! — в тоске по витаминам, «в пароксизме страсти» — уже на яблоне понял, что за пазуху будет мало — скинул штаны, связал их зеленые штанины — и припер этот разбухший «мешок» на себе: голова между штанин, как в ярме, а сам в белых кальсонах и сапогах чапает, яблоко жует на ходу — счастливый... Мы потом эти яблоки из Бобра три дня сами ели и всех наших угощали, раз уж нам так повезло...

«Мыли мы их или нет?» — Да кто б там их мыл!..

«Теплое дыхание»

ПУСО «Лелёв» выпускало с 10 мр/час.

Выражаясь более понятно:

Пункт Специальной Обработки, расположенный у экс-населенного пункта Лелёв, производил дезактивацию транспортных средств и разрешал дальнейшее движение тем из них, максимальный уровень радиации на которых после обработки не превышал 10 миллирентген в час.

ПУСО «Лелёв» — 2-е от АЭС в каскаде ПУСО.

ПУСО по зоне были разбросаны не просто так, а представляли систему, *каскад*. Каждое следующее ПУСО пропускало — дальше от АЭС и все ближе к миру нормальному — только машины со все меньшим и меньшим уровнем радиации на них.

1-е — ПУСО в каскаде — «Копачи», километра три от АЭС — даже не меряло, а мыло прямо на дороге те «транспортные средства», которые сами останавливались.

2-е ПУСО — «Лелёв», в 10 километрах от АЭС. На трассе пункт дозконтроля уже есть, но он проезжающих не останавливает. Хочешь — заезжай на ПУСО, не хочешь — не заезжай, кати себе мимо. Мы, когда было время, заезжали — профилактически от грязи отмыться, не дать радиации въестся в краску, в броню (запустишь — потом хрен ее оттуда вымоешь). И при этом, что было весьма существенно, мы не рисковали быть отправленными на могильник: ПУСО «Лелёв» выпускало с уровнем загрязнения до 10 миллирентген в час, а уж в этот-то щедрый предел без труда влезали даже мы.

Следующее ПУСО каскада — «Рудня Вересня», 20 километров от АЭС. Добровольность заканчивается: дозконтроль останавливает и меряет на дороге всех подряд, разрешенный предел для следования дальше из зоны — 1,5 миллирентгена в час... ПУСО «Рудня Вересня» — злейшие, самые опасные враги радиационной разведки.

Последнее ПУСО, «Дитятки», — на выезде из 30-километровой зоны: уровень гамма-радиации на транспортном средстве — не выше 0,5 мр/ч... Наше счастье, что они военные машины не останавливали. До поры, впрочем, до времени...

Как-то заехали мы в свободную минутку на ПУСО «Лелёв», профилактически помыться.

Отбыв все положенные процедуры, подъезжаем к дозконтролю на выезде из ПУСО...

И тут у шлагбаума происходит что-то непонятное: их дозиметрист подходит, сует держак с зондом в наш броник — в колесную нишу (самое грязное место любой машины)... Обменивается понимающим взглядом с лейтенантом-начдльником... И, скучая, отходит в сторону. Всё без единого слова.

Лейтенант нам пишет что-то в путевку...

Неужели «на площадку отстоя техники» — на могильник? («Прошляпил! Где мы могли 10 миллирентген в час на себе насобирать? Да вроде нигде... Откуда?!..»)

Через плечо лейтенанта — в бумажку: что он там пишет?! Неужели таки влипли?!

«Выпущен по фону...»

«Выпущен» — это уже хорошо...

— А как это — «по фону»?

— А у нас на ПУСО уровень поднялся. Выше нашего предела выпуска, 10 миллирентген в час, стал. Ну, мы и пишем: «Выпущен по фону», ниже фона мы ж ни отмыть, ни померить не можем...

— Это так грязь с машин, что вы моете, территорию вам загадила?!

— Не, везде фон поднялся, по всей местности... — он обводит рукой всю равнину вокруг.

...Это дышал кратер незакрытого взорванного реактора.

Выдыхая из себя то, что в нем было. Радиацию.

Радиоактивные частички испарялись, улетучивались из пролома реактора, разносились ветром и рассеивались по прилегающей местности... Поднимая, повышая уровни на ней.

До тех пор, пока небывалый сарай — колоссальный, под стать египетским пирамидам, бетонный Саркофаг — от дождя, ветра, солнца, птичек и прочих превратностей жизни и климата эту руину не прикрыл.

А климат и жизнь — от ее «теплого дыхания»...

...Коля по дороге размечтался:

— Ну, если сегодня и на ПУСО «Рудня Вересня» уровни поднялись!

Но «Рудня Вересня», ПУСО-3 этого контрольно-помывочного каскада, выпускало в тот день как обычно: только с уровнем меньше своих драконовских 1,5 миллирентгена в час. Они от АЭС далеко, в двадцати километрах, до них это «теплое дыхание» не доходило.

Теплое дыхание — вещь интимная: только для близких.

Запах радиации

А вы знаете, как хорошо пахнет озоном после ядерного взрыва?

Академик Сахаров, один из создателей водородной бомбы, — в разговоре с Алесем Адамовичем [\[42\]](#)

Я и сейчас себе не верю.

Но я и тогда не поверил.

Я перепроверил.

Перенюхал.

Валера вернулся из Рыжего Леса-1,

И ОТ НЕГО ПАХЛО ЙОДОМ.

Дело было на стоянке в Чернобыле, Валера только что вылез из своего броника.

И от него всего пахло йодом.

Именно йодом — подчеркиваю! — ошибиться трудно: и запах очень характерный, и я все-таки человек тренированный — химик по основной специальности.

Я знал, что при взрыве ядерного реактора наружу был выброшен наряду со всем прочим «радиоактивным семейством» радиоактивный йод-131. Знал я, что это короткоживущий изотоп — период полураспада 8 суток.

Это значит, что через 8 суток от всего йода, что был наработан в реакторе на момент взрыва и был выброшен наружу (или остался в реакторе), осталась половина. Еще через восемь суток — половина от этой половины распалась: осталась четвертина исходного количества. Еще восемь суток — осталась уже осьмушка. Следующие восемь суток — осталась шестнадцатая часть. Еще один период полураспада — и уже только 1/32 исходного количества осталась...

И с момента взрыва до этого приезда Валеры из Рыжего Леса прошло около 3 месяцев — 90 дней. Что составляет приблизительно... 90 суток разделить на 8... - 11 периодов полураспада прошло. 11 раз количество исходного йода-131 переполовинилось.

Какая ж доля исходного йода осталась?

1: $(2 \times 2 \times 2 \times 2 \times 2 \times 2 \times 2 \times 2 \times 2 \times 2) = 1 / 2048 = 0,0005 = 0,05 \%$.

5 — сотых долей — процента.

Это — трудновообразимая мизерная (мизернейшая!) часть. Это почти что синоним слова «ноль», и в нормальной жизни никто такие доли в расчет не принимает.

...И вот в это время появляется из Рыжего Леса радиационный разведчик, *от обмундирования, волос которого пахнет йодом*. Очень внятно. Это сколько ж этого йода должно было при аварии вылететь, если он до сих пор в Рыжем Лесу в таком количестве держится?!

И просто удивительно, как глупость срабатывает как защитный механизм:

я подумал, что йод радиоактивный при распаде переходит в йод нормальный, нерадиоактивный, и что запах именно этого нерадиоактивного, обычного йода Валера на себе из Рыжего Леса привез.

Иначе я и представить себе не мог! Ведь уцелеть должен был практически ноль от исходного радиоактивного йода, это мне и без всяких расчетов было понятно.

(Еще раз: ошибиться я не мог — я химик. И запах йода, согласитесь, очень уж особенный.)

И я успокоился.

Понудивлявшись — это сколько ж до хрена радиоактивного йода должно при аварии было «выброситься», если тут до сих пор йодом (нерадиоактивным, как я думал) пахнет... Чтобы йод, при всей своей летучести, склонности к испарению — да на открытом воздухе, летом! — не рассеялся до неопределяемой (по крайней мере, носом) концентрации... Чертова туча, действительно.

И я успокоился.

То есть в строгом соответствии с законами психологии — и языка — «успокоил себя».

Что было замечательно. Потому что в чернобыле летом 1986-го нам только проблем с йодом не хватало...

...Но червь сомнения меня все-таки точил, и намного позже, дома, через годы! — я заглянул в справочник... И был просто поражен — вторично! — когда узнал, что:

Оказывается,

радиоактивный йод-131 при распаде

преобразуется в совсем другой элемент!

Который, естественно, йодом ну никак не пахнет! — поскольку это совершенно другой химический элемент — не йод...

Значит, то, что я, нюхая, вдыхал на стоянке — а Валера на маршруте, и потом до тех пор, пока йод из его формы не выветрился (одежка-то у нас в чернобыле у каждого была одна на все случаи жизни!) — все это был йод радиоактивный: другому просто неоткуда было взяться...

Это пахли те самые «исчезающе малые» 0,05 % радиоактивного йода-131, который вылетел из реактора 26 апреля и уцелел на описываемый момент...

Сколько ж тогда его вообще взрыв выбросил? А в первые дни летало?...

10 рентген/час

Приступайте к измерениям начиная в положении ручки переключателя «200 РЕНТГЕН/ЧАС».

Надпись на внутренней стороне крышки рентгенометра-радиометра ДП-5[43]

— А какой самый большой уровень ты мерял?

— 10 рентген в час. Это земля. А фон там был б,б. Ну опять же, что значит — «я мерял»...

И начинается рассказ...

Нужно было проложить новый маршрут. Чистогаловка — АЭС.

Где АЭС — понятно.

Чистогаловка — это село, одно из ближайших к станции — километрах в семи на запад и чуть южнее; там я уже был: на ее околице оканчивались два наших маршрута по Рыжему Лесу. А как новый маршрут хотят проложить?...

— Покажите по карте.

Замначальника разведотдела — молодой майор — ткнул в топографическую карту. Острые ручки описало петлю вокруг АЭС и два болтающихся в разные стороны хвоста: дальний оканчивался Чистогаловкой, а короткий ближний начинался на развилке трасс, где от центральной на город Припять отходила вторая дорога на АЭС... Маршрут почти весь перекрывался кусками других наших маршрутов. Непонятно, зачем они его вообще хотят проложить? Наверно, чтоб был один маршрут, который АЭС опоясывает целиком... И на самом близком по сравнению с другими маршрутами расстоянии... Чистогаловка — АЭС. Ладно...

— А кто с нами поедет? Вы?

— Не, я занят... — замразведотдела затруднился.

На прокладку нового маршрута обычно ехал кто-то

из отдела. Ехал в основном из-за карты — секретной карты — как ее ответственный хранитель. (В разведке у нас не было карт — не давали: настоящие карты в СССР секретные, тем более такого района, как Чернобыльская АЭС, тем более в такой момент, когда на него весь мир смотрит... А для прокладки нового маршрута, хочешь не хочешь, карта нужна: нанести точно места замеров, чтоб потом в разведотделе знали, к каким местам на карте относятся те столбики цифр, что мы с маршрутов привозим...) Доверить секретную топографическую карту даже мне — офицеру, но «партизану», из запаса, военному не кадровому, их системе с потрохами не принадлежащему, они не могли. Боялись. И приходилось посылать кого-то из штаба — «картодержателем», так сказать. Ответственным за сохранность карты.

...Майор-«летун» на вид был некрупным — чтоб не сказать мелким — легким, легковесным даже. А лицо морщинистое, как кора на дубе.

«Летуном» его прозвали за то, что, пару раз слетав с вертолетчиками (полеты именовались — «разведка 500-километровой зоны», реально — в прошлый раз генерала после чернобыльской службы домой отвозили, в Одессу, в море искупались; по дороге, говорят, меряли), он достал у них летную

эмблему — «краба»^[44], приспособил ее на кепи на месте обычной сухопутной офицерской кокарды и так дефилировал, от детской гордости аж раздуваясь — «летун»! Он заменил другого разведотдельского майора; вот тот был пахарь, вечно он сидел за столом в углу — широколобый, плотно сбитый крепыш в очках: обзванивал части (собирал радиационную обстановку), или данные на карты наносил, или на схемы их сводил...

«Летуна» испробовали на всех возможных в разведотделе работах и нашли пригодным к одной-единственной — «невозможной»: возить для штаба бутылки с даровой минеральной водой. Воду раздавали на АЭС (14 км от штаба) тем, кто на АЭС работает. И он там набирал и на весь штаб воду привозил — на даровых колесах, в каком-нибудь нашем специально отряженном бронике. Я как-то видел его «въезд»: лихо восседает наверху, на броне — орел! — «краб» набекрень... Потом из нутра броника начинают таскать ящики минералки в количествах невероятных. Эта операция, надо думать, сильно повышала авторитет разведотдела в штабе — в Оперативной группе Минобороны СССР...

А следующим пунктом карьеры «летуна» должен был стать Афганистан (напомню: год стоял 1986-й, Союз вовсю воевал в Афгане — «помощь интернациональную» оказывал). У майора уже были готовы документы на эту командировку, он всем сообщал с гордостью: «Из Чернобыля — в Афган!» Вот такой вот он «столп» Советской армии...

...«Столп» в этот момент вошел в комнату и снимал «пидерку» (местное название армейского кепи) с прилепленным спереди «крабом»...

— Вот он с вами поедет, — с облегчением кивнул замразведотдела.

— Па-а-анятно, — протянул я.

— Ты поглядывай за ним, чтоб он там дров не наломал... — добавил замначальника уже потише.

У двери на столе, в куче сваленных «пидерок», я нашел свою, «колхозную» (чтоб ее легче было находить в таких вот кучах из всех одинаковых, я специально к ней кокарды не прикреплял).

Мы с майором-«летуном» вышли из разведотдела.

Сели в броник и поехали.

В разведке майор-«летун» был явно в первый раз.

Ему было неуютно.

Он вертел головой, по сторонам разглядывался, карту на коленях разложил... О — карта! Карта, я заметил, придает таким вот «прикомандированным» уверенности: вроде как есть чем заняться — смотреть по-деловому в карту и на местность, с местности — в карту: все ли находится где положено; типа ориентируется... И пока он сидел и не вякал, все было хорошо.

...На острие двух расходящихся трасс — на АЭС и на Припять — мы производим первый замер.

Водитель Коля засекает километраж на спидометре. Следующий замер — через четверть километра...

Хорошая асфальтовая трасса. Сосновый лес с обеих сторон. Красиво...

Второй замер... Машина тормозит, дозиметрист спрыгивает, на ходу достает зонд, замеряет фон и землю на точке, я записываю, он оббивает песок сапог о броню, залезает наверх — «Вперед!» — и мы трогаемся. Командир экипажа обычно с броника не слезает: зачем хватать дозу вдвоем и делать ту же работу, что может и один? Да и лазить туда-сюда задалбываешься, если маршрут длинный, лучше его на двоих делить...

Третий замер... Дозиметрист спрыгивает, постояв над обочиной с полминуты, держа зонд на высоте своего пояса, кричит фон — «110»... Опускает зонд, неотрывно глядя на шкалу прибора, выкрикивает землю — «Тоже 110»... Мы работаем как обычно...

Уровни небольшие — сто с чем-то миллирентген в час... От точки к точке слабо возрастают...

Тем временем «летун» (который уже освоился и вспомнил — он тут старший по званию!) начал действовать.

То есть давать ценные указания.

...Замер... 180/190...

В слаженном механизме экипажа разведки — водитель, командир, дозиметрист — возникает что-то лишнее...

...Замер... 240/250...

Факел — здоровенный железобетонный крашеный факел — эмблема Чернобыльской АЭС — на изгибе дороги («на повороте» и «у Факела» — так это место называют): лес с обеих сторон порубили, покорчевали и с землей вывезли — и все равно — ...

...Замер... фон 2100, земля 2900...

2,1 и 2,9 рентгена в час.

...Майор — одна активность...

...740/820...

Подъезжаем к «перевязке» петли нового маршрута вокруг АЭС...

Майор не унимается.

И эта чертова карта, без которой мы могли б сто раз обойтись, придает ему уверенности.

Я терплю...

...270/370...

Вот он уже почти командует, где нам надо делать замеры, после каждого замера что-то калякает ручкой на полях своей карты...

Причем точки помечает не там, где они находятся, я в своем блокноте записываю, где они на самом деле... Чувствую, сейчас сам запутаюсь...

Ну что с ним делать? На хрен послать?! В принципе можно... Что мне сделают? Вместо разведки попаду на гауптвахту? Так это еще неизвестно, наказание это будет или поощрение, уровни радиации во внимание принимая...

Но посылать майора не хочется. Гомо сапиенс все-таки...

...160/210... Это мы в ложбине между двумя языками-отрогами высоких уровней радиации: западным (мы его уже проехали) и широким северным, начинающимся напротив открытого черного пролома 4-го реактора...

Высокие уровни напротив пролома приближаются...

— Товарищ майор, вы точки не там наносите...

— Как это — «не там»?! Мы вот здесь вот едем, я наношу... — Он начинает объяснять, тычет ручкой в карту и на местность, потом снова в карту...

Я пытаюсь доказать, что он проморгал один поворот, наносит точки на пару километров позади того места, где мы сейчас меряем...

Бесполезно.

...140/190...

Ну что с ним делать?

«Лучший способ выбрать из двух конкурирующих гипотез правильную — это сделать на основе каждой предсказание. А потом посмотреть, какое верное», — вот что-то приблизительно такое приходит мне в голову, вколоченное на родимом химфаке родимого университета.

«Делаю предсказание».

— Вы говорите, мы здесь? — я ткнул ручкой в карту — в то место, где, как майор считал, мы находимся.

— Конечно.

— Значит, впереди — поворот направо. Правильно?

— Правильно.

— Правильно. Счас все повороты правые — мы ж АЭС по кругу объезжаем, по часовой стрелке, и все повороты правые, так что это ни о чем не говорит. А вот что будет за следующим поворотом, по-вашему?

— Ничо... Лес. — Он ткнул в карту, в пятно салатного леса.

— Там будет канал, — я ткнул в голубую полосу на карте, в которую упиралась прямая черная нить дороги, — никакой не лес... Там будет канал.

Замеры напротив чернеющего пролома 4-го энергоблока ненужными разговорами не сопровождались.

...Канал там и был — чему ж там еще быть?

Через это место — Т-образный перекресток у канала — несколько наших маршрутов проходят — Биостенка, Пруд-охладитель... Это место разведке хорошо известно; по этому куску, думаю, в разведотделе данные разных экипажей проверяют и вместе сводят...

Майор умолк.

Вдоль канала... — выезжаем на площадку перед админкорпусом — замер... символический почти, тут полтора десятка миллирентген в час, это каждый знает...

...14/18...

...по мостику переезжаем через «канальчик» — отросток первого, главного канала — и сворачиваем направо, на дорогу вдоль «отростка». Замер...

Слева — огороженная сеткой территория: трансформаторные будки, гигантские изоляторы (белый фарфор и зеленое мутное стекло — гирляндами), линии высоковольтных передач — на разной высоте, на все стороны света... ОРУ-1 и ОРУ-2 — электрические распределительные подстанции Чернобыльской атомной электрической станции.

...Замеры через 250 метров...

Хорошо видим стену — справа, за «канальчиком», в сотне-другой метров — длиннющую высоченную белую стену здания АЭС с южной стороны. Абсолютно целую. Это не то что противоположная, северная — с ее «черной дырой»...

Майор возникает еще раз — я уже довольно бесцеремонно: «Не мешайте, товарищ майор!»

...Сколько ж ты народу в Афгане положишь, майор... Или ребятам повезет, будешь штаб минеральной водой поить, как здесь... Скорей всего, так и будет, если начальник окажется хоть чуть-чуть умней, чем ты... Везет дуракам...

...Замер...

Колонки в моем блокноте все длинней и длинней: схематическое обозначение точки — «земля/фон» на ней...

...Майор. Значит, можешь быть командиром батальона. Четыреста с чем-то душ людей. На коленях у майора трепыхается неумело сложенная карта. Полтыщей человек будешь командовать...

...Замер...

Уровни от точки к точке немного приподымаются... Но так, терпимо, ничего особенного, мы ж с юга, а юг безопасен, благополучней только восток от АЭС...

Въезжаем в сосновый лес — высокие стволы, светло. Знак — предупреждающий дорожный знак — «Высокие уровни! Проезд запрещен!» Внимания не обращаем, это не для нас, мы лучше знаем, где какие уровни высокие и для кого...

...И вот такой майор — командует мной где-нибудь в приветливых горах Афганистана... накомандует...

...Замер...

...Сколько ж ты народу в Афгане положишь, майор...

Дозиметрист — уже на точке, в нескольких шагах от броника — ко мне:

— Что-то с прибором.

— Покажи.

Дурацкий прибор ДП-5! У него на переключателе

диапазоны измерений обозначены не интервалом (ну, например, «50-500 мР/ч.»), не измеряемым на данном диапазоне максимумом (это было бы «500 мР/ч.»), как у всех нормальных приборов, а диапазоны обозначены коэффициентами, множителями — « $\times 10$ », « $\times 100$ », « $\times 1000$ » — на каковые надо умножать то, что показывает стрелка на шкале, отградуированной от 0 до 5 миллирентген в час... То есть диапазон до 500 мР/ч. — это « $\times 100$ », а « $\times 1000$ » — это диапазон до 5 рентген в час... Из-за этого путаница всегда: дозиметристы по ошибке принимают множитель на переключателе за саму величину диапазона...

Дозиметрист подходит под броник и поворачивается спиной, чтоб мне шкала прибора была видна.

Стрелка прибора — на краю, точно на максимальном делении. Зашкал? Не похоже... Снова сломался?

— А ну, замерь еще раз.

Смотрю сверху.

Стрелка, проскочив всю шкалу, становится ТОЧНО на крайнем последнем делении. Странно...

— А ну, переключи на следующий диапазон.

Щелк! Давит опять кнопку «измерение» — стрелка у нуля вяло пошевелилась...

Неужели таки сломался? Черт побери... Чем мы работать завтра будем? Рота разведки сидит без исправных приборов...

— А ну, назад.

Еще один замер — на первом, меньшем диапазоне — стрелка опять ложится ровнехонько на максимальное деление...

— А м\у ппятк ыа RkiriiiMM!!!!!!!

Щелк! «Измерение»... Стрелка все так же еле сдвигается с нуля...

10.

Стрелка стоит на делении «10».

— БЛЯ! — доходит вдруг до меня. — Это ж ровно 10 рентген в час! Меряй быстро фон! И сматываемся!

Следующий же диапазон не множителями этими дурацкими обозначен, а по-простому — «200 Р/ч.» — 200 РЕНТГЕН В ЧАС — мы ж на нем никогда не меряли!.. Идиот...

...Фон оказался 6,6.

Мы смотались.

...Ну конечно ж, этот изгиб заброшенной и глухой сейчас дороги, где никто не ездит, находится как раз напротив «поворота у Факела» главной трассы; а там хоть и дальше от АЭС, и лес повырубил, и землю сняли, все равно рентгены в час на обочине прут... И из-за оставшейся полосы леса не видно, что это совсем рядом... Ну конечно! это и есть начало острого западного языка — должно ж у него быть начало?! — просто в начале он — ЮГО-западный! Как же я не допер, что мы его еще раз должны пересечь, пока АЭС окольцуем! Таких простых вещей не связал...

Если б не майор этот злоедучий... И дозиметрист — молодой, необкатанный... И ты сам... Компания собралась...

Майор, похоже, вообще ни хрена не понял. Ближе к Чистогаловке он начал чирикать опять. Ну а в Чернобыль он уже въехал — brave офицер! — по яйца высунувшись из люка, на броне, с видом: «я показал этим темным «партизанам», как надо правильно вести радиационную разведку»...

После, когда ездили по этому маршруту, кусок 6,6/10 пропускали: доезжали до 1 рентгена в час — и назад. А потом подъезжали к этому месту с другой стороны до 1 рентгена в час — и опять назад. Уровни больше 1 Р/ч. были тогда неактуальными, ну, в смысле «для работы без спецмер непригодными» (подчеркиваю, я говорю не о самой АЭС, а о ее окрестностях; на самой АЭС другое дело), и сколько в таких местах было точно, никого особенно не волновало. Если уж приходилось где-то начинать работы, туда посылали экипаж, и он это место специально промерял.

А чтоб вписать эти мои 10 рентген в час в общую, так сказать, картину, сообщаю:

Мой напарник — другой командир взвода, Валера — мерял в Рыжем Лесу больше, даже не знаю точно, думаю, под два десятка рентген. А приятель Сэм в мае в Рыжем же Лесу — пардон, в мае лес был еще Желтым, желтеющим — дошел в лесу с прибором *пешком*, БРДМ среди деревьев не мог проехать, дошел до 50 (ПЯТИДЕСЯТИ) РЕНТГЕН В ЧАС. Фон там был 17. «Дальше я не пошел», — просто сказал он...

Вы спрашиваете, а что чувствуешь на 10 рентгенах в час?

А ничего.

Ровным счетом ничего.

Только кажется — воздух звенит.

Но это только кажется.

Во всяком случае, не должен.

Мало.

10 рентген в час...

1 Р/ч.: Как я видел радиацию

Это, конечно, все знают — но на всякий случай повторю:

РАДИАЦИЮ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО НЕ ВИДНО.

Хотя, как оказалось, при наличии большого опыта общения с ней...

1 Р/ч. — это 1 рентген в час.

Уровень радиоактивного излучения, на котором за 1 час объект получит дозу внешнего радиоактивного облучения, равную 1 рентгену. («Внешнее» — это облучение, которое «объект» получает снаружи, из окружающей его тело среды (и грязи на коже тоже). Не путать с «внутренним» — облучением изнутри самого «объекта» за счет тех радиоактивных атомов, что он наглотался-надышался-напился-и-наелся — и которые, распадаясь в теле, изнутри его облучают и будут облучать, пока организм их не выведет или они сами при распаде не перейдут в нерадиоактивные.)

1 Р/ч. — уровень приметный.

С него начинались уровни, которые разведка считала высокими. Начальство — «для строительных работ без спецмер непригодными».

Уровень, достойный отдельного рассказа.

Едем мы по маршруту Чистогаловка — АЭС. В первый раз едем — маршрут прокладываем. От АЭС уже удаляемся. На запад.

Уровни, и так небольшие, спадают: 100 с чем-то миллирентген... 100... 50 миллирентген в час... 30 с чем-то... Сейчас на развилке свернем влево к Чистогаловке и на ближней ее околице маршрут окончим; там будет 20 с чем-то, там другой наш маршрут — Рыжий Лес-2 — заканчивается.

Проезжаем дачи...

Замер...

Я приготовился записывать.

«Тысяча пятьдесят».

«Не может быть». Не может быть 1050 миллирентген в час (ОДИН РЕНТГЕН В ЧАС!) на таком от АЭС расстоянии и после 30 миллирентген! «Проверь прибор, перемерь — не может тут таких уровней быть».

И, пока дозиметрист это делает, я оглядываю местность повнимательней...

И вижу — среди зеленых елок...

Но тут надо сделать маленькое отступление.

По-разному проводили время между получением повестки в чернобыль и отбытием туда люди...

Если, конечно, это время было: 30 апреля 1986 года в Харькове и повесток, кажется, не вручали, а просто хватали на работе, дома — и в такси! Приписанных к химполку «партизан»-резервистов *на такси* свозили со всего города на место сбора, в лес в пригороде...

У меня, к счастью, это время оказалось, и я выкроил два часа, чтоб заскочить в библиотеку, подковаться по части АЭС, радиации и возможных последствий.

И вот среди того удивительно немногого, что могла тогда библиотека предложить (причем не районная библиотечка — а Харьковская государственная научная библиотека имени Короленко: несколько миллионов книг, книгохранилище в первой двадцатке СССР), среди того удивительно немногого, что было в библиотеке по этому вопросу, мне запомнилось:

покрытосеменные (лиственные) растения — более устойчивы к радиации, чем голосеменные (хвойные).

Хвойные, оказывается, дохнут от раза в два меньшей дозы — что-то около 3 тысяч рентген, если не ошибаюсь... И понятно, почему запомнилось. Потому что удивило:

Обычно более продвинутые в смысле эволюции — более тонко организованные — более уязвимы, более ранимы; а примитивные — живучей в жестких условиях, устойчивей к радиации... А тут — наоборот. Приятно за покрытосеменных... Есть все-таки толк в эволюции...

...И пока дозиметрист повторяет замер, я оглядываю местность повнимательней...

И вижу: елки и елочки, у опушки зеленые — ближе к дороге *рыжие*...

Хвоя сгорела — а трава, что характерно, подлесок, кустики там всякие лиственные — зеленеют...

«Тысяча сто».

«Поехали. 1 рентген в час тут есть. Прибор в порядке».

...Потому что тогда — конец июля — начало августа, через три месяца после взрыва — в сосновом лесу как раз начали проявляться участки с 1 рентгеном в час. То есть там, где больше, по проявлялось раньше: лес-то недаром назывался Рыжим... А теперь и на участках, где был ровно 1 рентген в час (а раньше, значит, было больше) сосны добирали свою смертельную дозу и «давали дуба».

И хвоя их рыжела.

...Я, признаюсь, по этому поводу даже собой возгордился, какой я теперь бывалый: радиацию видеть могу, приборы на глаз проверяю...

А через несколько дней по тому же месту проезжаем:

«18 миллирентген».

«Не может быть, тут больше рентгена... Перемерь».

Смотрю вокруг — и не вижу...

Не только елок этих рыжих не вижу, но и верхнего слоя — грунта, подстилки, травы... Срыли, выкорчевали, увезли. На могильник куда-то. Добрались и до этого пятна с 1 Р/ч. Не зря мы его меряли...

Оголенный грунт зияет.

«15 миллирентген в час», — докладывает дозиметрист.

«Годится».

Это земля.

А фон — уровень на высоте пояса человека — больше земли оказался. Что необычно: в воздухе собственно радиоактивного вещества меньше, только мелкие пылинки, а на земле валяются более крупные частицы всего того, что было когда-то реактором и его топливом... Но над этими защищенными от этих «останков» местами фон в воздухе создают уже соседние, нетронутые участки: они теперь более грязные, со своими несколькими десятками миллирентген в час на земле, вот и «фонят» на все бока...

...1 Р/ч. — уровень круглый. Прямой уровень.

На котором объект за 1 час получает дозу внешнего радиоактивного облучения, равную 1 рентгену...

Племя аборигенов (Радиационный рельеф: Предисловие)

Мало знать — надо чувствовать.

Пожилой ученый — молодому при обсуждении эксперимента

— ДА ВЫ ЧТО?!

Я потерял самоконтроль. Не на разведке — в штабе, в родном разведотделе!

— Да вы что? За Рыжий Лес-2 — доза полрентгена? А там — для справки — РЕНТГЕНЫ в час прут! И те же полрентгена нам за...

Дальше я хотел сказать [\[45\]](#):

— ...и те же полрентгена нам за Ладыжичи — где и МИЛЛИ(тысячной!)рентгена в час нет! В Лесу — в **ТЫСЯЧУ РАЗ больше!**

Вот какой «незначительный фактик» ускользал от внимания замначальника отдела радиационной разведки, который вот сейчас хочет написать мне и моему экипажу за маршрут Рыжий Лес-2 смехотворно, просто-таки оскорбительно маленькую дозу облучения... Или он издевается?... Но майор-замначальника смотрел на меня искренне непонимающими глазами — симпатичный, вполне разумный человек; мы один другого уважали...

И меня буквально пронзила мысль:

Да он просто не понимает, какая колоссальная — больше чем ТЫСЯЧЕкратная — астрономическая! — разница в уровнях (и соответственно — в дозах) — между Ладыжичами, рекреационной прогулкой с дозиметром по полному жизни месту; — и Рыжим мертвым Лесом с десятками рентген в час...

Это открытие меня просто потрясло:

Наши штабные шефы

не понимают такой простой вещи!

Нет, даже не то — *они не чувствуют!* —

ОНИ НЕ ЧУВСТВУЮТ

РАДИАЦИОННОЙ ОБСТАНОВКИ

— так, как чувствуем ее мы — те, кто каждый день разъезжает по зоне, делает замеры... Для кого уровень радиации — это не только точка с цифиркой на карте: это сеть твоих же поездок и замеров на местности, которую ты своими глазами увидел, своим зондом прощупал, конкретно прочувствовал своей взъерошенной шкурой... И только потом, в нарушение режима секретности, увидел на карте в разведотделе...

И вот мы трое, командиры взводов одной-единственной роты, которая занималась радиационной разведкой АЭС и 30-километровой зоны, да вдобавок еще по особым указаниям меряла периферию, удаленные села, мы да еще несколько наших самых толковых командиров экипажей — есть ВСЕ носители этого уникального знания-чувства...

Редчайшая популяция... Племя аборигенов.

А они, «чернобыльские кабинетные работники» — такие же, как мы были за три года до аварии, на учениях в 1983-м: там нам на учебной карте написать что «1,5 Р/ч.», что «1,5 мР/ч.» — все было едино! — «радиационное заражение»... Как-то не задумывались, что между так мало отличающимися в написании величинами — 1000 раз — *тысяча раз!* — разницы... Величину естественного радиационного фона мы тогда просто не знали — *офицеры радиационно-химической разведки!* — и саму радиацию понимали тогда только как «Есть — Нет» — в такой вот детски-дочернобыльской бело-черной шкале...

И они теперь, офицеры чернобыльского штаба — похожие... Не такие, конечно, «стерильные» — но...

Это нас, эскимосов, чернобыль научил тоньше разбираться, *рельефнее*...

Рельефнее — в самом прямом, «выпуклом» смысле.

Чернобыльские Гималаи: Радиационный рельеф

Когда в первый раз поехал на разведку — ничего не запоминал: едем по маршруту, дозиметрист меряет, я записываю в столбик — 12 миллирентген в час... 25... 44... 1200 миллирентген в час... 150... 29 миллирентген в час... Каша из цифр, новые места...

А потом память натренировалась, местность знакомая уже, и неожиданно оказалось, что после разведки я могу маршрут довольно точно пересказать — где-сколько.

Привязанные к местности цифры уровней — копились-копились в мозгу...

...и неожиданно сложились в цельную, панорамную

картину радиационной обстановки:

РАДИАЦИОННЫЙ РЕЛЬЕФ.

По которому мы, знания наши полируя, каждый день дальше разъезжали...

Это была гора. **Радиационная ГОРА.**

1. **Ее вершина, пик** — бывший 4-й энергоблок Чернобыльской АЭС, его зияющий пролом: уровни радиации (а значит, количество, концентрация радиоактивных материалов, их активность) — максимальны.

2. **От этого пика уходят два отрога:**

— один отрог — на запад (в самом своем начале, у АЭС, он идет на юго-запад) — высокий, длинный и узкий (максимальные уровни вне АЭС — ДЕСЯТКИ РЕНТГЕН в час) — это след первого взрыва;

— второй — на север, на Беларусь — пониже (РЕНТГЕНЫ в час), широкий и размытый (сектор градусов в 90) — следы мощных выбросов из открытого взрывом и раскаленного реактора в первые десять дней после взрыва.

3. **С увеличением расстояния от АЭС уровни уменьшались**, причем (это очень важно!) — **в разных направлениях с ОЧЕНЬ разной скоростью** (это очевидное следствие сказанного в предыдущем пункте): гора круто, «обрывом» снижалась на юг и особенно на восток (это даже удивляло поначалу: совсем рядом с АЭС- а уровни совсем небольшие, десятки *миллирентген* в час).

ЭТО ОЧЕНЬ ВАЖНО, ибо:

Понимание чернобыля, чернобыльской радиации и ее воздействия на человека, на людей — невозможно без осознания простого и фундаментального факта:

Указанное различие такое же колоссальное, как между всем понятными километром и миллиметром: километр больше миллиметра ровно в 1 000 000 раз [\[46\]](#).

Вот что такое МИЛЛИОН РАЗ.

Миллион — это очень — очень — ОЧЕНЬ МНОГО.

А теперь представьте себе человека, который ориентируется в пространстве, передвигается в нем, строит какие-то выводы о нем, путая между собой, считая совершенно одинаковыми миллиметр и КИЛОМЕТР, толщину своего ногтя и расстояние, которое он проходит обычным шагом минут за пятнадцать. Куда он таким макаром прирулит? Как он так (дез)ориентироваться будет? Чего будут стоить его выводы о событиях в этом пространстве? При таком (НЕ)понимании места их происхождения...

Ответ на все три вопроса — одно-единственное слово:

КАТАСТРОФА.

При таком *катастрофическом* НЕпонимании катастрофа надежно гарантирована. Абсолютно в любом роде деятельности, которая «основана» на таком миллионнократном НЕпонимании. Например, при оценке и ликвидации последствий радиационных ава... Но я, кажется, отвлекся.

4. Чем выше уровень — тем резче, обрывистей он уменьшается с расстоянием.

Отсюда приятное и важное следствие:

чем выше уровень, тем меньше его площадь.

Уровни самые высокие, опасные даже для кратковременного пребывания, были тогда, летом 1986-го, только на АЭС и рядом с ней, на нескольких квадратных километрах.

Обратная сторона этой приятной медали:

чем ниже уровень, тем более полого он снижается — тем он на большей площади.

Например, невысокий по меркам тогдашней разведки уровень в 1 *миллирентген* в час охватывал тогда, наверное, тысячи квадратных километров [\[47\]](#).

Сказанное настолько важно, что я даже его переформулирую:

Чернобыльское радиационное загрязнение — это

РАДИАЦИОННЫЙ ПИК —

ОЧЕНЬ ВЫСОКИЙ, ТОНКИЙ,

С ПОЧТИ ВЕРТИКАЛЬНЫМИ «СТЕНАМИ» —

НАД

ОЧЕНЬ ОБШИРНЫМ, ОЧЕНЬ НИЗКИМ И

ОЧЕНЬ ПОЛОГИМ ОСНОВАНИЕМ.

И еще раз повторю: «смертельно радиационно-опасный чернобыль» — летом 1986 года, почти сразу после взрыва! — это были считанные квадратные километры у АЭС (от силы — десяток-другой км²).

Таковы следствия этого крутейшего, резчайшего обрывистого спадания высоких уровней радиации.

5. Дезактивация коренным образом меняла радиационный рельеф:

— Когда в самых загрязненных местах верхний слой земли снимали (и увозили в железных контейнерах на могильники), уровень стремительно падал: в теле радиационной горы образовывался провал почти до нулевого уровня [\[48\]](#). Поэтому на АЭС рядом со взорванным реактором, было много мест чище, чем на территориях более удаленных (например, в Рыжем Лесу), которые, казалось бы, должны быть менее радиационно-опасными.

— Почти все дороги были отмыты до уровня существенно более низкого, чем местность рядом с ними — обочины, кюветы, лесополосы, местность вокруг. Причем автомобили-поливалки мыли дороги постоянно, чтоб удалять с дорожного полотна новые радиоактивные вещества, наносимые с пылью из соседних участков недезактивированной местности и с грязью с колес проезжающей по ним техники [\[49\]](#).

Работы по снижению высоких уровней, то есть дезактивация, уменьшение количества радиоактивных веществ, были:

— с одной стороны, совершенно необходимы, чтоб «гора», оседая, не расползалась, не наползала (высокими уровнями) на соседние, более чистые участки и районы, и чтоб люди в эпицентре аварии могли работать безопасней и дольше, заниматься ликвидацией других опасных последствий взрыва реактора;

— я с другой стороны, возможны: площадь высоких уровней была все же такой, что с ее дезактивацией можно было — хоть и с колоссальным напряжением сил и средств — справиться.

6. На местности были еще случайные «радиационные возвышенности» — отдельные невысокие горки или маленькие пики.

«Возвышенности» эти могли занимать большие площади, измеряемые квадратными километрами, десятками их. Причем вне пределов 30-километровой зоны такие «плато-возвышенности» от прилегающей «равнины» отличали (максимум!) несколько миллирентген в час (как это было, например, в деревне Ковшиловка), а то так несколько десятых (село Бобер).

А рядом с АЭС могли быть и совсем микроскопические радиационные «пики», буквально «иглы» — мини-микропятнышки. Например, на пляже Пруда-охладителя, со стороны АЭС, наш новый дозиметрист опустил зонд над песком... Я уже привычно приготовился записать «100 мР/ч.», мы там всегда столько меряли... А он неожиданно — «400 миллирентген в час»!: наткнулся зондом на фрагментик реакторного топлива или графита, причем совершенно микроскопический, глазом неразличимый (как я в песок ни всматривался, так и не смог разглядеть). Причем хоть это и был кусочек невидимо-крошечный — но все же слишком тяжелый, чтобы далеко улететь. Поэтому такие «микро-пики» радиации могли быть только совсем недалеко от АЭС.

7. С течением времени уровни уменьшались:

— во-первых, из-за распада самих радиоактивных веществ,

— во-вторых, из-за их уноса «вглубь» (земли, водоемов) и «вширь» (на соседние участки) водой, ветром, живностью, деятельностью людей.

То есть вся эта радиационная гора естественным образом со временем проседала^[50]. В мае, например, гамма-уровни были в несколько раз выше, чем в середине лета: там, где мой приятель Сэм в Рыжем (тогда еще Желтом) Лесу нашел 50 рентген в час, через три месяца больше 20 Р/ч. не было.

Причем уменьшение уровней со временем подчиняется той же закономерности, что и уменьшение с расстоянием:

чем выше уровень — тем быстрее он уменьшается со временем.

Время выполняет «дезактивацию местности» медленнее людей, но зато куда обширнее: на *всех* загрязненных территориях. Так что сникает этот радиационный Эверест со временем: уменьшается его высота, тает, стягивается к центру основание...

Незрячие и слон, или Откуда ноги растут

Знания крайне важны.

Но сами знания — ничто: нужно понимание.

Слоган газеты «The Wall Street Journal»

Чего только не прочитаешь о радиационном загрязнении местности от чернобыля! Тут тебе и «пятна», и «полосы»...

И что любопытно — все это правда одновременно!

Но это такая правда — как в анекдоте про слепых и слона:

Эти «пятна-полосы» повышенной радиации — от АЭС, от пролома 4-го реактора — далеко.

И те, кто их мерял, не знали, что «полоса» — это не просто себе полоса, а часть чего-то большего: «радиационного отрога», или «отрожка» от него, или вытянутой автономной горки...

А «пятна», нетрудно догадаться, — это отдельные горки и горочки вне главных хребтов, отдельные выпадения из пролетавших мимо в первые дни (понятно, невидимых) «радиоактивных облаков». Например, микрочастички взорвавшегося реактора по воздуху ветром несло, а тут дождичек пошел и осадил их на землю. И уровень радиации на этой местности поднялся по сравнению с соседними...

...Короче, слон — это не совсем то, что нога, хвост и хобот.

Совсем не то, точнее.

Туловища ему не хватает — того места, «откуда ноги растут».

1 Р/ч.: Вкус радиации

Природа экономна в причинах и многообразна в следствиях.

Монтень

Как-то вечером, после ужина в лагере, делились мы впечатлениями от пребывания на 1 Р/ч. (это нижняя граница уровней, которые мы тогда считали «высокими»).

У Валеры — командира 2-го взвода — на 1 рентгене в час начинал болеть зуб, у него вообще были какие-то проблемы с зубами.

Сереза по своей основной — гражданской — специальности химик-синтетик, занимается металлоорганическими соединениями. Он на 1 Р/ч. начинал чувствовать металлический вкус во рту. Я долго голову ломал — почему? 1 Р/ч. — уровень явно маленький, чтоб радиолиз (разложение химсоединения на его составляющие под действием облучения) начался... И, с другой стороны, это сколько ж надо этой металлоорганики нахвататься, чтоб при этом вкус металла во рту почувствовать... Неправдоподобно... А что еще?... Я тогда просто не знал, что металлический привкус во рту — симптом неполадок печени, а уж ее-то, работая со своими металлоядами, Сереза точно подсадил: обычное дело среди химиков-синтетиков. И вот на 1 Р/ч. его подсаженная печенка начинала попискивать, не выдерживая еще и этой нагрузки...

Я тоже на 1 Р/ч. начинал чувствовать то, что считал слабым местом своего организма...

...Облучение — в тех дозах, с которыми мы тогда дело имели, — действует в первую очередь НА СЛАБОЕ ЗВЕНО ОРГАНИЗМА — и это для каждого человека индивидуально. И только при возрастании дозы возникают уже характерные «лучевые поражения», типа ОЛБ той же (острой лучевой болезни), про которую все поначалу только и говорили...

Эту простую, но далеко не очевидную вещь,

РАДИАЦИЯ ДЕЙСТВУЕТ

В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ

НА СЛАБОЕ ЗВЕНО

КАЖДОГО ОРГАНИЗМА

мы поняли в июле 1986 года, так сказать, «не отходя от кассы».

И нужны были годы, чтоб официальная медицина дошла... — доползла! доплелась... — до этого вывода. Собственная школа — очень чуткий научный инструмент...

Так что металлический, оказывается, вкус у радиации...

...Когда через год, точнее, на первую годовщину, 26 апреля 1987 года, мы наконец-то собрались в парке Артема в Харькове — все расселись на лавки у пустующей стекляшки-кафе (сразу пошло открывание водки, вспарывание консервов, нарезка хлеба на газете...) — а двое здоровых парней остались стоять, прислонились к стенке кафешки...

— Вы чо, садитесь! Садись Володь!

— Спасибо, не могу. Геморрой.

— Я тоже. Гастрит. Сидя больно.

А им уже протягивали наплесканную в стаканы водку — выпить за тех, у которых уже ничего не болит.

Конец сортира: «Предчувствия его не обманули»

Недавно — с удивлением — обнаружил: Книга — Воробьев А.И., Воробьев П.А. До и после Чернобыля: Взгляд врача. Москва: Издательство НЬЮ-ДИАМЕД, 1996. Цитирую:

Так что (*наукой установлено!*):

1) «адаптация к радиации» и «вкус радиации» (то есть жуткая срачка. и металлический привкус во рту, если без изысков) — это не фантазии ошалевших радиационных разведчиков, и

2) эти явления носили массовый характер.

Это наука знает. Жаль, не знает, что об этом сказать толком [\[52\]](#).

...Для экспериментатора особенно приятно, когда, невзирая на очевидное несовершенство эксперимента, использованных в нем приборов, недостаточную (а в данном случае просто *смешную*) статистику, результат

получаешь правильный... Приблизительно такое чувство я испытал, когда наткнулся на эти сведения.

«Предчувствия его не обманули»...

Законы Природы

Вот пишут:

«Зона — она загадочна,
опасна,
в ней нарушены законы природы...»

Не особо она «загадочна» для радиационной разведки... Я ее как большой колхоз представляю — но о-о-о-очень большой: толпы народа, бешеное количество работы, никудышная организация. Мизерный коэффициент полезного действия — процентов, наверное, 10... Как у паровоза.

Что «опасна» — безусловно. И не только из-за радиации, а и (о чем почему-то забывают или не думают вообще) за счет перенасыщенности тяжелой техникой и людьми, причем люди нервничают, делают грубые ошибки, перенагруженные работой, часто ненужной, откровенно дурацкой...

Но вот решительно не согласен я с тем, что «в ней нарушены законы природы». Потому что они в зоне не то что не нарушены — они, наоборот, ПРОЯВЛЕНЫ!

Небывало проявлены в зоне законы природы.

С такой прямоотой и беспощадностью и в таком небывало богатом ассортименте, что *Homo sapiens* (что, напомним, по-латыни вроде бы значит «человек разумный»), что этому «сапиенсу» от своего ума и всеисилия аж тошно стало.

Маман-Природа ему как бы говорит:

«Парнишка, не балуй! А то возомнил о себе... Не прекратишь — без тебя, дурака, обойдусь. Придумала на свою голову»...

...На то они и Законы Природы: их, в отличие от законов человеческих, нарушить в принципе нельзя.

Никому еще не удавалось нарушить закон всемирного тяготения. Или закон Ома. Или — радиоактивного распада.

Приспособить, использовать, учесть, скомпенсировать действие можно. Но не нарушить.

Такие вот у Природы ЗАКОНЫ.

Причем и те, которые нам (к счастью?) пока еще не явлены...

...Небывало обнажил Чернобыль Законы ПРИРОДЫ...

ΠΟΡΑ

Холодные злые зубья

Случалось, пилишь живое деревцо... Пилишь и знаешь: в любой момент можешь пере стать, и ничего ему не будет: заживет, зарастет...

А потом зубьями уже его глубже цепляешь, по сердцевине чиркаешь... Даром ему это уже не пройдет.

А потом чувствуешь — ВСЁ: даже если сейчас остановиться, ему уже не жить: сердцевина перепилена...

...С какого-то момента в чернобыле я начал себя чувствовать, как это самое деревцо.

Жокей и лошадь (Из интервью Игорю Померанцеву в передаче «Поверх барьеров», радио «Свобода», 25.09.98)

— Вы не начали там как-то острее, тоньше прислушиваться к собственному телу?

— В таких вот условиях отношение к своему телу... оно немножко отстраненное.

Вот есть как бы «Я», и вот как бы «МОЙ ОРГАНИЗМ».

И отношение к нему, как у хорошего наездника к своей лошади.

Когда можно, ты его побережешь, походишь, полелеешь...

Потому что когда *надо*, тут уже берешь от него все, что он может дать...

И буквально говоришь ему:

— Ну, не подведи, родимый... а то будет еще хуже!

Несть им числа, или Нас тьмы

Тьма — в старинном русском счете 10 тыс.; тьма тем — 100 тыс. В переносном значении тьма — неисчислимое множество.

Большая советская энциклопедия

Нас — тьмы, и тьмы, и тьмы.

Александр Блок

Едем как-то в зону на работу.

У дороги с обеих сторон — палаточные лагеря.

Против каждого — на столбике прибита сосновая доска в виде стрелы-указателя. Надписи: «Хозяйство Барсукова», «Хозяйство Иванова», «Хозяйство...», «Хозяйство...»

Чтоб время скоротать, задаем себе вопрос:

«Интересно, а сколько всего туг народу «Правительственное задание по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС» выполняет?»

Обычный труженик зоны на этот счет мог только догадки строить.

Не то — *разведка*! Мы эту задачку по арифметике щелкаем в три действия.

1) Сколько человек в батальоне?

В нашем батальоне разведки — 4 роты человек под 100, плюс взвод управления, плюс хозвзвод, штаб... 500?... 450? Берем 450. Остальные батальоны, судя по количеству народа на построении, числу палаток и прочим «демаскирующим признакам», приблизительно такие же. Считаем: все — по 450.

2) Сколько батальонов входят в состав нашей 25-й бригады химзащиты?

В лагере — наш разведбат, три БСО (батальона специальной обработки)... Припоминаем... Батальон ИСАПР (инженерно-... строительных?., саперных?., неважно... работ). И автомобилистов батальон. Всего — 6.

Умножаем: $450 \times 6 = 2700$.

Кроме того, есть еще: рота связи (ее палатки рядом с нашими, первые от трассы), рота или взвод спецсвязи (эти за штабом бригады стоят, на опушке, колючей проволокой огороженные и часовым охраняемые)... Потом все эти снабженцы-управленцы — ГСМ (горюче-смазочные материалы), продовольственное и вещевое довольствие, вооружение... И еще — хозрота. В общем — три тысячи человек в лагере наберется — с лихвой даже, скорей всего...

Считаем, что 3000 с чем-то человек — это лагерь одной бригады.

3) Сколько тут таких лагерей всего?

Это вопрос посложнее... Сколько тут всех этих «Хозяйств Барсукова», «Хозяйств Иванова» и прочих? А есть же еще лагеря поменьше — проезжаем мимо указателей: «Банно-прачечный отряд», «Днепропетровцы», «Пожарные»... Припоминаем другие трассы из зоны... Их всего три: кроме нашей, от

АЭС на юг, к Киеву, есть автотрасса на запад (через ПУСО «Диброва») и на север, в Белоруссию (ПУСО «Савичи»); на восток дороги нет — там Киевское водохранилище... Считаем несколько лагерей помельче как один лагерь бригадный... В итоге соглашаемся, что три десятка лагерей бригадных и, так сказать, «суммарно-бригадных» — цифра реалистичная.

Умножаем 3000 с лихвой на 30 и ахаем!

100 000!

СТО ТЫСЯЧ ЧЕЛОВЕК — сейчас, летом 1986 года, одномоментно в зоне на ликвидации последствий аварии работает!

Ни хрена себе...

Сто тысяч мужиков...

Контрольно-пропускной пункт «Дитятки» проехали.

Едем по зоне.

Таким количеством нулей разгоряченные, задаем себе логично-следующий вопрос:

«А сколько всего тружениковлопаты и дозиметра (а также записной книжки, баранки и телефонной трубки) через зону пройдут за весь 1986 год?»

Для решения этой «задачи повышенной трудности» (в школьных задачниках обозначались звездочкой, «для особо настырных») мы:

4) Оцениваем средний срок службы «живой силы» в зоне.

Тема любимая — *когда домой?*... Поэтому возникают сложности, среди членов экипажа есть разночтения... После оживленных дебатов (в ответ на несмелое предположение Петра «Два с половиной месяца?...» — Коля на миг бросает руль и показывает *дулю-кукиш* в сторону воображаемого начальства... Почему-то на северо-восток... Москва?... Штаб в Чернобыле?) — после продолжительных оживленных дебатов экипаж БРДМа № 80 единогласно решает:

«Средний срок службы в зоне принять равным месяцу-полутора».

5) Следовательно, за 1986 год, за 8 его месяцев с момента взрыва 26 апреля и до конца года, народ тут полностью сменится 8: 1,5 = 5 с хвостиком раз... А если делить на один месяц — то получится 8 смен... Но один месяц тут только счастливики служат... Сходимся на цифре 6. То есть:

6 (шесть) раз полностью сменится все 100 000 (сто тысяч) рабочего населения зоны за восемь месяцев первого календарного года аварии.

Действие б) — проще не бывает: $100\,000 \times 6 = \dots$

600 000.

ШЕСТЬСОТ ТЫСЯЧ.

600 000 людей — зона через себя только за 1986 год перекачает...

...НЕВЕРОЯТНО! Но наши ни на что не претендующие расчеты, «досужая игра свободных (до первого включения рентгенометра-радиометра ДП-5) умов», совпали с другими, авторитетными... — *оценками* же! Потому что даже светилам науки оказалось не под силу всю чернобыльскую трудящуюся рать счесть... Поэтому сейчас «принято считать»:

от 600 000 до 900 000 человек работало в чернобыльской зоне с 1986 по 1990 год.

(Значит, наша оценка была завышенной — мы шестьсот тысяч только за первый год чернобыля насчитали... Очень оптимистично — как сами скоро убедились — мы срок службы в чернобыле оценили... Хотелось в эти месяц-полтора верить. «Исследователи не были объективны», — неодобрительно скажут про нас суровые мужи и дамы науки.)

А точных цифр ликвидаторов и сейчас нет: «приблизительно 600 000», «более чем 600 000 за 4-летний период с 1986-го до 1990-й», «более 800 000», «600 000–900 000»...

Большее доверие вызывают частичные оценки: 200 тысяч ликвидаторов — *только в Российской Федерации*;

340 тысяч — *только военных* (из этих «военных», кстати, основная, абсолютно преобладающая масса — 93 %, 316 тысяч человек — это «военные по совместительству» — гражданские люди: такие ж, как я и мои чернобыльские друзья, «партизаны», призванные из запаса; кадровых же военных всего лишь 7 %).

600 000... 800 000... 900 000...

200 000... 340 000...

Это фантастически огромные количества работающих на ликвидации аварии людей.

Это даже не армия: сухопутная армия, по советским стандартам, насчитывает что-то около ста тысяч человек.

Это- *армии*.

Армии труда на зараженной радиацией местности. Фантастические массой своей «живой силы» настолько, что даже ученые, которым, напомним, по должности положено быть сдержанными, беспристрастными, эмоций не проявлять и пр., сбиваются на слот почти летописный:

«Никогда до этого столь огромные количества работающих людей не подвергались воздействию радиации»...[\[53\]](#)

Несть нам числа...

Что, напомним, на летописном нашем праславянском языке могло означать и *число огромно*, и — *число неизвестно*...

Былинный был язык.

Как и времена.

Просто удивительно, как он точно к Чернобылю подошел.

Очень просто, или Все большие исторические события

Принимаешь участие в «ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС»...

Каждый день сам этим занимаешься и по роду своей разведывательно-ликвидаторской деятельности каждый день видишь, КАКИЕ МАССЫ ЛЮДЕЙ и КАК этим занимаются.

А в газете (когда она попадетсЯ тебе в руки) читаешь — ВСЕ ВЕЛИЧАВО: «отборные добровольцы», «самая передовая в мире техника», «невиданные технологии» — все в таком духе...

И.по контрасту, что ли? — в голове само собой чеканится:

«На самом деле все делают простые люди простыми способами при помощи простых средств».

ПРОСТЫЕ ЛЮДИ

ПРОСТЫМИ СПОСОБАМИ

ПРИ ПОМОЩИ ПРОСТЫХ СРЕДСТВ

На самом деле -

все очень

очень

ПРОСТО.

Отрубленный язык

Кому война — а кому мать родна.

Старинная пословица

Любопытную историю поведала мне старая карта, которую я обнаружил среди барахла, коротая время в разведотделе в ожидании начальства. Дело было в главном военном штабе зоны, именуемом ОГ МО СССР (Оперативная группа Министерства обороны СССР), — мы на него работали.

На карте были нанесены контуры зон.

Поясняю: внутри того, что называли зоной *outsider'ы* (люди извне, со стороны), были еще выделены зоны — числом три, — очень важные для *insider'ов* (тех, кто внутри).

Зоны разных степеней радиационной опасности.

Границы этих зон проводились по уровням радиации.

На обычных картах точки одинаковой высоты над уровнем моря соединены «линиями одинаковой высоты» — горизонталями. А на картах радиационной обстановки на обычную карту наносятся точки и надписываются уровни радиации в них, а потом точки с одинаковыми уровнями соединяются линиями. Получается радиационный рельеф. Понятно, что вершина — пик, Джомолунгма этого дела — проломленный 4-й реактор. И этот экс-реактор, как настоящую гору на обычной карте, радиационные изолинии (*изорады*) окольцовывают, показывая снижение уровня с разной скоростью в разных направлениях, но в общем и целом — чем дальше, тем меньше.

Так вот, граница 3-й зоны — это линия с уровнем радиации 15 мР/ч.

Граница 2-й зоны — 5 мР/ч.

1-й — 1,5 мР/ч.

Понятно, что ядро зоны — это 3-я зона, сравнительно небольшая, а 2-я и 1-я зоны — все дальше и дальше к периферии.

И вот на карте я увидел, как граница 2-й зоны — 5 миллирентген в час — плавно-плавно тянулась... а потом вдруг хищно бросилась вперед и коварным языком поглотила Чернобыль во 2-ю зону. После чего отступила и тихо-мирно-плавно пошла себе дальше.

И этот язык был красным карандашом жирно перечеркнут, и им же отсечен по основанию: жирная красная линия зло и прямо соединила те места, откуда этот язык начинал выступать к Чернобылю...

А мы знали, что в самом Чернобыле, на ближайшей к АЭС окраине — на нашей стоянке — было 3 мР/ч.; а центральные улицы и тротуары вообще были отмыты так, что и у нас в лагере, за 35 километров от АЭС, наверно, больше было — до нескольких 0,1 мР/ч...

Короче, 5 миллирентген в час в Чернобыле и в помине не было, в радиационном отношении мы считали его курортом...

...И я представил себе, какой накал страстей сначала породил этот язык, а потом его обрубил...

Потому что он был явлением не радиационным, а общественным.

Экономическим.

Зоны разных уровней радиационной опасности — они же *зоны разных уровней оплаты*.

За работу в каждой из пронумерованных зон или просто за пребывание в ней, хоть ты туда на минуточку заехал, привез своему начальничку забытую им зажигалочку (и не забыл мимоходом подписать у него бумажечку, что ты в этот день *пребывал* в N-й зоне), платили дополнительно средние дневные заработки: за 3-ю зону — плюс три, за 2-ю — плюс два, за 1-ю — один...

И вот «чернобыльские работники» (т. е. работающие в самом Чернобыле — столице зоны), включая правительственную комиссию, сам штаб Министерства обороны и все остальные штабы министерств и прочих ведомств, а также всех, кто их посещал-проверял, конечно ж, были заинтересованы, чтоб за *пребывание* в экс-населенном пункте Чернобыль получать дополнительно +2 (а не +1) средних дневных заработка.

Ну и нагинали разведку, чтоб они липовую обстановку в районе Чернобыля на картах показывали — разведотдельские-то данные были истиной в последней инстанции...

Скорей всего, в мае в Чернобыле и было больше 5 мР/ч., а потом уровни уменьшались (то есть количество радиоактивного вещества, первоначально упавшего на землю, со временем уменьшалось: происходил его естественный распад (постепенный переход в нерадиоактивное вещество), плюс разнос на все стороны — воздухом, водой, в землю), и линия 5 мР/ч. стягивалась, отступала к АЭС... То есть уровни понижались.

Везде, кроме города Чернобыль.

И когда это уже ну совсем ни в какие ворота не лезло, красный карандаш это блядство пресек.

Отрубив на корню этот язык.

Радиационно-аномальный, а экономически же очень даже закономерный.

...Наверно, это был единственный в те времена случай, чтоб уровни радиации официально ЗАВЫШАЛИСЬ.

Для себя старались...

Ночь (Из повести «Хуже радиации»)

...обязанности офицера, производящие такое огромное впечатление на неопытные умы благодаря внешнему блеску и различным ритуалам, в сущности очень сухое и отвлеченное занятие, основанное главным образом на арифметических комбинациях, которые требуют огромного внимания и спокойной и рассудительной головы для своего успешного выполнения.

Вальтер Скотт. Уэверли. Собр. соч. в 8 т. Т. 1.

Москва: Правда; 1990. С. 82.

Чернота ночи за квадратами окошек. Белые ярко освещенные стены длинной палатки-барака — ленинской комнаты батальона. Холодно.

В углу на столе, на красной материи — гипсовый бюст Ленина; в другом — телевизор: серый потухший экран. Между ними, в центре — фанерная трибунка, на ней наклеен раскрашенный герб СССР.

Передо мной на обтянутом полиэтиленом столе — бухгалтерская книга. Надписана черным, четким инженерным почерком.

Я зеваю, потягиваюсь, потираю руки...

Пытаюсь как-то взбодриться, стряхнуть с себя помятость, закуриваю...

...Вначале подбить дозы. Потом список фонистов^[54]: фамилии, дозы. Исходя из набранной дозы, знания маршрутов, исправности броников — черновик приказа на разведку: маршрут — фамилии — броник. Переписать начисто в книгу нарядов: фамилии — номер броника. Туда же — работу на АЭС и на зараженной технике. Результат — списки, разложенные по дням пачечки учтенных донесений, приказ на разведку: машины — люди — маршруты...

Я лезу в разверстую полевую сумку, лежащую под боком, и достаю из нее отдельные сложенные и смятые листки и листочки, их пачки и пачечки... Валера и Женя — два взводных командира нашей роты, поочередно отрываясь от нард, протягивают мне свои пачки.

Улечься б поспать... Хорошо рядовым — дрыхнут без задних ног. А завтра попробуй им доз не прочитай — даже не знаю, что будет, третий день подряд обещаю — «завтра»...

Гора смятых бумажек на обтянутом полиэтиленом столе.

Вторая операция — сортировка. Разворачиваю первую бумажку.

Это за сегодня...

Сегодняшнее.

04.08... Сегодняшнее.

Сегодняшнее. Вчерашнее. Позавчерашнее. Сегодняшнее...

Дата — получил — раскладываю... Ворох тает, растекаясь на три кучки поменьше и еще одно — в стороне, позапозавчерашнее.

01.08... Ох, это аж позапозавчерашнее — склеротики! Вечно сдавать забывают! Надо его сразу в журнал занести...

Это еще не работа — разминка. А впереди ее еще столько — аж подташнивает...

Теперь мне надо из каждого дня выловить тех, кто выезжал по нескольким маршрутам, потом собрать по всем донесениям суммарную дозу каждого такого кадра и внести ее в журнал, там исправлять нельзя... Нужно запомнить, как сочетаются в тройки-экипажи — больше чем полусотни фамилий разведки — десятки листков и листочков каждый день...

Ну, вперед!

Берусь за стопу донесений...

Первое... Фамилия. Фамилия. Фамилия. Следующее...

Следующее...

Следующее...

Час ночи. Скрипят ручки.

Следующее...

Пытаюсь прикинуть, сколько еще работы. Не, таким темпом до утра не успеть... Надо браться за разведку, не покончив с дозами.

«Валер...»

«Валер, бери старый список разведки из книги нарядов. Ничего менять не будем, фонистов только позаменяем. Ты оставляй пока дырки. Может, ночью пополнение привезут...» — «Вряд ли. Если до полуночи не привезли — значит, не раньше утра» — «А может...»

Старшина: «Завтра наша рота в наряде по батальону».

Ох... А еще и строительство: вместо летних палаток — их снимают, и все барахло людей остается под открытым небом — ставят утепленные зимние... Кто ж в разведку поедет?

Раскрываю журнал доз роты: желто-серая шершавая бумага с нечетко пропечатанной сеткой таблицы. Нить тонкая, как дратва, и такая же прочная, дважды пропущена у корешка через все листы: журнал доз, как и положено секретному документу, прошнурован и опечатан.

Последний список нашей роты растянулся на много страниц, вместо сотни в нем под пару сот фамилий, и наверно, больше двух третей уже нет: строки цифр кончаются записью «Выбыл — дата. Приказ №» — и жирной чертой до обреза листа. А на последних страницах доз считай что нет, одни фамилии молодых — и чистое-чистое поле: служить им — не переслужить...

Это поле мне надо вспахать своей ручкой, плотно засеяв черными семечками доз...

Надписываю три последних колонки: позавчера, вчера, сегодня...

Перехожу к вороху. Бригада с АЭС. Начинаю всегда с нее. Им писать — одно удовольствие: всем одна и та же крупная круглая доза, не нужно по бумажкам рыться...

Фамилия в донесении — доза заработанная — плюс 0,2 за дорогу — доза суммарная — долги? — нет — доза старая из журнала — плюс — доза новая в журнале. Одна клеточка заполнена. Следующая фамилия — та же доза за сегодня — плюс старая из журнала — готово. А долги? — нет. Следующий...

«Валер, дай книгу нарядов на минутку».

Зараженная техника — смотрю, кто позавчера работал на ней. То есть ремонтировал броники в парке... Зампотех нашей роты, несколько водителей и замполит. Зараженной технике — всем по 0,5.

Ну а теперь — дозы разведки... Самое тяжелое. Квадратные метры разложенных, распростертых донесений нужно переписать в колонку точных цифр. «Фамилия?» — «Надо посчитать...»

По мышцам, суставам, затылку вязкой массой ползет усталость — часы и сутки недосыпа...

Валера: «Кого на Пруд-охладитель поставить?»

Кого ж туда поставить?...

Разминаю деревенеющие мышцы. Покручиваю спиной, повожу плечами — аж хрустит...

Фамилия. Доза.

«Пиши туда пока этого фониста. 23,2 — это значит, ему еще можно 1,75. Пометь это против фамилии в черновике. И завтра на построении не забыть предупредить, чтоб больше не привозил».

Валера спрашивает опять. Еще одна дыра в завтрашней разведке. Некого ставить.

Ночь — можно почти не опасаться, что начальство припрется, и мы курим почти непрерывно, стряхивая пепел на пол земляной и сапогом растирая, чтоб было не видно — ленкомната все ж...

Кого ж туда воткнуть?

...Хорошо, что вся разведка, где б мы ни ездили, идет как 3-я зона. Иначе б я забодался разбираться — раз в декаду надо писать списки на оплату на всю роту, с выбывшими и молодыми: фамилии, номера зон, даты выездов в них... Сотни полторы фамилий — да за десять дней...

...а это ж еще предстоит...

...когда эти списки делать?... Уже нельзя тянуть... Или еще можно?

...шея от усталости аж скрипит — из бумаги в бумагу...

...а если лечь поспать? В палатку, там тепло, надышали; одеяло, сверху бушлат, скрутиться... А утром до подъема встать и доделать...

...сколько там уже до того подъема осталось...

Следующее — вел разведку — получил — фамилия, фамилия...

Перелопачиваю последнюю кучу. Спать хочется, затылок ноет...

Мысленно разбиваю работу на куски. Свирепею — фрагментируя, кроша ее, по кусочкам переплавляю — *в сделанное*...

Каждая строка доз — рубеж.

Каждый сочиненный экипаж — как выдох.

Один, еще один...

...сложить бы руки на уютный полиэтилен стола — и спать, спать...

До чего ж медленно идет работа, хоть себя и подгоняешь... И хоть все отделение управления роты на помощь пригони, все равно толку никакого, работать будет один, одна голова... Процессор...

Сигареты, взбадривавшие поначалу, исхлестали, сосущая, гложущая, злая усталость угнездилась по всему телу, выжимать из себя новые и новые порции работы — куришь почти непрерывно...

Сюда б микроЭВМ^[55], хотя б такую дрянненькую, как у меня на работе... А ее б хватило? Хватило, тут объем s памяти небольшой...

...Вводишь только числа, дальше все — компьютер: суммирует — за день, всего; лишнее — в долги; сортирует — по дозе, по сроку, по алфавиту — как пожелаешь; любые списки, справки — сама распечатывает; список фонистов, подсчитывает выезды, напоминания, и все — без ошибок...

А я б в это время спал как человек.

СПАТЬ. Завтра с утра доделаю.

Еще немного. Хотя б за вчера все дозы подбить.

Ручка продолжает рассеивать дозы: фамилия — нужная клетка, в верхний левый угол — доза за день, косая черта, нижний правый треугольник — доза суммарная...

В глазах режет — как песку насыпало, пальцы онемело сжимают потускневшую резинку...

«Фамилия?» — «Глухой фонист»...

Помятость переходит в сжатость, жесткость, и эта сухая наполненность автомата делает тобой работу, и ты — как вол в борозде — тянешь — и тянешь — и тянешь — и тянешь — тянешь — вперед — без чувств — мысли — бесконечно...

Тишина. Только ручки скрипят.

Фамилия — доза, фамилия — доза... Фамилия — Можно — Фамилия — Не больше 1,4 — фамилия — доза — фамилия — фонист — фамилия...

Мы перебираем, налаживаем, снаряжаем механизм роты радиационной разведки, которой завтра махать лопатой на АЭС, строить лагерь, заступать в патруль ВАИ, чистить картошку, малевать стенгазету, выкладывать из битого кирпича звездочку перед палатками — 4-я рота сделала, и теперь все должны — единообразие! И, промежду прочим, делать то, ради чего повестками военных комиссариатов «Приказываю Вам такого-то числа-месяца 1986 года к столько-то часам явиться для убытия на учебные сборы сроком... При себе иметь...» выдернули не спрашивая — вести радиационную разведку... То есть каждодневно привозить из очага поражения колонки цифр, от которых зависит, где и как будут мыть, выселять, рубить лес, рыть, бурить, городить, строить — и платить за это людям. И посылать опять новые экипажи...

Формула зоны

В зоне можно находиться, но нельзя жить.

*Из рабочего блокнота командира взвода
радиационной разведки*

Жить нельзя — работать можно!

так думаешь поначалу, захваченный молодецким азартом: работа спорится, каждый день узнаешь что-то новое, делаешь нужное, важное и оказавшееся тебе по плечу дело...

Нет жизни — нет и работы...

Всего лишь через пару десятков дней всеми своими потрохами, до костей ощущаешь, как катастрофически, сказочно быстро съедает зона энергию, силы, желания человека...

З-О-Н-А

Яйца

Я бегаю-прыгаю, мечусь по лагерю как угорелый — «Где ротный?» Срочно нужен командир нашей роты, чтоб решить срочные вопросы, которые командир взвода-я — решать со старшим начальством без него просто не может... «Где ротный? Где ротный?» — никто не знает, у кого ни спрошу — а спрашиваю я у всех — и из нашей роты, и офицеров из соседних рот... Все сами как ошпаренные — ЗАВТРА КУЧА ГЕНЕРАЛОВ ПРИЕЗЖАЕТ! Причем не мелкая генеральская сошка, а уровня заместителя командующего Киевским военным округом: Переходное Красное Знамя лучшей части округа вручать (оно и так в нашей бригаде с мая месяца постоянно, и эта процедура «перевручения» ежемесячно повторяется... Угрозило служить в героической части!). И сейчас нужно срочно решать миллион вопросов, которые стоят перед нашей ротой, а она, как назло, среди лучших, ей выпел будут вручать... Я второй день в разведку не езжу. «Какая на хрен разведка! Командующий округом приезжает! В лагере работы по горло!» — так мне мое батальонное начальство доходчиво ситуацию разъяснило... Да где ж ротный???

— Ротный? Ротный яйца собирает.

У меня — глаза на лоб:

— Какие на хрен яйца??! *Какие яйца??!*

— Какие яйца? Обыкновенные. Кажется, куриные. Я не заметил.

У замполита — перед этим он, как и я, искал ротного как угорелый, — у замполита отрешенные глаза человека, внутреннему взору которого открылось *что-то*.

И я, словно предчувствуя какой-то «момент истины», сам неожиданно успокаиваюсь и говорю:

— Поподробней, пожалуйста.

— Я ж говорю — яйца собирает, — терпеливо объясняет замполит. — В штабе батальона. Я сам приторчал, — добавляет он уже более «личным», оттаивающим голосом.

Говорит он это мне уже в спину — як штабной палатке иду.

И нахожу там командира нашей 1-й РРР — 1-й роты радиационной разведки. Под стенкой мирно сидящего за длинным столом. *Играющего*. В детскую такую электронную игрушку, с жидкокристаллическим дисплеем:

С двух сосен — с разных их веток, на разной высоте — скатываются яйца — и падают вниз; «Волк-из-мультфильма» (персонаж) внизу их должен ловить — подставлять кошелку, поворачиваясь то в одну, то в другую сторону. Не успел — яйцо падает наземь — разбивается: скорлупки, желтки растекаются... Жалко. Чем лучше играет игрок, тем быстрее — почти как лавина — avalanche! — с разных ветвей разных сосен — ссыпаются — буквально ручьями текут! — яйца... Только успевай вертеться, Волк!

И перестал существовать мир для командира 1-й РРР — и мир, и начальство, и пролом 4-го, и родная вверенная ему рота, он весь был там, в этой маленькой детской игрушке, в ловле яиц, и бешено двигались его толстые пальцы по кнопкам, и все естество его рвалось к виртуозности... в ловле яиц.

А я стоял у торца стола, за край его руками ухватясь, не в силах взгляд от этого неистово-страстного зрелища оторвать, и молчал.

И одна только мысль в моей голове (а глаза замороженно смотрели):

«Сережа, на хрена тебе это нужно? Ты что, командир роты? За роту отвечаешь? Все вы — ты, замполит, Валера, старшина — бегают как бобики, пупы рвете и на разведке и в лагере — день и ночь — а ротный нашел вас, дураков — и в ус себе не дует? Ты кто? Ты — командир взвода. Вот за взвод и отвечай — за тех 6 экипажей машин, что в нем, — чтоб люди были накормлены, а машины исправны и к разведке готовы; людей 20, машин 6... И все. А организация разведки роты, и книга приказов роты, и журнал доз роты, и списки на оплату выездов роты, и объезды ПУСО ротой — когда ты роту из зоны выводешь, свою задницу для военной прокуратуры подставляешь (и везение твое — оно ж может когда-то кончиться!) — и все остальное-прочее — без счету, конца и края — что постепенно-постепенно на тебя понаваливалось — и что ты все тянешь как само собой, — это все не твое собачье дело! *На хрена тебе это нужно?!*»

...Время разбрасывать камни — и время собирать яйца...

...Командир 1-й роты радиационной разведки упражняется в ловле игрушечных яиц...

...Я стою у стола, держась за его торец руками...

...Завтра в лагерь приезжают генералы...

Я и mon general

Ну ладно, я пошутил: какой там генерал!

Капитан.

Mon capitaine.

Я и мой капитан. Мой непосредственный (по-военному он называется — «прямой») — во-от такой вот мой «прямой» начальник. Мой командир роты (сокращенно — «ротный»).

Он — ротный, а я — взводный: командир 1-го взвода, одного из трех вверенной ему 1-й роты батальона радиационной разведки.

...Мы с ротным пришли в один день. Точнее, приехали. Вместе, в одной колонне.

Колонна была маленькая, из трех крытых больших военных грузовиков, и везла пополнение из Белой Церкви (город Белая Церковь Киевской области), из пересыльного пункта — в лагерь. Ротный — в офицерской форме (она казалась нарядной по сравнению с нашими солдатскими робами) ехал старшим машины в кабине рядом с водителем. А я — в кузове, на лавке в ряд с такими ж, как и я сам, «партизанами» — офицерами — и солдатами из запаса, — глядя на уходящую из-под заднего борта машины шинельную ленту шоссе... На села по обочинам в фиолетовом украинском надвечерье: люди на лавочках смотрят вслед машинам, на нас, глядящих на них из-под брезента, как из полумрака пещер... Сколько они таких крытых колонн перевидели? Все ближе и ближе к зоне...

Именно там, на остановках, во время трепа — перекуров-пере(пардон)счиков — я с ротным и познакомился. Потом оказалось — мы в одну в/ч — воинскую часть — направляемся. Уже с интересом друг на друга взглянули.

А в в/ч — таковой оказался батальон радиационной разведки — мы попали в одну — 1-ю — роту: он — ротным, а я — взводным.

Mon capitaine был среднего роста, какой-то грузноватый... я б даже сказал, «кругловатый». И лицо у него было большое и круглое. Губы тоже большие, причем не по-негритянски, а по-простецки, грубо как-то большие. И очень круглые большие (кажется, карие) глаза — глаза удивленного ребенка. Ребенка все время что-то недопонимающего и все время как бы немного в себе. И фамилия круглая, грузная, простецкая — Воннов (не Воинов, я подчеркиваю, а Воннов).

Немного он весь был какой-то неопрятный.

Форму свою красивую он снял и в пластиковом мешке — «До дембеля!» — под потолком палатки за деревянный брус-поперечину подвесил. А новую форму, которую ему тут выдали (куртка и штаны ВСО — «Военно-строительный отряд»; она мне тюремную робу чем-то напоминала; очень, кстати, удобная, практичная), — он ее так и не обжил. Заносить — заносил, а не обжил.

«На нем и штаны сидят, как на покойнике», — где-то было сказано в записных книжках Салтыкова-Щедрина. Что-то в этом роде.

Был он танкист, технарь; майором становиться не хотел, а хотел остаться капитаном — выйти поскорей на пенсию (как капитану ему срок уже через два года) и стать техником по ремонту телевизоров. Таково было его хобби и настоящее призвание.

Он был флегматик, а флегматики — плохие командиры. Он и был плохим командиром... даже не то что плохим — никаким.

Ну вот — картинка — восстанавливаю эпизод по записной книжке (и чтоб вы, кстати, поняли, каких он дураков в нашем лице нашел):

И хозяин никакой: отдал командиру 2-й роты (этот был из себя весь такой «карьерный военный»: подтянутый, ходит прямо, вроде у него слива в жопе торчит, свою роту школил — смотреть больно было! — они по струнке у него ходили, бедняги) — 2-й роте отдал два наших маршрута — Припять — Янов и Канал — Ладыжичи. Отдал... Я просто озверел, когда из разведки приехал и узнал: «Какого ... вы их ему отдали?» — «А он попросил. Завтра съездишь с ним, покажешь».

Я про себя только выматерился. А что я могу? Не я ж командир... Маршруты эти были легкими, «рекреационными»: в Припяти (городе, не реке... даже не в городе, а вокруг: мы в Припять не заезжали, ее к тому времени уже колючкой[\[56\]](#) огородили) — не больше пары сот миллирентген в час, Канал — там и 30 мР/ч. нет, а на маршруте Ладыжичи самая высокая точка (если в маршрут включить и дорогу к нему) была на нашей «штатной» стоянке на окраине Чернобыля у Сельхозтехники — 3 мР/ч. (село Ладыжичи колебалось на уровне около 0,7 миллирентгена в час — границы отселения; и хоть село и отселили давно, нас туда каждый день посылали мерять его, «мониторить»). То есть оба маршрута по уровням — курортные. Писали там, конечно ж, меньше, чем за Рыжий Лес: за Рыжий Лес, скажем, 1,5 рентгена, а за эти — 0,5. Так в Рыжем Лесу ты эти 1,5 рентгена, скорей всего, получишь (а кое-где так наверняка получишь), а на этих маршрутах — точно нет. Они как отдых. Точнее — передышка. Не все ж время экипажам вокруг АЭС колесить. И хорошо, что опытный экипаж под рукой, в разведке: в случае чего-то непредвиденного (новый маршрут, экстренное задание...) есть кем дырку заткнуть... И ребятам так лучше: лучше ж по маршруту проехаться — развлечься — и рентген и выезд подзаработать, чем в лагере сидеть: там тебя по жаре сто раз на всяких работах замордуют, а рентген — аж ноль-целых-хрен-десятых напишут (0,02 Р — 20 миллирентген — если точно: такой тогда лагерный фон за сутки был... считался; на самом деле было еще меньше, его, наверно, с мая забыли «переоценить» — настолько *вопрос дозы на лагерном уровне* никого не волновал)... И вот эти маршруты ротный отдал. И еще вози их, показывай...

Наши койки стояли рядом, пока мы в обычных армейских палатках — на отделение (десять человек) — жили.

И я видел, как он просыпался.

Первое движение — рукой, еще не открывая глаз — к тумбочке (на ней сверху у него пачка сигарет и спички заготовлены) — и сразу закуривает... Большие детские глаза блестят в потолок... И только после второй затяжки он обретал свое, так сказать, командирское «Я» и начинал командовать. Для начала — мной (а я за ним наблюдаю в это время из-под прикрытых век): «Командир, вставай!» Ну, и дальше по порядку: «Старшина, подымай роту!» Трудно ему было встать первым.

И вот в эти моменты, от пробуждения до второй затяжки, я его по-человечески жалел... (А мне эти две затяжки-заменяла пара крепких ругательств — безадресно, так, в пространство... Я до завтрака старался не курить. «Здоровый образ жизни»...)

Что хорошо было — что был он беззлобный.

Но, опять же, по-детски беззлобный: детишки и кошку до смерти замордуют — просто из любопытства, и старушку до инфаркта доведут — по непониманию... Но без злобы. Так, «в порядке жизнедеятельности»...

Потому-то я и насторожился так, когда когда-то, когда мы обсуждали перспективы «ухода отсюда» (очень животрепещущая лагерная тема...) — у кого какая доза, кто быстрее ее набирает, кто медленно, и как будут писать дозы дальше — по сколько за разведку, по сколько за АЭС, и сколько будут разрешать писать в день — у кого какие шансы — с учетом уже набранного и прогнозов на будущее... — ротный в ответ на чьи-то слова, что я «хорошо иду, быстро дозу набираю», — сказал каким-то директивным тоном — и этим тоном как будто объявил гонку — причем такую, в исходе которой он был уверен заранее: «Ну ты-то, Мирный, уйдешь после меня»...

Это мне за все хорошее, так сказать... Настоящий заботливый командир, что говорить: «Слуга царю, отец солдатам»... (То есть этой удивительной — для меня просто-таки удивительной! — заботливости кадровых офицеров прежде всего о себе, о своем благополучии — он все-таки в армии научился.)

И эта оброненная им полушутя, в приятельском разговорчике, мимоходом, беззаботно фраза запала мне в душу.

Потому что я не сомневался — он сказал то, что думал.

И это мне сильно не понравилось. Потому что я совсем не хотел ждать, когда капитан Воннов получит свои 25 рентген и доблестно уйдет. В лучшем случае дав мне уйти вместе с собой в порядке о-о-огромного одолжения... милости даже... А в худшем — оставив разбираться с новым начальником, чтоб я вместо него дела за роту передавал... Очень не хотел я зависеть в этом вопросе от милостей капитана Воннова. Ревниво он как-то относился, кто из нас раньше уйдет...

«Ты уйдешь после меня»

Так началась наша невидимая (и не острая, а, я б сказал, «хроническая») гонка...

Где на его стороне были... были преимущества. Чуть не сказал — «все». Не все.

Я в Чернобыле яиц не собирал.

«Боевой выезд»

Нач. разведотдела:

— Какие эти гражданские трусы, только договариваются и никогда к АЭС не ездят...

А в это время мы, гражданские (только в военную форму переодетые), которые доставляют им («военным военным») данные с маршрутов, стоим тут же.

*Из рабочего блокнота командира взвода
радиационной разведки*

Рапорт об этом «событии» никогда написан не был. Хотя доложить об этом происшествии, пусть незначительном, но подрывающем самые устои армии, обязаны были по крайней мере двое из присутствовавших офицеров.

Посторонний же написал бы об этом приблизительно такой рапорт:

Начальник отдела радиационной разведки (далее — «отдела РР») Оперативной группы Министерства обороны СССР подполковник Б. получил от Правительственной комиссии срочное задание и для его выполнения отбыл из расположения штаба ОГ МО СССР вместе с командиром 1-й роты РР капитаном Вонновым и командиром 1-го взвода РР лейтенантом Мирным на стоянку машин РРР.

При появлении офицеров бойцы роты поднялись и построились перед рядом БРДМов в шеренгу по три (впереди командир, за ним в затылок дозиметрист и водитель экипажа). На приветствие подполковника строй дружно гаркнул: «Здравья...! жая...! тарщ...! ...ковник!»

Начальник разведотдела подполковник Б. впервые столкнулся лицом к лицу со своим разведвоинством — тремя с чем-то десятками мужчин 25–45 лет в разношерстной бэушной[57] форме — и начал лично распределять экипажи по маршрутам разведки, сопровождая приказание каждому экипажу энергичным указующим взмахом руки.

Из строя личного состава РР раздались возгласы возражения и неудовлетворения. Игнорируя их, подполковник продолжал отдавать команды экипажам. Командир роты РР капитан Воннов, стоящий позади подполковника Б., на его действия никак не реагировал. Так же как и на отчаянные взгляды командира 1-го взвода РР лейтенанта Мирного, пытавшегося его побудить к прекращению действий подполковника.

Из строя в сторону подполковника зазвучали новые, более громкие возражения. Экипажи бурно выражали свое несогласие с тем, что их посылают на маршруты, которых они не знают. Отдельные выкрики из строя перешли в общий ропот.

Командир роты капитан Воннов попытался пресечь нарушения воинской дисциплины обеспокоенными окриками. Безрезультатно.

Действия начальника отдела радиационной разведки Оперативной группы Министерства обороны СССР подполковника Б. были прекращены командиром 1-го взвода радиационной разведки Мирным.

Нарушая воинский Устав, лейтенант Мирный, стоявший ранее позади подполковника Б., подошел к последнему, и, негромко сказав ему:

— Извините, товарищ подполковник, но здесь команду я, — отменил приказ вышестоящего начальника.

После чего лично распределил экипажи разведки по маршрутам, сверяясь с блокнотом, вынутым из своей полевой сумки. Приказания командира взвода лейтенанта Мирного были выполнены беспрекословно. Подполковник Б. и капитан Воннов в действия лейтенанта Мирного не вмешивались.

Подполковник Б. лично отбыл в разведку с экипажем БРДМа № 82.

В тот день я вернулся из разведки одним из последних.

На стоянке ребята с 82-го БРДМа как раз делились впечатлениями:

— На разведке подполковник — из броника ни шагу! Внутрь втиснулся — через триплексы высматривает, где мерять... А назад приехали, он на стоянке — двумя пальчиками! — респиратор свой, «лепесточек» беленький — снял — и на вытянутых руках — выбросил! И бегом умчался менять ботинки и обмундирование — обмываться... Еще б — БОЕВОЙ ВЫЕЗД СДЕЛАЛ!

Как капитан Бычков и Евгений Петрович в первый раз встретились

М. Е. Салтыкову-Щедрину

и Е. П. Олейниченко

Идет по лагерю ветеран.

Ветеран лагеря.

Ветеран радиационной разведки.

Ветеран 1-й роты, командир 3-го взвода старший лейтенант... все зовут его по имени-отчеству: Евгений Петрович.

Можно сказать, бывший командир взвода радиационной разведки: не ездит он уже на разведку.

Нельзя ему.

Усталое лицо у ветерана. Крупные черты, на солнце и ветрах потемневшие, складками прорезаны: и до чернобыля прожил человек непростую трудовую жизнь: 40 с чем-то лет старшему лейтенанту запаса, отцу двоих дочерей и сына, старшему мастеру цеха Евгению Петровичу...

Видит Евгений Петрович лагерь — все тот же с конца мая (а уже июль, конец июля) — одно и то же видит... Люди только, их лица мелькают...

Чем только он тут не занимался! И маршруты разведки прокладывал, и на крыше 3-го блока лопатой махал, и под АЭС бригады водил, и сам десятки рентген в Лесу мерял, и на АБК, административно-бытовом комплексе, с дозиметром сидел, и... Мало таких мест в зоне, где б не работал Евгений Петрович.

И нет ни одного места в зоне, где б он мог еще работать: почти 25 рентген у него; недобрал он всего ничего — и посадили его на фон, перестали в зону выпускать... А рапорт о замене себе он, как и все порядочные люди, за делами подал поздно...

И нет уже и в лагере ни одного места, где б он не работал: и журнал учета доз роты вел, и приказы писал, и старшим патруля ВАИ, военной автоинспекции, был, и дежурным по техническому парку, и замдежурного по батальону, и дежурным по батальону, и ..., и...

И все уже здесь перевидал Евгений Петрович.

И все уже здесь ему осточертело.

Ни на что уже смотреть не хочется... Не может...

Выработался человек.

Полностью.

До потери инстинкта самосохранения.

И только загадочная жизнь уже малоподвластного ему тела да смутная, ноющая, как боль, тяга *домой* — надежда на вот-вот... сегодня? нет? ну тогда завтра... нет? ну завтра, значит... — надежда, что вот-вот придет замена (свежий — бодрый и перепуганный — офицер запаса) на его должность растреклятую — «командир 3-го взвода РР 1-й роты РР в/ч № ...» — надежда эта поддерживает его потрепанную оболочку...

Да еще, может, им самим и незамечаемое уважение: уважение всех вокруг к человеку, *который мерял тут уровни ЕЩЕ В МАЕ...* Уважение — с оттенком суеверного побаивания: «А если и меня такое

будущее ждет?...» И каждый, кто как может, старается Женю как-то развеселить, приободрить, поддержать... от неприятностей или начальства прикрыть, если что...

Идет Евгений Петрович, в невеселые думы свои вязкие погружен...

...Выходит из штабной палатки батальона радиационной разведки вновь прибывший — кадровый — офицер.

Идет по лагерю, с интересом по сторонам посматривая.

Четыре капитанских звездочки на погонах новичка.

Отутюженная офицерская форма, хромовые сапоги, коричневая кожа новенькой портупеи скрипит... На голове — офицерская фуражка большая, на заказ сшитая...

На круглых щеках — юношеский еще румянец.

Невысок новичок, чуть полноват, крепок.

Капитан Бычков — новый командир 4-й роты батальона радиационной разведки.

Смотрит блестящими каштановыми глазами по сторонам и думает:

«Так вот этот лагерь!.. Отсюда карьера моя офицерская крутой взлет сделает! И так все хорошо у меня складывается: такой молодой — и уже капитан... А тут еще — «Место подвига — Чернобыль!»... — *Отсель грозить мы будем шведу!*»

И видит он себя уже завтра майором: на погоне большая звезда...

...одна только? майором? После Чернобыля — и майором только?! Майора он и так без Чернобыля скоро получит!..

Полковником!.. Баранья высокая папаха на голове — издали видно: *полковник!* Командир полка!.. Оглядываются все на красивую, седого каракуля папаху...

...Жаль, летом папаху не поносишь... Чернобылец — и полковник только...

Да нет же! — *Герой Чернобыля!* Генерал!.. Во!

Генерал. Штаны с лампасами красными! И летом и зимой! Их совсем издали заметно: шапки у всех есть, и каракулевых много... А вот чтоб полосы красные на штанах — это только у генералов!

...Правда, у швейцаров еще в дорогих ресторанах...

Знаменитый! Во! — знаменитый! — на всю страну, на все Вооруженные Силы — Знаменитый Герой Чернобыля... и... и... и — Герой Советского Союза!! Во!

Генерал-полковник. Машина правительственная, шинель генеральская, в петлице — дубовый лист серебрится-

Идет по лагерю уже-почти-генерал-полковник Бычков — в целях конспирации и из врожденной скромности пока в капитанской полевой форме... (так даже интересней... а сил-то еще — ого-го-го! — может, в *маршалы* двинуть?) — и лагерь тот полевой, откуда он взлетел так круто — и видит и не видит — в заоблачных высях своих звездно-дубовых витая...

Думает крупный военачальник — как Вооруженные Силы реформировать, опыт свой героический молодому поколению передать...

И вдруг — дыхание перехватывает... то ли у генерал-полковника, то ли у маршала (сразу не разберешь...) Бычкова: «Что? *Што??*»

Во вверенных ему Вооруженных Силах -

— идет *офицер* (судя по трем звездочкам, обцарапанным в полоске ткани на плече)

— *одет не по форме!* (неуставные ботинки, брюки солдатские, ватник с плеча свисает)

— *неаккуратен!* (ботинки нечищены, обмундирование мягкое, кепи на глаза темные надвинуто)

— *НЕ-мо-лод-це-ват!* (взгляд в землю, плечи опущены)

— *небрит!* (щетина черно-седая несколькодневная), — *и ему* генерал-капитан-Бычкову, *чести не отдает!* Руку к козырьку не вскидывает! На строевой шаг за три метра не переходит! И вообще его — его папаху, лампасы и маршальский жезл — не замечает!

— *И — курит!!!..* (тлеет окурок в сжатых губах фигуры)

— СММИРНА! — гаркнул генерал-капитан-фельдмаршал Бычков. — СМММИРНАА!! Товарищ офицер — СМММИРРРНАА!

Разменивает последние десятые своего 25-го рентгена — по пять дней жизни — пять дней лагеря — за каждую десятую — «глухой фонист» Евгений Петрович...

И только в этом сейчас — смысл каждого прожитого дня для Евгения Петровича...

И в этом круге — «25 минус... разделить на 0,02... или замена придет...» — его мысли текут...

И вдруг что-то, из лагерного фона выпирающее, от мыслей этих важных его отвлекает...

И имеет место в непосредственной близости от него.

— СМММИРНАА!! СМММИРНАА!!!

Фокусирует внимание свое — медленно, тяжело — Евгений Петрович с мира внутреннего на мир наружный, постылый...

«Что-то» имеет вид еще одного новичка-офицера (скольких их он уже тут перевидал...) — в зону никогда не ездившего, в разведке никогда не бывшего, АЭС в жизни никогда не видевшего (хотя б целую, не то что раскуроченную...) — и что такое отклонение стрелки рентгенометра-радиометра ДП-5 на диапазоне «200 РЕНТГЕН В ЧАС» — не представляющего... Да вообще — взлета этой стрелки по шкале...

Суетливое это «что-то» то дар речи теряя, то обретая, выстреливает обоймы слов беспорядочные — то красное, то бледное «что-то»... И нагружает собой аудиовизуальную среду:

— *...старший лейтенант! ...смииррна!! ... пример рядовым... нарушение формы! ...в неподобающем месте... СМММИРНАА!.. отдавание чести... со старшим по званию!.. Да СМММИРНАА!*

Далеко оно было сейчас от Евгения Петровича — хоть физически и рядом... Свет звезды далекой, залетевший в его состоявшуюся вселенную случайно — и раздражающий назойливо...

Отреагировал на него Евгений Петрович только поверхностью своей побеспокоенной — как на какое-то насекомое надоедливое, которое не поняло еще, в какой компот залетело, и которое просто сдуваешь

мельком (чтоб и божью тварь не зашибить, и себе настроение не испортить) — мелкий неодушевленный настырный раздражитель...

Многодневного общения с самим собой не прерывая, устало — как заклинание привычное, первоначальный смысл которого от частого употребления стерся — еще одно «изыдь-рассыпся» еще одной напасти (одушевленной? неодушевленной? да вряд ли Евгений Петрович это понимал) — буркнул он явлению:

— *пшолтынахуй* —

не отклоняясь от траектории своей обычной ни на шаг, поступи не замедляя, положения дотлевающей сигареты не меняя, из круга дум своих привычных не выходя, привычно вокруг себя ничего не видя... А что видеть? — «Информация — нарушенное однообразие...» — Откуда?

А вот генерал-маршал-полковник получает бездну новой информации...

И столбенеет, этой информационной лавиной пришибённый.

Провожая загипнотизированным взглядом невиданное им никогда раньше, немыслимое им в природе явление...

Первое из череды черныбыльских явлений, которые, может быть, приоткроют ему что-то в жизни... Не обязательно — карьере...

И со стороны — невооруженным взглядом! — видно, как последовательно слетают с него...

...маршальский жезл...

...генеральские лампы...

...полковничья папах...

...майорская звезда...

И даже *капитанская самоуверенность* небитого жизнью пацана...

Как громом пораженный, утратив дар речи, стоит столбом посреди прожженного солнцем палаточного лагеря *homo sapiens* Бычков...

...Отсель грозить мы будем шведу...

Последняя капля

Захожу в нашу палатку-барак после разведки взять резервную пачку сигарет — днем не успел купить в Чернобыле, делаю несколько шагов...

Дневальный от дверей: «Товарищ лейтенант! Товарищ лейтенант!»

«Что такое?» — оборачиваюсь.

«Товарищ лейтенант... — мнется. — Товарищ лейтенант, надо теперь разуваться».

«Чего?!»

«Товарищ лейтенант... с сегодняшнего дня — в палатку только разутыми».

Смотрю — полиэтиленовый пол вымыт до блеска, в тамбуре сапоги, ботинки стоят аккуратно в ряд...

«Вот, с сегодняшнего дня...»

Вернулся, снял сапоги. Портянки намотаны как положено, на ноге держатся как чулки...

В этих обмотках, с командирской сумкой на боку, почапал по блестящему, еще мокрому пластиковому полу — как корова на льду — к своему месту на нарах, к своей «прикроватной» тумбочке...

Оно, конечно, вроде и правильно... Но та десятая доля миллирентгена в час, которую мы (может быть) нанесем — она этого не стоит...

Не чувствовать себя человеком еще и здесь...

«Новые времена»...

Всё.

Это уже не для меня.

Мой чернобыль, или Жизнь в миниатюре

...Первая поездка в зону, под АЭС — когда непонятно где что, и ты на этой странной земле как новорожденный — только головой крутишь да глазами хлопаешь — куда я попал? — из такой радиационно-уютной, как мамина утроба, — жизни до того...

...Потом начинаешь что-то соображать, копируешь взрослых — делаешь то же, что они, — иногда при этом сомневаясь, задавая вопросы, бывает, очень смешные, а бывает, очень правильные...

...Преодолев подростковую робость, смущение первых дней, чувствуешь — «Справляюсь!.. Я тут нужен... Оказывается, я много знаю... Да еще и умею кой-чего... ПОЛУЧАЕТСЯ...» — И - азарт работы! — молодой, молодецкий азарт!..

...И — работа... Работа, работа, работа...

РАБОТА — на износ...

И каплю за каплей высасывает она твою энергию, желание, волю — жизнь...

...И уходят люди, которые уже стали — часть тебя; а вокруг — другие... И хорошие, и плохие, но — *другие*: как декорации, не греют, и ты уже к ним без того тепла, что к *первым* — главным, как оказалось, — в твоей жизни...

...Постепенно меняется жизнь, меняются порядки, становится меньше пространства, воли (хоть и опасности вроде б тоже...) — а ты уже привык по-своему... Пусть опасней, но — свободней...

...А потом идешь как-то по лагерю, просто идешь, «гуляешь» — свободная минутка — вечереет, с тобой здороваются, ты здороваешься — и вдруг до тебя доходит: «СТАРШИХ-ТО НЕТ!» Вот ты да друг-земляк Славик, да ротный — одной машиной приехали, в одной колонне — вот вы-то и есть старшие! А старше — *никого*... Старый комбат — толковый мужик — ушел... Измельчал народ. Вот раньше... И ты вспоминаешь тех колоритных, «густых» мужей, что были тут до тебя — с времен и уровней почти былинных, — которые встретили тебя на этой земле, несмышлениша, подучили, пример дали и — ушли...

...Поглядывают сейчас на тебя в лагере, как ты когда-то смотрел на тех СТАРШИХ... И знаешь, что при этом думают — «мастодонт... это ж по каким уровням он тут мерял» (ты когда-то думал так же...), завидуя обтертости твоей, уверенности, вписанности в этот пейзаж, резкому контрасту к их неуверенности и рыхлости новичков, натыкающихся на острые углы — своей еще необношенной формы — и здешних обычаев и нравов...

Пора — уходить...

Тебе — ПОРА.

ДОРОГА ОТ ЧЕРНОБЫЛЯ

[По правилам Почты СССР, если отправитель телеграммы не имеет постоянного места жительства в населенном пункте, где расположено почтовое отделение, то он обязан в графе «Адрес отправителя» писать название населенного пункта и слово «проездом».]

«Герой Чернобыля»

Приезжаем из разведки вечером.

Рассказывают лагерные новости:

— Замполит 4-й роты сегодня уезжал...

(Это один из двух добровольцев, которые в нашем батальоне разведки (полтысячи человек) за все время были.)

— ...Уезжал, собирался. Все свои благодарности, грамоты — тол-стен-ную пачку! — в папочку аккуратно сложил, тесемки связал и ручкой сверху прихлопнул.

«В этой, — говорит, — папке — вся моя будущая жизнь!»

Пруд-охладитель: Дембельский маршрут

Быстрая езда вдоль озера

Вернусь — БУДУ.

Из рабочего блокнота командира взвода

радиационной разведки

В первые дни нашего знакомства Коля-водитель сказал, что «Пруд-охладитель — это командирский маршрут»: предыдущий командир взвода, которого я не застал (он набрал 25 рентген и ушел), ездил все свое последнее время по Пруд-охладителю... С чего бы это?

Мой Пруд-охладитель начался с «адаптации к радиации»: по нему меня провезли, мало что соображающего, в лихорадке, в самые горячие... точнее, самые жидкие времена этой самой адаптации... Потом я здорово повозился, разбираясь, где какая точка: считалось, я маршрут знаю — один же раз проехал...

Но когда я разобрался, что к чему, своего предшественника я понял вполне-

Правильно мерять Пруд-охладитель надо начиная не с первых по номерам точек, а с последних — «на полуострове». Потому что они самые противные.

Уровни на них небольшие, но это все на таком развороченном ландшафте! — все разрыто-разгорожено, с одной стороны — деревья, кусты, заросли, скользота у пруда, а с другой — «мерзость запустения»: брошенное строительство 5-го и 6-го энергоблоков Чернобыльской АЭС, скелеты железобетонных зданий, огромные конуса градирен — в небеса из их круглых недостроенных раструбов торчат частокотлы арматурных костей... И вот по этому «пейзажу после битвы», переползая через ямы, рвы, канавы, лужи, — зеленый клоп нашего БРДМа движется... Лучше с этим куском покончить сразу.

51-я точка — земля 14, вода у берега — 50 миллирентген в час...

52-я — земля 24, вода 19 миллирентген в час...

55-я — земля 50, вода 80...

56-я — 60, 50...

59-я — 80, 180...

62-я — 350, вода 600...

63-я точка — земля 600, фон 450... Воды нет — точка уже в глубине полуострова, последняя по номеру на маршруте. Мы вырुливаем из этого кишкомотного полуострова на трассу.

Не меряя, едем вдоль канала и мимо АЭС: сегодня наш маршрут — только берега Пруда-охладителя.

Поехали к АЭС. Командую водителю перед развилкой:

— У телеграфного столба — замер.

Дозиметристу:

— Переключи на следующий диапазон. Тут под столбом должно быть миллирентген 700 в час.

И вылезая следом за ним. Дозиметрист новый, это пока самый высокий его уровень. С ним надо просто рядом постоять.

— Фон... 550! Земля — 750...

Дозиметрист забирается на БРДМ первым.

Стою под броником, записываю. Точка № 1 маршрута разведки Пруд-охладитель...

Оббиваю сапоги о броню, залезаю...

И вот только после этого столба, после поворота направо, начинается собственно Пруд-охладитель — огромный искусственный водоем, похожий на вытянутую фасолину длиной километров десять (из-за проблемы с его разведкой мне пришлось в штабе карту поизучать, даже кальку с нее снять).

Точка № 2... земля 230, вода 150.

Мы удаляемся от АЭС по длинной стороне пруда-«фасолины», меряя через полкилометра берег — землю и воду.

Точка № 3...

№ 4...

Уровни спадают быстро: всего пара остановок-замеров — и тут земля уже только 18, а вода — 40 миллирентген в час...

21, 21...

20, 11 — еще меньше...

Приволье! По ровной пустой бетонке броник разгоняется до максимума скорости... Резко тормозит — замер...

15, 18...

Разгон — полет — замер...

13, 25...

Разгон — полет... Беру прибор у дозиметриста. Этот маршрут самый длинный, точек много — дозиметристы задалбываются прыгать с броника туда-сюда...

Песок пляжа... 11. Передвигаю зонд к поверхности воды... Безлюдье полное — никто не пялится, что офицер сам меряет... 9.

По раскаленному песку — назад — вверх, на броню...

Разгон — полет — прыжок — замер...

6, 7 миллирентген в час...

Разгон... Бетонка идет наверху насыпи, и с башни мчащегося броника видна синь пруда — огромное водное зеркало, всё в солнечных блестках... А по другую сторону — полноводная Припять-река, за ней — зеленые луга, леса — до самого горизонта...

Какие тут красивые места!

Разгон — полет — прыжок — замер...

5, 8...

Меряю «тщательнее»: пересекаем уровень 5 миллирентген в час, это приметная красная изолиния на карте в штабе — граница 2-й и 1-й зон... Тут надо поточнее.

5, 7 — под линией высоковольтных передач.

Разгон — полет — прыжок — замер...

4, 6...

Уровни продолжают спадать: 4 миллирентгена в час — 3 — 2,6... Рядом с АЭС — это радиации считай что нет...

Разгон — полет — прыжок — замер...

3, 2...

Разгон — полет — прыжок — в воздухе достаю зонд — броник и я, останавливаясь, откидываемся назад одновременно — иду по раскаленному песку, жгущему сквозь подметки сапог...

Замер... 3 мР/ч.

Огибаем дальний край пруда-«фасолины».

Я приписываю в блокнот еще один будто бы сделанный замер: реальный маршрут и его схема в штабе, как я ни бился, не сходятся на одну точку, приходится выдумывать цифру и вписывать ее между замерами — там, где это ни на что не влияет...

Разгон...

Слева — зеленая стена высоких деревьев...

Над головами — свистит-шипит опереньем всякая водоплавающая и над водой летающая живность... Хорошо!

4 миллирентгена в час... -

Разгон — полет — прыжок — замер...

Золотой пляж, синяя вода...

— *Вернусь — буду любить женщин -*

Разгон — полет — прыжок — замер...

— *и буду к ним нежен и снисходителен -*

Разгон — полет — прыжок — замер...

— *и буду баловать детей -*

Разгон — полет — прыжок — замер...

Навстречу — большой самосвал-«КамАЗ». Заблудился? Водитель выглядывает в окошко: «Сколько тут?» — «Четыре». — «Рентген?» — «*МИЛЛИрентген!* Разгуливали б мы так на четырех рентгенах в час!» — запрыгиваю на броню...

— *Вернусь — буду любить женщин -*

Разгон — полет — прыжок — замер...

— *и буду к ним нежен и снисходителен -*

5 миллирентген в час — граница 2-й и 1-й зон! Тщательней!

— *и буду баловать детей -*

Разгон — полет — прыжок — замер...

— *и буду с ними строг -*

Разгон — полет — прыжок — замер...

— *и буду терпим к старикам* — Разгон — полет — прыжок — замер...

— *и к их, каленой их временем, мудрости* — Разгон — полет — прыжок — замер...

— *и — БУДУ!*

И броник отворачивает от водоема, от уже сделанной раньше стройплощадки АЭС влево, на трассу — на Чернобыль — сдать там данные — и из зоны — домой...

— *Еще долго — БУДУ!*

Маршрут разведки Пруд-охладитель сделан.

Впервые — ОТ

— Ну давай, Славик! До скорой встречи...

— Давай, Серега!

Лязгнули за моей спиной железные дверцы «ЛАЗа». Водитель воткнул передачу, автобус тронулся. Какое-то... непривычное, странное ощущение... *что-то не так.*

Не могу понять... Что ж такое?... Автобус набрал скорость... Дошло! Я в первый раз еду от лагеря

— *не НА Чернобыль.*

ОТ Чернобыля.

...Небывалое ощущение...

В автобусе

Оказывается, я здорово отвык от автобуса, и крутил головой, как ребенок: сиденья, обшитые кожзаменителем, поручни — никелированные! Не защитная краска!..

А окна! Какие *громадные* ОКНА! Сколько света!..

Огромный объемный длиннющий салон — сколько воздуха! Можно встать во весь рост...

И все это пространство свободно — из пассажиров только два солдата да я...

Постепенно автобус наполняется: на обочине местные жители голосуют, водитель тормозит, подбирает...

И вот передо мной (я сел во второй ряд справа, чтоб дорогу видеть (инстинкт командира экипажа) — за первым, «Для детей и инвалидов», рядом — на никелированную прохладную спинку положил загорелые руки)...

Передо мной сидит девушка — лет 17, наверно...

И я вижу персикового загара шею, завиток нежных волос-

Белый свитерок — тонкий, пушистый...

И вздымающиеся от дыхания сугробики тончайшего пуха — груди...

Король вопросов, или Зачем нужны радиационные карты

Действие радиации, как и действие высокой температуры, механического удара, зависит от проникающей в организм энергии — ее дозы.

*Воробьев А. И., Воробьев П.А. До и после
Чернобыля: Взгляд врача. Москва: НЬЮДИАМЕД,
1996. Сб.*

И начались расспросы: «где был», «а что там на самом деле?», «а правда, что?...», «а что ты там делал?»...

Но один вопрос меня просто поставил в тупик:

«Вот вы там ездили, рисковали — а зачем? Зачем нужны радиационные карты?»

А зачем нужны вообще карты? Нет, не «вообще», абстрактно — а вам, тебе конкретно, читатель? Еще конкретней: когда вы сами, лично, картой в последний раз пользовались?

В 95 % случаев вы и не вспомните...

...А между тем вся цивилизация начинается с карт. Заселение какого-нибудь острова начинается с составления карты: нанесения на бумагу контуров его береговой линии; удобные бухты, места для поселения, источники питьевой воды, тропы в глубь острова, и к чему они ведут... А горы (или что там) в его середине пусть пока будут белыми пятнами; потом на карте будут обозначены, когда нужда возникнет и вместе с ней появятся и необходимые силы и средства... И по мере того, как все это возникает и появляется, на карте белые пятна дробятся, тают, исчезают...

Вот так и чернобыль после взрыва — сразу стал белым пятном... «Радиационно-белым». Точнее, «радиационно-черным»...

ГДЕ — СКОЛЬКО?

И одним из первых действий «чернобыльской цивилизации» было составление карт, могущих на этот вопрос ответить.

Карт радиационной обстановки.

На которых видно, где участки с опасными для здоровья или жизни уровнями радиации. И насколько опасными.

Надо учесть, что при этом интересуются — в первую очередь, а то и исключительно, *гамма-излучением*. Потому что считается, что людей можно полностью защитить от альфа- и бета-излучения;

— От альфа-частиц, крупных и медленных (по сравнению с бета- и тем более гамма-), человека защищает даже его кожа: ее верхний отмерший слой не пропускает их. И уж тем более останавливает альфа-частицы одежда;

— Бета-излучение (это электроны, они легче альфа-частиц почти в 10 000 (десять тысяч)[\[58\]](#) раз и соответственно шустрее) через кожу проникает — но неглубоко[\[59\]](#). И обычно считают, что одежда полностью задерживает бета-излучение, защищает тело человека[\[60\]](#).

Поэтому альфа- и бета-излучение в «военных» ситуациях типа чернобыля первых месяцев после взрыва не меряют. То есть (чтоб уж все было ясно) тем самым предполагают, что «все присутствующие» находятся в здравом уме (очень сомнительное допущение) и выполняют советы типа «Не бегай голый по зараженной местности», «Не загорай на ней», «Держи рот закрытым», «Носи респиратор не снимая» (чтоб с воздухом и пылью не надышаться радиоактивными веществами — тогда они уже *внутри* будут распадаться, и при этом организм, теперь уже ничем вроде кожи-одежи не защищенный, изнутри облучать), «Не ешь зараженной (загрязненной радиоактивными веществами) еды», «Воды зараженной не пей»... Ну и по-хорошему, для защиты такого «нежного инструмента», как глаза, надо носить очки. И о коже лица и рук — и всех открытых участков тела — тоже позаботиться, прикрыть их чем-то при высоких уровнях бета- и тем более альфа-радиации (а то можно просто ожог — радиационный ожог, типа обычного, «от горячего» — из-за энергии, которую поток этих частиц с собой несет, получить)...

А ОТ ГАММА-ИЗЛУЧЕНИЯ ПОЛНОСТЬЮ ЗАЩИТИТЬСЯ НЕЛЬЗЯ: пронизывает это электромагнитное излучение всё и вся, правда ослабевая при этом, теряя свою мощность, «убойную силу». Степень ослабления зависит от материала, через который оно проходит, и его толщины. Броня военной техники, которую пули-осколки не берут, всего лишь ослабляет поток гамма-излучения в 3 раза: две трети потока задерживает, одну треть все-таки пропускает вовнутрь... за что, впрочем, тоже огромное спасибо. Более толстая броня танка ослабляет поток гамма-излучения в 4 раза — только 25 % пропускает... Свинцовый лист толщиной в 1 сантиметр половину гамма-излучения задерживает, половину пропускает; если к первому листу прибавить второй (или сразу взять двухсантиметровую лист-плиту), то через два сантиметра свинца пройдет только четверть, 25 % исходного потока гамма-радиации[\[61\]](#)... - Но — еще раз! — в отличие от альфа и от бета — полностью защитить, заэкранировать людей, «пребывающих» на радиоактивно-зараженной местности, от гамма-излучения НЕЛЬЗЯ.

Поэтому и меряется гамма-радиация в первую очередь.

И карты радиационной обстановки на первых этапах аварии были картами уровней только одного вида излучения — гамма.

Первым делом в чернобыле «радиационно разведывали» территорию АЭС населенные пункты, дороги. Потом по этим данным населенные пункты с высокими уровнями эвакуировали, важные дороги до тогда терпимого уровня отмыли, знаки «Высокая радиация!» где надо поставили (они очень нелепо смотрелись, эти знаки, внутри самой зоны; писали б уже «Особо высокая радиация!», что ли), на АЭС те места, где люди скапливаются и передвигаются, наметили и отмыли... И взялись за другие участки, за те работы, что стали на этом этапе неотложными.

Где-то на новом месте, особо (или вообще) не промерянном, надо что-то сделать — например, в лесу (Рыжем Лесу) просеку прорубить, чтоб бурить там скважины для защиты подземных вод[\[62\]](#), - первой туда посылается разведка. Появляется маршрут разведки «Просека»...

Волнует начальство и науку, что случилось после взрыва и выбросов с берегами огромного пруда-охладителя АЭС — появляется маршрут разведки «Пруд-охладитель»...

Маршрут «Биостенка» шел по контуру этой подземной «стены» — траншеи вокруг АЭС *глубиной 30 метров* (это высота 9-этажного дома!!)... В одних местах ее уже строят... то есть роют, и в траншею, заполненную водой, бентонитовую глину заливают (чтоб подземные воды под АЭС дополнительно гидроизолировать, окольцевать, не дать им растечься...), на других еще ничего не трогали, а мы уже со всего контура этого кольца данные каждый день привозим...

Маршрут разведки «Припять» проходил по периметру Припяти, вдоль забора из колючей проволоки, который построили, чтобы огородить, оградить город от грабежа...

На самом деле в мое время — в тот период чернобыля, который я застал, — происходил уже фактически переход от разведки к мониторингу, к контролю радиационной обстановки: большинство экипажей ездили изо дня в день по одним и тем же маршрутам... (Но это, замечу, странным образом, вместо того, чтобы облегчить, часто только добавляло перцу в нашу и без того богатую специями жизнь...)

Еще более конкретные примеры, когда надо знать, как радиация на местности распределилась (а это может дать только и исключительно карта радиационной обстановки):

...Забор можно протянуть так, а можно этак. «Так» он будет короче, но а какие там уровни? Если высокие, то, может, протянуть его иначе — по низким уровням? Больше столбов и колючей проволоки потратим (хрен с ним, с деревом и железом!), но при этом люди получают меньше дозы? Или хрен с ними, с людьми, новых пришлют, а древоматериалов и колючки сейчас не хватает? Вот так все вопросы решаются — должны, по крайней мере, решаться — в зоне радиоактивного заражения.

...Валера в Рыжем Лесу, в той его части, где уровни очень высокие, доезжал по лесной дороге до точки, где он должен был сделать замер, делал замер, натурально, и до следующей точки — она дальше по этой же дороге! — прямо не ехал. А «почитал за благо» сдать назад, развернуться, вообще из леса выехать или по другим дорогам в лесу, он уже знал, где сколько — короче, *по низким уровням* он объезжал — и попадал к той точке с другой стороны. Потому что между этими двумя точками-с уровнями уже высокими — *уровни были еще выше*. Которые начальство, к счастью, пока не интересовали. Валеру — тем более. После того как он один раз проехал и промерял. И больше не захотел.

А начальству в следующий раз именно это может и понадобится — «А как там высокие уровни по лесу расположены?» — чтоб определить, какие участки первыми корчевать и где грунт снимать-хоронить в первую очередь. И насколько уровни высокие? Техника в обычном варианте пройдет? Или надо пускать с освинцованными днищами и кабинами? И сколько времени люди на таких уровнях могут проработать, чтоб (считающиеся в 1986 году безопасными) 2 рентгена в сутки не превысить? Сколько часов, десятков минут будет длиться «рабочий день» одного человека? Или лучше поставить свинцовые листы на кабины, чтоб уменьшить их «проникание» гамма-радиацией — и, значит, уровень радиации внутри кабины уменьшить? И в такое ж число раз «рабочий день» водителей удлинить... И отсюда уже считается, сколько людей надо, чтоб работы велись весь световой день — или вообще непрерывно? И были выполнены в сроки, указанные «Партией и Правительством»... Вот те вопросы, над которыми сушит голову начальство.

Я уж не говорю про села — для них уровень гамма-радиации был тогда вопросом жизни и смерти — в самом прямом смысле: больше 0,7 миллирентгена в час — смерть: село выселяют; меньше 0,7 — ну, живите пока...

А как она делается, эта карта? И как выглядит?

Достаточно обыкновенно.

На обычную топографическую карту наносится точка — место замера на местности. И надписывается, какой уровень радиации в этой точке... (Да, о главном чуть не забыл! Уровень радиации [\[63\]](#) показывает, какую дозу внешнего радиоактивного (гамма- в данном случае) облучения получит объект за 1 час пребывания на этом месте. Измеряется в рентгенах или миллирентгенах (тысячных долях рентгена) в час, а «в мирное время» (естественный, природный уровень радиации) — в дшярорентгенах (миллионных долях рентгена) в час).

Потом точки с одинаковыми значениями уровня радиации соединяют и получают «линии одинакового уровня радиации», похожие на обычные горизонталы на обычных картах (забавно, но эти самые обычные географические карты называются «физическими»; карты радиационной обстановки уж куда *физичнее*). На обычных картах горизонталы — «линии одинаковой высоты над уровнем моря» — показывают, насколько высок или низок уровень земной поверхности в данной точке или местности, ну и как вообще рельеф выглядит... Что-то похожее показывают и «линии одинакового уровня радиации», но применительно не к высоте, конечно, а к той дозе, которую на данном месте за час получишь. Насколько круто они снижаются, и как далеко тянутся, и где пересекают дорогу и цепляют село (или полностью его накрывают) — все это содержится в карте. И много чего еще.

В карте радиационной обстановки.

И вот для того, чтобы эту бездну данных для построения карты иметь, отдел радиационной разведки Оперативной группы Министерства обороны СССР, занимавший большую комнату [\[64\]](#) в бывшем Чернобыльском райисполкоме и райкоме партии, собирал информацию: обязывал звонить и докладывать (или сам обзванивал и опрашивал) дозиметристов военных лагерей, ПУСО, посты в каких-то важных местах, службы дозконтроля в населенных пунктах... Но так в основном получали данные с периферии — с окраин зоны или из-за ее пределов (там, где жили, короче). А когда дело доходило до ядра зоны — АЭС и ее окрестностей, — то вот это и была работа нашей роты: ее «хозяином» был сам этот штаб, ОГ МО СССР, его отдел радиационной разведки.

И вот для того, чтобы каждый день штаб, Правительственная комиссия, все, кому это надо для дела, имели свежие данные из «сердца зоны» — «держали руку на пульсе», — каждый день экипажи разведки — каждый из трех человек: командир, дозиметрист, водитель — залезают в броник — остроносый, бронированный, похожий на катер-о-четырёх-колесах автомобиль разведки-и едут по указанному маршруту. Делая замеры через определенное расстояние (обычно 250 или 500 метров) или в определенных точках, которые должен кто-то из экипажа знать (а значит, бывать на этом маршруте раньше).

На точке:

командир командует, где остановиться;

дозиметрист вылезает из дыры люка на верх бронека, спрыгивает оттуда вниз, делает несколько шагов от бронека...

Замер производится так:

1) светло-металлический цилиндрок зонда — обычно он прикреплен к дюралевой трубке-держаку метровой длины — подносишь к самой земле (такой замер называется «земля»);

2) нажимаешь кнопку «ИЗМЕРЕНИЕ» на верхней панели зеленого дозиметрического прибора ДП-5 (он в красно-бордовом футляре из кожзаменителя висит на уровне пояса: некоторые, правда, носили прибор выше, на груди, чуть не под подбородком — ремень укорачивали);

3) ждешь, в каком месте шкалы остановится начавшая движение стрелка... (При этом в первые поездки думаешь: «Если б прибор мерил побыстрее...» Потом привыкаешь, ничего не думаешь — просто ждешь.)

Второй замер на точке — «фон»: зонд держишь в метре от земли — на высоте, где у человека начинаются потроха (именно «фон» принимают в расчетах дозы облучения, он — главный замер). Жмешь на кнопку «ИЗМЕРЕНИЕ»...

Если зашкаливает — значит, неправильно оценил уровень в этом месте — по тому, что ты до этой точки намерял и вообще знал об этом месте — и этой местности... Зашкаливает — переключаешь на более высокий диапазон щелчком черного клюва-переключателя...

И повторяешь измерение...

...Действие радиации, как и действие высокой температуры, механического удара, зависит от проникающей в организм энергии — ее дозы...

Чернобыльская ДЕЗИметрия

Масса вещей, без которых дома и дня не проживешь, в чернобыле и даром не нужны. А вещь обычно наизысканнейшая — тут вдруг оказывается нужна как воздух.

И находится в напряженнейшем дефиците.

Или ее просто нет.

Например, *индивидуальный дозиметр*.

«Как! — воскликнете вы. — Не может быть! Вы ж были военные — тем более разведка! К третьей мировой атомной-переатомной... атомной-термоядерной, то есть... войне готовились! А какая ж ядерная война без измерения доз радиоактивного облучения личного состава? Ведь именно по дозе судят, можно ли солдату-офицеру в действиях на радиационно-зараженной территории дальше участвовать или его нужно из зоны высоких уровней радиации выводить? А если военнослужащие уже получили большие дозы, тем более важно знать, какие именно дозы! Без этого ведь правильно медпомощь переоблученным людям не окажешь! Уж чего-чего, а дозиметров-то, этих небольших штучек, должно было быть навалом! Ведь вся страна, по сути, работала «на оборону», на возможную ядерную войну! (Это я подтверждаю как химик-прикладник, кой-чего повидавший на советских заводах и химкомбинатах.) Нет, уж чего-чего, но *индивидуальных дозиметров должно быть навалом!*»

Святая правда, их и было навалом — блестящих металлических трубочек-карандашей — индивидуальных стрелочных конденсаторных дозиметров.

«Навалом» же их и выкинули в самые первые дни в зоне. После того как попробовали ими пользоваться. Потому что брешут они безбожно. Даже не брешут — просто показывают все что угодно. В каких-то особо нежных лабораторных условиях они, наверно, работают точно, но никак не в условиях реальных, когда люди с ними бегают, прыгают, в машинах трясутся^[65]. Так что с этими «дозиметрами» разделались быстро.

Появились другие, под названием «накопители». Матово-блестящая светлая коробочка размером меньше спичечной.

Эти я в зоне еще застал.

И сделал все, чтоб такой дозиметр-накопитель НЕ ПОЛУЧИТЬ. (Больших усилий, впрочем, не требовалось — их на всех все равно не хватало.) Потому что я уже знал, что точность у них — «плюс-минус полслона»: работают они на принципе засвечивания радиацией (гамма-лучами, если точно) фотопластинки внутри корпуса: для света он непроницаемый, а для гамма-лучей — запросто. Фотографы тех времен помнят, что такое советская фотопленка (особенно по цветным фото это было видно): пленка от пленки светочувствительностью заметно отличается. И поэтому, когда из корпуса твоего дозиметра эту фотопластинку вытащат после работы в зоне и на специальном приборе померяют степень ее потемнения (засвечивания гамма-лучами), то могут начаться вопросы: «А чтой-то у тебя, товарищ такой-то, столько мало?» (это если по бумагам-донесениям больше) — или «...столько много?!» (если наоборот). Будешь потом потеть, объяснительные записки писать, в потолок глядя, и «дезиметр» этот, и всю эту советскую дезиметрическую промышленность кляня... (Впрочем, как оказалось, жизнь замечательно саморегулируется: никто всерьез показания этих дезиметров не принимал. Так, смотрели спецприборчиком пару раз — для интереса...)

Были еще таблетки-дозиметры — настоящие большие белые таблетки в полиэтиленовом пакете, который носили пристегнутым к одежде (в основном начальство). Но это была уже просто экзотика, практического значения для масс обычных людей в зоне не имевшая.

Так что у меня и у моего экипажа, и у других командиров взводов разведки, и почти у всех наших бойцов НЕ БЫЛО ЛИЧНОГО ИНДИВИДУАЛЬНОГО ДОЗИМЕТРА — измерителя дозы полученной радиации.

Вещи при работе в чернобыльской радиационной зоне вроде бы самой необходимой.

И тотально отсутствующей...

...И вдруг — я вижу *НАСТОЯЩИЙ ДОЗИМЕТР!* Тот, о котором я жгуче мечтаю каждый день в разведке!..

Нежданно-негаданно — вижу Дозиметр Моей Мечты!

В Чернобыле, в штабе, в отделе разведки, в руках его замначальника.

— Покажите! — взмолился.

Показали, уважили.

Но издалека, в своих руках.

— Дайте!

Не дали.

— Дайте — на разведку съездить — один раз!! Узнать, сколько ж мы на самом деле получаем! Ну, дайте...

Как ни упрашивал — не дали:

— Он дорогой, 650 рублей стоит. — Это несколько месячных зарплат тогда было.

— Да дайте, я вам расписку напишу! Потеряю — уплачу... Куда я от вас тут денусь?...

Поухмылялись (приятно сознавать, что человек никуда не денется...), но не дали. На всякий случай.

И исчез дозиметр моей мечты в темноте разведотдельского сейфа.

Так я и не знаю, сколько мы на самом деле получали.

Уровни знаю, а дозы нет.

И это я — офицер радиационной разведки... А остальные?

Дозиметр моей мечты(Вместо ТЗ)

Техническое задание (ТЗ) — исходный документ для проектирования новых изделий и сооружений.

ТЗ — основной документ, определяющий технические эксплуатационные требования к проектируемому объекту.

Как правило, в ТЗ указываются показатели качества и технико-экономические требования.

Политехнический словарь. Москва: Советская энциклопедия, 1976. С. 499.

Проездив всю свою чернобыльскую службу по разведкам без личного дозиметра, я понял, каким должен быть Идеальный Индивидуальный Дозиметр.

Дозиметр Моей Мечты:

Во-первых, должен быть цифровым — никаких стрелок, шкал, градуировок (особенно неравномерных, как на ДП-5), никаких пересчетов... Сразу — точная цифра!

Во-вторых, должен и уровень радиации, и суммарную полученную дозу показывать.

3-е: Быстродействие должно быть максимальным — замер за несколько секунд. Потому что полезность даже самого замечательного во всех других отношениях прибора, но делающего замер, скажем, минуту, — сомнительна; на 60 Р/ч., например, только за время такого замера уже рентген дозы получишь... (Хотя, конечно, лучше все ж иметь такой дозиметр, чем ничего...)

4-е: ЗВУК! — При получении («накоплении») нового кусочка дозы [\[66\]](#) дозиметр пищит. Чем выше уровень, чем быстрее «натекает» в тебя (и в дозиметр на тебе) доза, тем чаще пикает на тебе прибор... Улавливаете? Если бы такой дозиметр был с нами, когда мы неожиданно врубались в полосу с 10 р/ч, мы б там шустро померяли и смылись: дозиметр бы нас своим визгом предупредил...

Причем такое звуковое сопровождение не только сигнализирует «ЗАБРЕЛ НЕ ТУДА!», но и по частоте его писка или, где радиация покрепче, пронзительности верещания, как по компасу (даже не глядя на показания прибора!) — по одному только звуку можно из такого «радиационно-крепкого» места выбраться, не заблуждаясь в радиационном рельефе, а идя в сторону уменьшения писка-визга, то есть уровня. Чтоб с минимумом дозы унести из опасного места ноги. Ухо, надо сказать, само по себе очень чувствительный прибор и много информации может извлечь из такой вроде бы простой вещи, как сопровождение какой-то определенной дозы «пиканьем». Так что слух может компенсировать нашу слепоту к радиации...

Не один раз видел я в мечтах:

Вот — забрел я нечаянно в Рыжем Лесу на поляночку... И мой идеальный прибор, до того потрескивавший мирно, вдруг начал взволнованно пищать — заверещал! **УРОВЕНЬ!** И я эту поляну обхожу, ухожу из нее, только на треск его ориентируясь, в ту сторону иду, где треск меньше, обхожу радиационные горбы и горбики, вершины и отроги, двигаюсь только по невидимым безопасным ложбинам — на прибор вообще не глядя... А когда в стены оврагов (или вообще ущелий) радиационных утыкаюсь — он сразу как

заверещит! — я назад... Затих прибор, мирно, уютно опять попискивает — значит, выбрался... Сказка! Настоящий друг человека в таких вот нечеловеческих условиях...

5-е, последнее: Удобным он должен быть.

Потому что дозиметр — это как еще один «орган восприятия». Точнее, не орган, а его протез. И как всякий протез, он должен быть удобным для постоянного ношения с собой. Не только в кармане, но и на одежде: рукаве, куртке, брюках... Зажимчик нужен — универсальный и прочный. Еще и для того, чтоб, если надо, прикрепить дозиметр на держак или палку и к подозрительному объекту поднести (а сам при этом — в стороне, дозу от него не получаешь)... Очень полезная «вроде бы мелочь».

Вот такой идеальный индивидуальный дозиметр вырисовался в воображении командира взвода радиационной разведки после месяца работы в чернобыле без дозиметра вообще...

...И вот я держу его в руках — Дозиметр Моей Чернобыльской Мечты!

Даже лучше.

Не просто держу — *владею*: мне его — представьте! — *подарили*.

Отличный дозиметр-радиометр «ТЕРРА» подарила мне фирма-изготовитель «ЭКОТЕСТ».

Мечты сбываются...

Через два десятка лет.

17 рентген в час: Станция Янов (*Приключение на ровном радиационном месте*)

Когда меня спрашивают, какой самый большой уровень я мерял, я всегда об этом случае забываю: настолько он стоит особняком от нашей обычной практики радиационной разведки.

А случай и то, что за ним стоит, — стоят рассказа.

Послали нас померять железнодорожную станцию Янов.

Ехать туда просто: по трассе на Припять, перед мостом над железной дорогой свернуть налево, и еще с километр.

Сама станция чуть в стороне от дороги, посреди тихого соснового леса — небольшая, уютная. Внутри нее одноэтажное здание раскурочено вдребезги: везде разбитые, изничтоженные предметы, ящики столов и шкафов выпотрошены, бумаги, обломки, осколки на полу, подоконниках, полках... Зачем? Странное создание человек... Налюбовавшись вдоволь, вышли на перрон.

Идем, меряем.

Ничего выдающегося в смысле радиации нет, так, что-то около сотни миллирентген в час... Хотя отсюда до пролома 4-го реактора и недалеко, всего километра три, но находится станция, как и рядом с ней город Припять, в радиационной ложбине (по колоссальному счастью его жителей, проведенных в нем полтора дня от момента взрыва до эвакуации). Западный отрог высоких уровней радиации расположен хоть и недалеко, но он очень крут, обрывист: уровни по его бокам снижаются *очень* резко. А северный отрог, более низкий и пологий, отсюда в отдалении...

В общем, станция Янов — вполне радиационно-благополучное место, по меркам 1986 года и первых километров от АЭС. Сотня миллирентген в час. Ничего особенного.

Идем дальше по платформе.

Замер, замер, замер...

И вдруг прибор зашкаливает.

Зашкаливает на пределе измерений 500 миллирентген в час.

Мы удивляемся.

Петро-дозиметрист перещелкивает диапазон прибора.

Предел измерений — 5 рентген в час.

Прибор зашкаливает.

Откуда?! Мы стоим на пустынном перроне давно покинутой железнодорожной станции, вокруг везде — сто миллирентген в час, рядом состав из нескольких вагонов...

Петро перещелкивает прибор.

На следующий, уже самый последний, предел измерений — *200 рентген в час...*

Стрелка прибора показывает 17 рентген в час.

Откуда?!!!

Несколько шагов в одну сторону — замер.

В другую... Замер...

Вагон.

Это фонит обычный грузовой вагон рядом с нами, на колее у перрона.

Что, дальше весь состав такой?

Меряем следующий вагон...

Следующий...

Возвращаемся к началу состава...

Все вагоны — сто миллирентген в час. Как и местность вокруг.

А этот обыкновенный с виду вагончик... *17 рентген в час.*

Я записал его номер — длинную цепочку цифр на его боку, нарисовал схему станции и где он стоит, и мы отбыли со станции Янов доложить о нашей находке в штаб.

...Насобирать на себя 17 Р/ч., стоя тут, на сотне миллирентген в час — 0,1 Р/ч. — он не мог: в 170 раз радиацию сконцентрировать — так не бывает... Скорей всего, во время взрыва или в первые дни, когда были мощные выбросы, он стоял возле взорвавшегося реактора, на АЭС, а потом его в спешке отогнали на станцию Янов и забыли...

Такие случайные высокорadioактивные объекты *крайне* редки, но коварны и опасны.

Ибо **непредсказуемы**.

Причем в мирной, не-чернобыльской жизни они еще более непредсказуемы, чем в чернобыльской. В зоне-то народ понимал, что тут за обстановка, и даже ленивый нет-нет да и мерял уровень прибором, а приборы были, что существенно... А в мирной жизни кто ходит с дозиметром?

И известны *редчайшие*, но просто-таки страшные случаи (причем ни один из них к Чернобылю никакого отношения не имеет), когда люди, дети гибли из-за высокорadioактивного хлама, который оказался на свалках или в железобетонной стене панельного дома... Повторю еще раз: *такие случаи исключительно редки — почти до невозможности!* (Хотя, боюсь, в нашем все более беспорядочном мире число таких опасных «бродячих» радиационных объектов будет возрастать...)

По счастью, даже рядом с высокорadioактивным барахлом за час-другой не помрешь. Но здоровье повредить можно.

Так что те места, где я провожу много времени: дом, рабочее место, места, где люблю отдыхать, и такие же места дорогих мне людей, я тщательно персональным радиометром-дозиметром «ТЕРРА» перемерил (тем самым, подаренным мне фирмой «ЭКОТЕСТ»).

На всякий — пусть даже до смешного невероятный — случай.

Чернобыль, знаете ли, научил.

Станция Янов.

Обыкновенный с виду вагончик в железнодорожном составе.

17 рентген в час.

К теории поля слухов (*Вместо научной статьи*)

Поле-поле-поле чудес...

Песня с диска «Приключения Буратино»

«Земля слухами полнится».

Это знают все.

А как? Как эта самая земля — правильное, наверно, Земля — полнится слухами?

Куда более важная обратная задача:

Как по тому, что люди говорят, определить, что ж произошло на самом деле? Как по слухам оценить реальную ситуацию? Причем количественно, числом?

О таких тонких деталях устройства человеческого сообщества никому до Чернобыля ничего известно не было.

И после Чернобыля — тоже.

За исключением небольшой группы людей.

Именуемых, как вы, наверно, уже догадались...

Обычная картинка:

Экипаж радиационной разведки на БРДМе подъезжает, останавливается, замеряет уровень радиации. Люди, которые рядом работают (если это в зоне) или живут (если это в селе вне зоны), подходят, и... Как оказалось, не просто спрашивают «Сколько тут?» — а говорят обычно: «Тут столько-то таких-то единиц в час, да?»

За десятки разведок — тысячи замеров — наслушавшись, ЧТО ЛЮДИ ГОВОРЯТ об уровне радиации, и ТОЧНО ЗНАЯ (сами меряем), какой уровень радиации на самом деле, мы с удивлением умозаключили:

Чтобы по тому, что люди говорят, оценить,

сколько же в этом месте на самом деле, надо...

Ну, читатель! Поднапрягись! Какое надо действие произвести?... Преувеличивают или преуменьшают слухи то, что на самом деле? Недооценивают (возможно) случившееся или, наоборот, его раздувают?

...надо разделить...

Правильно! Конечно, слухи преувеличивают!

... на...

На сколько?

В этом вся соль вопроса. Что слухи преувеличивают — это, в общем, известно... *Насколько?*

На сколько надо делить то, что люди говорят, чтоб узнать, что на самом деле есть?

Повспоминайте, повспоминайте, окиньте взглядом свой жизненный опыт... Правда, нечасто такое случается, чтоб можно было цифрой, числом и реальное событие, и слух о нем охарактеризовать? И к тому же быть еще совершенно уверенным в цифре, которая реальность характеризует... Далеко не каждому (к

счастью!) случается быть в эпицентре слухопорождающего события, знать слухи и иметь ключевую информацию...

Удобнейшая штука — уровни радиации!

Оказалось, чтобы узнать по тому, что люди говорят, что ж на самом деле происходит,

надо делить

на коэффициент от 4 до 1000.

Коэффициент 4 — это, например, когда вместо 5 мР/ч., которые мы намеряли, подходят и спрашивая-утверждают: «Тут 20 миллирентген, да?» Часто завышают в десятки раз: говорят, например, что уровень сотни миллирентген в час вместо реальных десятков; или что десятки мР/ч., когда «имеют место» единицы мР/ч. Преувеличение в сотни раз — тоже дело обычное: полагают уровень равным полрентгена в час при реальных нескольких миллирентгенах в час; или равным рентгенам в час — при измеренных нами нескольких десятках миллирентген. А коэффициент **1000 (тысяча)** — это когда цифру уровня называют правильно или почти правильно... но только считают, что это РЕНТГЕНЫ в час, а не миллирентгены (тысячные доли рентгена), которые на самом деле есть. **1000**-кратное преувеличение в чернобыльской теме — сплошь и рядом: «РЕНТГЕНЫ», «тут РЕНТГЕНЫ!», «там РЕНТГЕНЫ!». Причем преувеличивают в совсем немаленькую **1000** раз (сравните покупательную способность 1 доллара и **1000** долларов: *ощутите*, что называется, *разницу!*) — завышают уровни радиации в **1000** раз в своем воображении (и рассказах) не только в зоне аварии сразу после взрыва, но и на удаленной за сотни километров местности через десятки лет...

В общем, надо делить то, что «люди говорят», на 4 и на 1000 — и истина почти наверняка будет в промежутке между двумя полученными величинами.

Таким образом, проведенное нами исследование убедительно опровергло классическую теорию поля слухов, формулируемую пословицей «Дыма без огня не бывает» (= Если люди об этом говорят, значит, что-то есть или было). При таком огромном коэффициенте преувеличения, как 1000, естественная пылинка, которая есть в воздухе всегда, превращается в слухах в густую дымовую завесу.

При полном, подчеркнем, отсутствии огня.

«Не очень точное правило», — скажете вы.

Ничего не поделаешь.

Его точность в точности соответствует... точности самих слухов.

Самые спокойные

Самые спокойные насчет радиации люди были в 1986 году... где?

Правильно! В самом опасном месте!

В чернобыльской зоне вокруг взорвавшегося атомного реактора.

Там, где этой самой радиации было больше всего.

И где ее — по этой же причине! — меряли чаще всего.

И, оказывается, стоит человеку знать хотя б пару-тройку надежных цифр — где-сколько, где какой уровень, — и он уже не в пугающем тумане невообразимой «невидимой смертельной опасности» (она, кстати, в отдельных местах в центре зоны и на самой АЭС была действительно, без всяких кавычек, смертельной), «опасности, которая везде и навсегда», а уже на конкретной, понятной и очень неоднородной радиационной местности, где уровни со временем меняются, и, в общем и в целом, в сторону благоприятную.

ЗНАНИЕ — хотя б небольшое, но *надежное* — знание, где-сколько, — и у человека появляются какие-то понятия: что хуже, что лучше, он уже что-то соображает, старается действовать соответствующе...

Это уже не беспросветный ужас полного незнания или (что еще хуже!) «знания» фантастических слухов — нет, это что-то, что можно своими силами преодолеть, избежать, обойти...

«Заглянуть в мир опасности — значит, в какой-то степени перестать бояться ее».

Монтень, Франция, четыре сотни лет до Чернобыля...

1500 рентген/час и Сэмова история

...есть люди, для которых [уровни радиации, которые я мерял] — детские...

Сергей Мирный. Хуже радиации (Повесть, рассказы). Харьков: Каравелла, 2001. С 54.

Невезение № 1:

1986 год. 30 апреля. Последний рабочий день перед майскими праздниками.

Мой приятель Сэм — старший научный сотрудник института медицинской радиологии, остроумный, живой и жизнелюбивый красавец бородач, единственный «дефект» которого (с точки зрения властей) заключался в 5-й графе («Национальность») анкеты, которую в СССР обязательно заполняли всякий раз при поступлении на работу, — Сэм возвращается-прилетает из Вильнюса, с научного конгресса домой, в родной Харьков. И из аэропорта заскакивает на такси на минутку на работу — бумаги оставить, чарку предпраздничную в родном коллективе хлопнуть...

И в эту-то «минуточку» его и берут — прям из родного коллектива. И уже на другом такси — даже не побывав дома — Сэм попадает в чернобыль. Сначала, правда, в хвойный лес под Харьковом, где осуществлялось — уже не учебное — развертывание...

В чернобыле они были 1 мая.

«Наша часть была первой регулярной частью, которая начала вытеснять оттуда разношерстные формирования гражданской обороны», — не без гордости сорвалось как-то у Сэма.

Сэм там (мне рассказывали) был украшением лагеря — бородатый, веселый, бывалый капитан-разведчик...

А «мерки разведки» были тогда совсем другие — не наши летние игрушечные, если в Лесу пешего, без броники Сэма только уровень 50 рентген в час остановил... В нем вообще эта черта очень сильно была развита — любознательность...

Невезуха № 2:

Экипаж Сэма получает задание, где в числе прочего — произвести разведку здания АЭС с юга.

Напомню: пролом 4-го — черная дыра провала — открыт на север, на Белоруссию.

А на юг смотрит невинно-белая стена длинню-ю-ющего и высокоущего здания «турбинного зала» («машинным» его еще называли) Чернобыльской атомной электрической станции.

Подъехали они под эту стену, как я понимаю, с востока, от восточного торца здания — от площади перед админкорпусом: это место во все времена было одним из самых отмытых, самых безопасных — согласно меркам, опять же, этого «каждого» времени...

Ну и поехали они под этой стеной, делая замеры, я думаю, метров через 100... Может, через 200...

Ну, и ничего особо выдающегося не находя — по майским стандартам, подчеркиваю...

Замер...

Замер...

Замер...

Работа как работа.

«Вылезая я на броник — мерять — уже на самом последнем диапазоне (в мае, похоже, он для них был и самым рабочим) — а стрелка за шкалу — *вылетает!* — да с такой силой! (Поясню: бывалый химик-разведчик уже по тому, с какой скоростью стрелка начинает движение по шкале, может определить, на какой отметке она остановится... А последний диапазон у ДП-5 — *это 200 рентген в час...*) И стрелка из него — **ВЫЛЕТАЕТ!** Я в броник — хоп! — люком хлоп!! — и: «ГОНИ!!!» Водила толковый попался... Ну, я вернулся в штаб, доложил...»

Нашли в штабе прибор с пределом 500 Р/ч.

В том месте зашкаливает. (Это уже без Сэма домеряли.)

Еле-еле где-то еще нашли на 1000 Р/ч.

Зашкаливает.

Через два дня привезли откуда-то с пределом ДО ТРЕХ ТЫСЯЧ РЕНТГЕН в час.

Полторы тысячи там оказалось...

«Сэм в тот день вернулся с разведки *зеленый*», — это уже слова другого моего приятеля, Жени...

И что, вы думаете, произошло в лагере? Вся наличная медицина Сэму бросилась помогать?

Ни хрена подобного! Сэм три дня объяснительные записки писал...

Как его туда занесло, да не было ли в том злого умысла, да не «самострел» ли он, да родственники не за границей ли, да не знаю еще что... Опять же, еврей...

Три дня все эти храбрые чекисты-кагебисты-бюрократы доблестно с него не слезали.

Вот так.

Грустная история. Продолжение еще грустнее. Даже не знаю, как писать. Потому что я помню Сэма здоровым, жизнерадостным, бородатым — *сочным* — человеком. И он еще какое-то время — меньше года, пожалуй — таким оставался. А внешне — ну, полежал в военном госпитале, это дело обычное... Ну, в своем же родном институте медрадиологии полежал — уже как пациент... Тоже, в общем, ничего особенного...

...Мне до сих пор стыдно — за молодость, глупость, неотесанность свою — как я Сэма — приблизительно в это же время, после чернобыля вскорости — приглашал в сауну (мы иногда до того одной компанией ходили, Сэм, собственно, и приобщил меня к этому здоровому делу).

Я приглашал, а он отнекивался, отказывался: «Да ты знаешь, я жару сейчас плохо переношу», как-то мягко, с неловкостью... А я — идиот! — настаивал: «Ну просто в предбаннике посидишь, с компанией пообщаешься...» — «Да чо ж просто под дверями сидеть», — грустно, по-стариковски усмехнулся Сэм.

И /оды должны были пройти, и сам я должен был кой-чего испытать, чтоб узнать — как оно, когда сегодня не можешь какого-то здорового славного дела, которое мог всегда... «Чего я буду в предбаннике сидеть»...

Не буду я дальше про Сэма писать.

Запомните и вы его таким.

Сочным. Ловким. Жизнерадостным.

ЗДОРОВЫМ.

...Старшим товарищем, о котором каждый может мечтать...

«Рентген» *(Пять лет спустя)*

— Вроде не гайморит...

— Это бодрит, — откликнулся я неожиданно в рифму.

— ...но лучше на всякий случай сделать снимок, — продолжил врач, мой приятель. — Рентген. Флюорография тут ничего не покажет. Сделаешь?

— Конечно.

Приятель выписал уже не обычное направление, время приема в рентгенкабинете давно закончилось, а записку с личной просьбой.

Дородная тетка — лаборант-рентгенолог:

— Знают же, что прием закончился, а присылают своих... Совести у них нет... Знают, что я никуда не денусь: не дай что-нибудь с моими случится — к ним же идти придется... — бурчала она, но больше так, для виду.

— Ну, одевай вот это, сынок.

Она обвязала вокруг моего пояса что-то вроде юбки — точнее, двух клеенчатых фартуков — один спереди, один сзади — тяжелые свинцовые пластины внутри.

— Ты еще молодой... Садись.

Такую ж конструкцию надевает мне на грудь и спину, узел на плече завязывает...

— Зачем вам, молодым, это лишнее облучение...

...хорошая такая добрая тетка-рентгенолог...

А я еле сдерживаюсь.

Мне — СМЕШНО.

МНЕ — смешно...

Ода врачам (*Десять лет спустя*)

*Медицинской Сестре Катерине Бондаренко и Доктору
Александру Осипову*

*(а также значительно менее замечательным доктору и
медсестре, которых я встретил в медпункте ОГ МО СССР в
Чернобыле в период своей «адаптации к радиации»)*

...О, сучьи врачи! Не знал я вашего белохалатного племени, не знал, какое наслаждение испытываете вы — часто неосознанно, — возвышаясь над ослабевшим сейчас человеком, запрещая ему (часто — навсегда!) есть, пить, делать то, что вам еще можно, в этот миг воспаряя над мелкостью и смертностью своей, над суетностью окольцевавших вас самих проблем, — Бессмертные Боги, знающие — или думающие, что знают, — названиетой хвори, которая точит человека, согласно замечательной советской традиции именуемого с момента пересечения порога, где он надеется найти помощь: «*больной*»... И ничем не могущие ему помочь, если, по-простому говоря, здоровья нет... И лишь немногие из вас — в силу особой человечности — или умелости — или усталости от потока стремящихся к ним *больных* — или от всего этого вместе — просто помогают такому ж усталому от работы человеку, как равный равному, вселяя в него уверенность в обоюдном мастерстве. «Ничо, выкрутимся и в этот раз» — орошая его здоровьем, которого и у самих-то не на два века...

И черпая из этого общения *силу жить*, которая важнее здоровья...

Которая и есть здоровье.

ЖИВАЯ СИЛА: Двадцать лет спустя, или Победители Чернобыля (Вместо эпилога)

Проездом в Киеве, узнал о Музее Чернобыля.

Нашел.

Зашел.

На кассе надпись:

Предъявил удостоверение. «Проходите, пожалуйста».

Приятно.

Хожу по музею. Чувствую себя немного экспонатом. Забавно...

Попадаю на группу с экскурсоводом — миловидной женщиной:

...Взрыв 4-го энергоблока Чернобыльской атомной электростанции, как вы знаете, не был взрывом ядерным. Энергоблок был разрушен паровым, химическим взрывом. Это случилось из-за недопустимого, катастрофического перегрева ядерного реактора, а этот перегрев возник из-за недостатков конструкции реактора и нарушения правил его безопасной эксплуатации. И то и то было совершенно недопустимым с точки зрения теперешних представлений о безопасности ядерной энергетики... Взрыв выбросил большое количество — десятки тонн! — высокорadioактивных материалов реактора в окружающую среду. А внутри разрушенного здания реактора оставшееся ядерное топливо расплавилось, и контролировать ядерные процессы в этой массе было почти невозможно. Во всяком случае, до Чернобыля таких задач никто не решал... И возникла опасность, что эта неуправляемая радиоактивная лава стечется в достаточно большую массу, эта масса станет *критической* — и пойдет ЦЕПНАЯ ЯДЕРНАЯ РЕАКЦИЯ. Произойдет новый взрыв. Не такой, как от бомбы — для этого критическую массу надо продержать вместе достаточно долго, — а просто взрыв от выделения огромного количества энергии уже на первых стадиях цепной реакции... От такого взрыва эта радиоактивная масса разлетелась бы вокруг (и это прекратило бы цепную реакцию), новые радиоактивные тонны поднялись бы в воздух, могли б упасть стены здания (крыши энергоблока уже не было)... А рядом еще три реактора Чернобыльской АЭС! — и неизвестно, какие разрушения этот новый взрыв мог бы им нанести... Трудно себе представить все последствия... Чтобы такой взрыв предотвратить, и чтоб затушить графит, горящий внутри взорвавшегося реактора (а графита в нем до взрыва было *1700 тонн!*), чтобы уменьшить идущие из руин радиоактивные выбросы, — по рекомендации ученых ее начали забрасывать сверху свинцом, бором, доломитом, песком, глиной... С вертолетов. *(Фотография: над черным зевом реактора зависла брюхатая стрекоза военного вертолета; от нее к пролому тянется косой пунктир полных мешков...)* А вот снимок *(фото поменьше, рядом)* одного из вертолетчиков, которые «бомбили» тогда реактор... Действиями пилотов, ученых, тысяч призванных к тому времени из запаса людей, работавших в зоне, на АЭС и у самого оголенного реактора, извергающего из себя каждый день огромные количества высокорadioактивных веществ, — на десятый день после взрыва, 6 мая 1986 года, опасность еще одного чернобыльского взрыва, который мог бы изменить карту Европы — да всего мира, наверно... в общем, *ЭТОГО удалось избежать*. После чего в зоне были развернуты широкомасштабные работы и сотни тысяч людей ликвидировали последствия взрыва еще несколько лет. Их усилиями удалось ущерб от этой аварии, и так громадный, все же ограничить, многие серьезные и долговременные опасности — предотвратить. Например, подземные воды остались чисты...

— А этот пилот, герой... — прошелестело из толпы. — Он, конечно... умер?

— Он тушит сейчас лесные пожары в Испании. Когда бывает в Киеве, заходит к нам в гости.

Посетители были безмерно удивлены.

Я — нет.

...С Колей, водителем нашего лихого 80-го броника разведки, мы встретились (надо ж такому случиться!) точно в 5-ю годовщину Чернобыля, 26 апреля 1991 года: группу нефтяников из Ахтырки (где Коля водит мощный грузовик-вездеход «Урал» с ремонтниками по линиям конденсаторов и нефтепроводов) привезли на профосмотр в Харьков именно в этот день... И как. раз открывалась международная выставка экологического плаката «4-й БЛОК» (сотни плакатов из тридцати с чем-то стран мира[67]), организованная ветеранами-чернобыльцами. В ее залах уже я был Колиным «водителем»... А он ходил с достоинством, как и подобает почетному гостю. Ему понравилось. А вечером мы собрались в теплой компании бывших разведчиков (многих из которых я не видел целых пять лет) у Андрея-замполита дома и, признаюсь, крепко «нарушили спортивный режим»...

Бывший замполит Андрей (один из героев рассказа «0,3 мР/ч. Лагерный фон» и других) стал вдобавок и физиком тоже бывшим: строительством сейчас зарабатывает. Крутится, как все.

Сергей — это тот лейтенант, который с бригадами на АЭС работал, химик-органик по мирной специальности, единственный доброволец в нашем батальоне радиационной разведки (рассказы «1 Р/ч.: Вкус радиации», «Шпиономания»), — Серега сейчас командует лабораторией оргсинтеза в фармацевтической компании в Бостоне, штат Массачусетс. В свободное от своих мирных химзабот время написал документальную повесть «Ликвидатор». Рекомендую[68].

Славик (рассказы «Удача...», «Впервые — ОТ», «Мой чернобыль, или Жизнь в миниатюре»), который был главным заправщиком броников разведки, а свои рентгены зарабатывать ездил на ночную разведку АЭС, Славик все эти годы мой хороший товарищ. В первую зиму после чернобыля, 1986/1987 годов (она была очень снежной), он меня заразил катанием на горных лыжах, он тогда начальствовал над трассой спуска на окраине Харькова. Когда я, переодевшись в избушке Славика, перед выходом на склон говорил: «Ну, я пошел бороться с горой» (они все так склон, трассу спуска называли — «гора»), Славик, ничего не говоря, шел к магнитофону... И я со свистом несся вниз по белому, искрящемуся снегу... А из серебристых рупоров над трассой — ярко, ударно, празднично — неслись мелодии группы «Modern Talking»

— *YOU CAN WIN — IF YOU WANT!* —

над серебристыми горизонтами на десятки километров вокруг... ХО-РО-ШО! А потом, уже в уютном тепле избушки Славы, в компании раскрасневшихся счастливых лиц — ужин, чай, а то и доброе винцо... А по весне я Славе добыл классный спортивно-туристский велосипед (это тогда был большой дефицит). Вот так мы с ним хобби обменялись. В «смутные» (как я их называю) времена середины 1990-х, когда всем приходилось трудновато, он много времени в разъездах проводил, зарабатывал с приятелями промышленным альпинизмом: высотные объекты — трубы, градирни, элеваторы — обследовал, ремонтировал, красил... Сейчас он опять «хозяин горы» — того же горнолыжного спуска в Харькове.

Женя (рассказы «Адаптация к радиации», «1500 рентген/час и Сэмова история») — «первый виденный мной облученный человек», как я тогда считал (на самом деле я их много видел в университете и раньше — физиков и химиков, — просто внимания не обращал: люди как люди — преподаватели,

профессора, научные сотрудники...), — Женя работает там же, в университете, в научно-исследовательском институте химии: научный сотрудник, диссертацию защитил.

Сэм... Сэм («Главный прибор», «10 рентген/час», «Баня», «1500 рентген/час и Сэмова история») — Сэм, напомним, был у АЭС среди первых разведчиков, в первые дни после взрыва — и крепко облучился там... Через несколько лет уехал в Израиль; говорили, там вроде хорошо умеют лечить лучевую болезнь... Уехал — и исчез: мертвая тишина. И когда я писал последний рассказ о нем, я думал... в общем, из рассказа понятно, что я думал.

А Сэм нашелся! Несколько лет назад, через общих знакомых! В Америке, в Калифорнии: в биотехнологической фирме продолжает биологией заниматься, биотесты для контроля здоровья разрабатывает; женился там — на нашей же... Так что теперь перезваниваемся иногда по телефону.

Художник Олег Векленко (это мой уже послечернобыльский друг, в его мастерской был написан первый черновик этой книги) был в Чернобыле в то же самое, первое после взрыва время, что и Сэм; ему тоже несладко там пришлось, как и многим первым чернобыльцам... Олег сейчас преподает в академии дизайна и искусств: профессор, завкафедрой, заслуженный деятель искусств... Международную выставку-триеннале экоплаката «4-й БЛОК» на себе тянет — председатель оргкомитета. И остается при этом лукавым, «креативным» — сейчас уже, впрочем, чаще ироничным, чем просто бесшабашно-веселым, — художником-дизайнером...

Список, как говорится, можно продолжить... И, честно говоря, очень хочется проехаться по городам и весям, по адресам из моего рабочего чернобыльского блокнота... Не хватает, как всегда, времени. Да и повода какого-то значительного, что ли.

Сам я после Чернобыля переквалифицировался в специалиста по «наукам и политике в области окружающей среды» — официальное название факультета в еще одном (Центрально-Европейском, в Будапеште) университете, который мне пришлось закончить, чтобы разобраться с нашими непростыми чернобыльскими впечатлениями. Написал книгу о состоянии здоровья ветеранов Чернобыля^[69] (на казенную медицину ни тогда, ни сейчас надежды никакой) и еще работы о Чернобыле и современных катастрофах, где обратил внимание на очень существенные «мелочи», которые обычно ускользают от внимания исследователей, мало знающих такие события лично. Вместе с коллегами из разных стран мира теперь изучаем, используем опыт Чернобыля, чтобы лучше понимать катастрофы и многие другие современные проблемы, чтоб быстрее, эффективней и безопасней последствия их ликвидировать, а то и вообще не допускать...

А на вопросы о своем здоровье вместо уклончиво-шутливого раньше «Спасибо, эксперимент еще продолжается», я теперь уверенно, честно — и медицински грамотно — отвечаю:

— Здоровье? В пределах возрастной нормы.

Вопрос дозы: Университет(Вместо коды)

Памяти Марка Самойловича Новаковского

доцента кафедры неорганической химии

Харьковского университета

Год 1975-й. До взрыва на Чернобыльской АЭС — 11 лет. О чем никто знать не может.

1 сентября. «День знаний» — первый день учебного года.

Моя самая первая лекция в университете. По моей будущей специальности — химии.

Между окном и черной доской (по сравнению со школьной она непривычно узкая и длинная) за трибуной-кафедрой стоит низенький лектор — пожилой, одутловатый, в видавшем виды пиджаке:

— Что такое для вас химия?

В залитой солнцем аудитории почти все — вчерашние школьники. Тишина. Призадумались...

Сразу несколько ребят:

— Взрывы!

«Смех в зале».

Девушка, шутя же, возражает:

— Нет, яды!

«В зале» — хохот. Первый хохот вчерашней абитуры, а сегодня уже полноправных студентов: мы прошли, мы поступили, мы тут учимся, мы тут можем смеяться и даже шутить!

Лектор — размеренным голосом:

— Взрыв — это химическая реакция, идущая с *очень большой* скоростью... Вы узнаете, какие факторы влияют на скорость реакций, и научитесь ею управлять...

За окном сентябрьское многоцветье доживающей свой век листвы. Доцент смотрит за окно, потом — в аудиторию. Мы — его последний курс, и — здравствуй, пенсия... Продолжает:

— ...А вопрос о ядах в химии — это вопрос дозы. Съешьте пачку обычной соли — и вы отравитесь. А ядом мышьяком в малых дозах пользуются как лекарством. Другой известный яд — стрихнин — применялся когда-то как допинг (в очень малых дозах, конечно). В научной литературе описан иной случай: женщина выпила свежий морковный сок — два стакана — и отравилась этим полезнейшим напитком. Насмерть... Ее не очень здоровая печень не выдержала такой витаминной нагрузки... Так что все решает доза. И хорошего, и плохого. Точнее, доза определяет, когда хорошее переходит в плохое — и наоборот, «плохое» становится полезным...

Он оглядывает аудиторию:

— *Вопрос ДОЗЫ.*

...За окном, очищая места для будущих, после зимы, салатных почечек, слетают разноцветные, отжившие свой век листья и, тихо шурша, присоединяются к своим отлетевшим раньше собратьям, входя в новый круг вечнодвижущейся природы...

ВМЕСТО ПРИЛОЖЕНИЯ

*Знаний, как и денег, нужно иметь много — иначе все равно не
хватит.*

Бабушка Эдит Пиаф

Сила живого: Радиация — дозы, эффекты, восприятие (Таблица с примечанием, комментарием и дополнением)

Действие радиации, как и действие высокой температуры, механического удара, зависит от проникающей в организм энергии — ее дозы.

(глава «Дорога от Чернобыля»)

Эпиграф к рассказу «Король вопросов, или Зачем нужны радиационные карты»

Радиации никто у нас не боится, считается, что от нее умереть мы не успеем.

Михаил Жванецкий. Собр. произв. в 4 т. Г. 4.

Девяностые. Москва: Время, 2001. С. 281.

Таблица

КЛИНИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ОСТРОГО (=КРАТКОВРЕМЕННОГО) ГАММА-ОБЛУЧЕНИЯ, РАВНОМЕРНОГО ПО ВСЕМУ ТЕЛУ ЧЕЛОВЕКА

Доза облучения, рентген	Эффект
700 и более	Смертность — 100%
600	Смертность — 90% за 14 суток
350	Смертность — 50% за 30 суток
150	Смертность — 5%; «лучевое похмелье»* — 50%
100	Тошнота, рвота, вялость во всем теле, значительное снижение количества лимфоцитов
50	Временное снижение количества лимфоцитов
25 и менее	Не обнаруживаются клинических симптомов
* Отравление организма продуктами взаимодействия излучения с организмом. Похоже на алкогольное похмелье.	

ПРИМЕЧАНИЕ

Таблица из книги Ю.В. Сивинцева «Насколько опасно облучение: Радиация и человек» (2-е изд., перераб. и доп. Москва: ИздАТ, 1991. С. 47–48) приведена в сокращенном виде, с отредактированными заглавиями. В исходной таблице доза облучения выражена в бэрах и распространена на все виды

облучения. Для простоты и наглядности я ограничился только гамма-излучением, для которого 1 бэр (биологический эквивалент рентгена) приблизительно [70] равноценен 1 рентгену того «окончательного» количества излучения, которое сквозь наружные защиты (свинцовые пластины, броню, стены дома;...) прошло и попало в («воздействовало на») тело, организм человека.

Исходная таблица включает также такие дозы и их эффекты:

— «300–500 Р *локального облучения* гонад (яичек) — бесплодие на всю жизнь». Это небесспорно. Сейчас принято считать, что при дозе 350 Р у мужчин возникает временная стерильность (отсутствие сперматозоидов в сперме). Любопытно, что, в отличие от широко распространенного мнения, чем младше возраст на момент облучения — тем больше шансов на восстановление продуцирования организмом сперматозоидов (при одной и той же дозе, разумеется). А полностью и навсегда сперматозоиды исчезают только при дозе 550 Р — при тяжелой форме лучевой болезни;

— «300–500 Р *локального облучения* кожи — выпадение волос и краснота кожи»;

— «200 Р — снижение количества лимфоцитов на долгое время [первые 2–3 недели после облучения]». Оно отличается от указанного в таблице выше, вызываемого дозой в 50 Р «временного [на несколько дней — неделю] снижения количества лимфоцитов».

Подробнее обо всем этом рекомендую смотреть:

— Основы медицинской радиобиологии. Под ред. И.Б. Ушакова. СПб.: Фолиант, 2004.

— Жербин Е.А., Чухловин А.Б. Радиационная гематология. М.: Медицина, 1989.

Отдельно об острой лучевой болезни (ОЛБ), о которой столько довелось всем слышать в связи с радиацией и Чернобылем. ОЛБ, собственно, уже отражена в таблице, но ввиду ее важности для темы приведу отдельно перепроверенные по разным источникам наиновейшие данные о тех дозах, которые приводят к острой лучевой болезни:

Доза облучения*, рентген	Степень тяжести острой лучевой болезни (ОЛБ)
500 и более	Крайне тяжелая форма
400—500 Р	Тяжелая форма
200—400 Р	Средняя форма
100—200 Р	Легкая форма
* Кратковременного гамма-облучения, равномерного по всему телу человека, — как и в первой таблице.	

Судите сами, насколько далеко или близко от границ таких доз действовали люди, о которых я тут рассказал.

КОММЕНТАРИЙ

Радиация — то есть ионизирующее излучение — передает *энергию*.

И этим она подобна механической энергии, теплу (тепловой энергии) или свету (световой энергии).

Со своей спецификой, как и все остальные виды, но радиация тоже передает организму *энергию*.

И воздействие радиационного облучения на организм зависит — как и для тепла, света (например, солнечного), механического давления, удара — от количества и особенностей силы, которая действует на организм.

Поэтому в каком-то диапазоне доз ионизирующей радиации — уже больше обычных, природных, но еще не очень больших — облучение приводит лишь к незначительным повреждениям организма, которые он в состоянии заживить, особенно если ему в этом помочь (или хотя б не мешать). И в этом смысле травма радиационная ничем не отличается от травм обыкновенных — от удара, падения, от прикосновения к горячему, от слишком долгого загорания на солнце.

А дозы, меньше травмирующих, хоть и выше обычных, природных, как известно, бывают даже полезны. Ведь полезно же, скажем, позагорать, или погреться иногда в теплой (а то и просто горячей) ванне, хорошо попотеть в сауне (где температура воздуха бывает и за 100 градусов Цельсия)... Или полезен (а многих людей так просто вылечил) массаж: «механическое воздействие на организм через его кожу, мышцы, осуществляемое рукой или специальным аппаратом»... Почему радиация должна быть исключением? Она и не есть: например, уже не один век радоновыми ваннами лечатся, и с заметной пользой, а их важная составная часть — газ радон — радиоактивна... Так что

вопрос о вредности-полезности радиации —

это тоже ВОПРОС ДОЗЫ.

Ученые-радиобиологи ту же мысль выражают чуть мудрёней, но четче:

Согласно общебиологическому правилу Арндта-Шульце, небольшие отклонения некоторых факторов окружающей среды за пределы нормы мобилизуют резервы организма, вызывая неспецифическую положительную реакцию на слабое воздействие. Ионизирующая радиация в диапазоне низких доз и мощностей воздействует положительно, как и любой другой неспецифический стресс-фактор.

Такой положительный эффект — он называется гормезис — экспериментально установлен для действия небольших доз ионизирующей радиации на живые организмы — растения (достаточно давно) и лабораторных мышей (сравнительно недавно). *Радиационный гормезис* — благоприятное действие ионизирующей радиации при низких уровнях облучения — признан Научным комитетом по действию атомной радиации, при ООН как общебиологическое явление в специальном докладе [\[71\]](#).

ДОПОЛНЕНИЕ

«А как же альфа- и бета-облучение? Радионуклиды?! Внутреннее облучение?!» — спросит иной озадаченный читатель.

Множество видов и способов воздействия всего того, что обычно объединяют словом «радиация», на живой организм действительно может озадачить (и, увы, крепко, а иногда и совершенно безнадежно озадачивает-таки) неподготовленные умы, но *принцип*, определяющий результат этого воздействия, все равно один и тот же. Ибо он универсальный, общий для всех вообще видов энергии и всех других потенциально вредных/ полезных воздействий на организм (например, ядов: смотри рассказ «Вопрос дозы: Университет»):

Эффект воздействия определяется

величиной его ДОЗЫ.

Само собой, количественные значения, величины доз, соответствующие эффектам гарантированно полезным и вредным, для разных видов облучения разные.

При достаточно больших дозах результатом может быть и смерть. Но в современном мире (упаси нас всех от ядерных — а тем более еще более жутких термоядерных! — ударов, пусть даже и превентивных... не говоря уж о ядерных-термоядерных войнах), в современном пока еще мирном мире такие смертельно большие дозы радиации можно получить только в редчайших, исключительнейших случаях — при особо крупном, просто-таки фантастическом невезении [\[72\]](#).

Дозы радиации поменьше, в реальности тоже крайне маловероятные и редко получаемые, организм травмируют, но заживляемо.

А совсем маленькие дозы на здоровье влияют минимально (причем могут и в плохую, и в хорошую стороны) или вообще никак.

Деталей тут много [\[73\]](#), говорить о них можно долго, но общий вывод тот же:

Организм человека способен мощно противодействовать различным видам радиационного воздействия и заживлять повреждения от них.

Не произнося никаких красивых слов, наше тело молча и упорно борется за здоровье и жизнь, применяя для этого изощреннейшие, замечательнейшие способы.

О которых мы обычно и понятия не имеем.

Один, но очень яркий пример.

Одно время появились сообщения, что если человеку попадет в легкие «горячая» частичка пыли (то есть такая, в которой есть хотя бы один-единственный атом радиоактивного плутония, который образовывался в черномыльском реакторе, пока тот работал), это неизбежно приведет к раку легкого. От одного-единственного атома плутония в легких человек обязательно должен окочуриться, согласно этому мнению.

По моим представлениям участника черномыльских событий, хотя б одну такую «горячую» частицу мы не могли не вдохнуть за месяцы работы в зоне и пребывания в лагере (в котором все ходили без респираторов — нельзя ж в них круглые сутки быть — спать, есть! — а уровень радиации в лагере был хоть и небольшой, но все ж раз в двадцать выше природного, дочерномыльского)... То есть, скорей всего, вдохнул такую частицу и я, и мои черномыльские друзья-приятели...

С понятной заинтересованностью начал прислушиваться к себе, приглядываться к друзьям-черномыльцам... Жду среди себя и себе подобных «полной и всеобщей смертности от одной-единственной «горячей» частицы плутония»...

Мы упорно живы, читатель. Вот уже больше двух десятков лет. Работаем, любим, ходим в горы, отдыхаем на море... В общем, живем.

Логичная на первый взгляд «100 %-смертная теория» не учла, что эти неприятные частицы с плутоном (и прочая вылетевшая из реактора дрянь) соприкоснулись не с мертвым, инертным, пассивным материалом, а с *живым*. Которое — хотим мы этого или даже не очень — ежесекундно борется за свою жизнь против тысяч разных вредных воздействий окружающей среды.

Предлагаю на примере «100 %-ной смертности от попадания в легкие одной-единственной «горячей» частицы плутония» совместно восхититься совершенством нашего дизайна.

Во-первых, оказалось, что чем частица крупнее — а значит, опаснее (так как может содержать большее число радиоактивных атомов), тем труднее ей попасть в глубину легкого: более крупные частицы быстрее прилипают к стенкам ближних крупных воздухоподводящих путей-«трубок» — трахеи и бронхов.

(Напомню, что еще более крупные частицы задерживаются носоглоткой; смотри рассказ «Без респиратора».)

Во-вторых, эти самые дыхательные пути — трахея, крупные, мелкие и средние бронхи и бронхиолы — это не просто гладкие трубы, по которым движется воздух. Их внутренняя поверхность выстлана микроскопическими ворсинками-ресничками. Эти ворсинки-реснички слаженно поднимаются и опускаются: вверх-вниз, вверх-вниз... И гонят таким образом по своей поверхности волну: из глубины легких наружу. И на гребне этой волны, перебрасывая с ворсинки на ворсинку, выносят, выносят — прочь, прочь из легких! — все постороннее. И за 30–40 часов удаляют из легких непотребную пылевую нечисть[74].

А та плутониевая и прочая мелочь, что все-таки может в легких задержаться (это не исключено), осесть на одном месте, облучает ближайшие клетки настолько сильно, что просто их убивает. Убивает все клетки подряд — и здоровые, и (что очень существенно!) те, которые из-за облучения от этой же «горячей» частицы изменились, выродились, мутировали в раковые. И, убивая эти переродившиеся клетки, «горячая частица» сама же не дает развиваться раку. И постепенно, по мере распада «горячих» (радиоактивных) атомов в ней, она теряет свою «горячесть»-опасность.

Но что, если вся вышеописанная последовательность защит не сработает? Это маловероятно, но возможно. Например, совсем крохотная «горячая» радиоактивная частица закрепится где-то в глубине легкого и там клетку повредит, а убить ее не сможет. Дефектная клетка пошла делиться-размножаться — и рак легкого гарантирован, не так ли?

Отнюдь. В работу вступают новые, еще более тонкие, прицельные и изощренные механизмы защиты — уже на клеточном уровне. Первая линия такой защиты — ремонтная: организм распознает дефект и чинит его, делает клетку снова здоровой, нормальной. Он, кстати, постоянно и очень интенсивно этим занимается, так что в ремонте пораженной радиацией (или чем бы то ни было) клетки для него нет ничего необычного, это его постоянная работа.

А если по каким-то причинам отремонтировать клетку не удастся (слишком тяжелое повреждение), в организме есть еще одна линия защиты, которую можно назвать «санитарной»: неисправимо-дефектную клетку организм ликвидирует — убивает и удаляет...

Пробьет или не пробьет вредный фактор эту оборону, глубоко эшелонированную (т. е. имеющую много линий защиты), гибкую и мощную одновременно, зависит от баланса сил, от соотношения количества радиации (ее дозы) и защитных ресурсов организма. (Посему, например, искушать судьбу без респиратора на высокорadioактивных местах не советую.)

В общем, не знаю, как вас, а меня глубоко радует простой факт:

Мы — ЖИВЫЕ.

«500 рентген в час», или Развесистый клевер (Вместо фейлетона)

Души двух чернобыльцев встречаются на небесах.

— Ты от чего умер?

— От радиации. А ты?

— От информации.

Анекдот первых месяцев чернобыля

...страшно интересно было: читать о чернобыле — и быть в чернобыле... Я на будущее научился восстанавливать, что на самом деле происходит, по тому, что об этом в газетах пишут...

ОЧЕНЬ ПОЛЕЗНЫЙ НАВЫК ОКАЗАЛСЯ...

Сергей Мирный. Из рассказа «Газеты»

(глава «Развлечения»)

НАДОЕЛО читать чушь, напечатанную на роскошной глянцевой бумаге.

Сергей Мирный. Хуже радиации (Повесть, рассказы). Харьков: Каравелла, 2001. С. 54.

«Так сколько там лет прошло после Чернобыля? Восемнадцать?» — бодро вопрошает журналист уважаемого еженедельника «Ньюсуик»^[75], излагая... извините, излагая... свой вояж на юг Беларуси. Пишет, как из БРДМа радиационной разведки по рации передает: «На подъезде к городку Ясень проезжаем мимо предупреждающего знака с ярко-красным символом, похожим на клевер, — «Радиационная опасность»... Вот показалось село Дуброванное — или скорее то, что от него осталось...»

Где ж оно, это белорусское село Дуброванное? Нигде на картах не нахожу — небольшое, наверно... А Ясень есть. Он больше чем на две сотни километров на северо-запад от АЭС... Ладно. Читаю дальше...

«Через несколько часов во рту становится сухо, начинает болеть голова. Не слышно птичьих голосов, стоит невообразимая, жуткая тишина...» Жуть-то какая, братцы, в этой клевероопасной местности!..

Корреспондент продлажае... извините, продолжает: «Дозиметр показывает 10 рентген в час...»

...Ась? Мы с вами не ослышались, читатель? Не «овиделись», то есть? «10 рентген в час»?! Через 18 лет после аварии — и от АЭС за две сотни километров?! Ведь местечки с 10 Р/ч. *почти сразу после взрыва и у самой АЭС* поискать нужно было (смотрите рассказ «10 рентген/час»)! А со временем количество радиоактивного вещества на местности уменьшалось, уровни падали (рассказ «Чернобыльские Гималаи: Радиационный рельеф»)... И вдруг — *ДЕСЯТЬ РЕНТГЕН В ЧАС?!?! Да он описался, наверное!* (Я имею в виду — описАлся...)

А может, там и вправду, в Дуброванном?... Страшно сказать... Считаем быстренько: 700 рентген (это смертельная доза) — 700 Р делим на 10 Р/ч., получаем 70... Семьдесят часов — трое суток — в жутком этом Дуброванном — и ку-ку: смерть от ОЛБ, острой лучевой болезни, гарантирована... И они там живут????!!.. *ГОДАМИ???? Да сколько ж тогда там, в этом Дуброванном???*

Не буду тебя мучить, читатель: там *МИКРО-!* Там 10 *МИКРО*рентген (миллионных долей рентгена!) в час! *То есть нормальный, природный, дочернобыльский уровень радиации этой местности!*

Нормальный фон в белорусском Дуброванном, «где птицы не поют» (от изумления, наверно, в «Ньюсуик» от июня 21, года 2004, страницу 40 прочитав, дар речи потеряли!). В селе, где поджаренные (*радиацией!*) утки совсем уж низко над головой летают (*от радиации же — больны!*). А клевер такой развесистый — ну прям сил никаких нет... На нем эти утки гнезда-то и выют. Рядом с птичками молчаливыми. Эти, в отличие от уток жареных, не размножаются... Грустят.

10 МИКРОрентген в час. Другому там нечему просто быть [\[76\]](#).

Применяя известную нам *методику оценки степени сказочности текста* («Вместо введения» и «15 миллирентген в час»: Большая Брехня, или Только «Правда»), делим то, что пишут, на то, что есть на самом деле, и получаем:

1 000 000

Миллион.

«Коэффициент искажения реальности» — *МИЛЛИОН.*

Газета «Правда» — главный сказочник советских времен — со своими *ста тысячами* жалкими отдыхает...

Гиперсказка! Во! Она же — обычная, рядовая такая статейка о Чернобыле, о радиации...

Не верите?

Пожалуйста:

Специализированное издание — бюллетень *WISE*[\[77\]](#) — международной Службы информации по ядерным вопросам: «В Челябинской области... на мосту свердловской автотрассы на высоте 15 метров над рекой Теча (загрязненной радиоактивными сбросами химкомбината «Маяк» в Кыштыме *за полвека до появления статьи в бюллетене*) уровень радиации составляет 500 рентген в час...»

500 рентген в час!!!???? И автомашины ездят, люди ходят?... Да часик с небольшим на этом мосту *WISE*шном — и ку-ку — кукушка поет охрипшим от радиации голосом... то есть, наоборот, перестает это делать — дар речи теряет...

«...500 рентген в час, что в 10 раз превышает допустимый уровень...» Ф-фу-у-уххх... Выдох-вдо-о-ох... выдох-вдох... Восстанавливаем дыхание... Вытираем со лба испарину. Переходим к водным процедурам: водицу холодную пьем... Все обошлось, читатель. Сейчас объясню... Ф-фу-у-уххх...

Допустимый по санитарно-гигиеническим нормам уровень радиации — 50 *микрорентген* в час. (Белорусы в Дуброванном, к слову, проживают на гамма-уровне *в пять раз ниже допустимого.*)

А на мосту через Течу, значит, на самом деле 500 микрорентген в час.

Что, согласитесь, несколько меньше против первоначально заявленной цифры.

А именно — *в миллион раз.*

«Коэффициент искажения реальности» —

1 000 000

Обычный.

Стабильность результатов впечатляет.

Особо обращаю внимание:

Если в советские «правдивые» времена средства массовой (дез)информации уровни радиации в сказочное число раз *занижали*, то современные СМ(Д)И их уже в *ГИПЕР*сказочное число раз *ЗАВЫШАЮТ*.

Так вот, если раньше, в сов-«правдивые» времена, в сообщениях прессы «камни начинали светиться, оживать и вещать человеческими голосами», то теперь, во времена новые, сов-(совсем)свободные — все наоборот:

Живые, очень даже приятные во всех отношениях люди тускнеют, мертвеют и буквально на глазах (где за час, где за трое суток — это уж как журналист полагает... пожелает, хотел я сказать) — живые нормальные люди на глазах превращаются в камни... надгробные. В таких вот «средствах массовой...».

«Но ведь мы живем в век информации визуальной! — скажете вы. — Кто эту скучную цифирь читает?» Не переживайте, тут-то как раз и открываются новые, гипер-супер-пупер... слов не подберу... в общем, очень большие дополнительные возможности. Например:

Экологический журнал «*ORION*»^[78], «информированный возрастающим экологическим сознанием и необходимостью перемен в нашей культуре» (так в его программном заявлении написано). Фотография:

Ясный летний день. Два марсианских существа, в скафандрах серебристых и блестящих, с дозиметрами склонились над кошелкой бабушки. Подпись: «На железнодорожной станции в 50 километрах от Чернобыля белорусские солдаты проверяют помидоры, привезенные из Украины». И поскольку солдаты эти марсианские летним жарким днем ни с того ни с сего в скафандрах парятся (зимой еще можно было б подумать: замерзли, мол, солдатики в шинелишках худых — в скафандрах греются), поскольку они жарким летним днем в скафандрах космических преют, то эта картинка, ничего словесно и цифирно вроде б не утверждая, тем не менее мощно вопиёт: «Помидоры эти бабушкины краснобокие — отравы смертельная! А сама она, хоть и на вид симпатичная и здоровьем вроде б пышущая, — призрак, фантом, чернобыльское привидение: могильный холмик с покосившимся крестом, вот что она такое...»

Какой тут коэффициент искажения реальности? Обычный — миллион?...

...Освежим наше восприятие, что такое «миллион раз».

Это если б вам доктор вместо таблетки в 1 (один) грамм (грамм) — «после еды... запить... полегчает» — ошибочно выписал бы... не-е-ет, не килограммовый кус (это всего лишь в *тысячу раз* ошибка вышла б), а тонну — ТОННУ! — тонну этого самого разлекарственного вещества: «запить»... А заглотнете? А если вы вдруг такой здоровый, что заглотнете, то «полегчает»?!

А вот *МЕГА*тонны информационного говна мы глотаем и кушаем. И ничо — не рвет... До поры до времени. Проносит...

Я имею в виду — ответственности авторы такого «продукта» никакой не несут^[79]. За то, что вот такая массовая, с позволения сказать, «информация» убивает и калечит людей, поселки, местности, да даже страны целые, Беларусь ту же — не хуже радиации...

При миллионнократном искажении реальности, как уже говорилось в рассказе «Чернобыльские Гималаи», километр ничем не отличается от миллиметра. И обычный человек, например, сделав несколько сот шагов, самых обычных, 75-сантиметровых... доходит от Земли до Луны: 384 тысячи 500 километров. А в чем проблема? Если у нас тут камни оживают на каждом шагу, птицы от радиации хрипнут, а клевер развесистый да колосистый...

Вот в таком фантастическом мире, дорогой читатель, фантастическом в смысле радиации, ее уровней, доз, эффектов и вообще всего, что с радиацией связано, вот в каком фантастическом мире мы, делая очень

серьезные лица, живем уже почти четверть века после Чернобыля — пешком гуляя на Луну, легко глотая за раз тонны, читая сообщения СМИ о Чернобыле и радиации...

Подчеркну ОСОБО: я цитировал респектабельный «*Newsweek*», специализированное «*WISE Communiqий*», добротный и даже элитарный экологический «*ORION*». А представляете, что о чернобыле и радиации мелет желтая, серая и прочая мышинового цвета и качества пресса?... Которую читают миллионы людей (и от детей никто ж такие статьи не прячет...), миллиарды читают, наверно...

А интересно, вообще в мире грамотных миллиард есть?...

Радиационно грамотных — так точно нет: десятка три радиационных разведчиков, еще несколько — толковых ученых-спецов...

Да теперь еще ты, читатель.

«Чернобыля не было», или Чудеса 3-го рода (Вместо полемической статьи)

У Иосифа Сталина как-то спросили:

— Какой уклон хуже — левый или правый?

— ОБА ХУЖЕ.

Исторический факт

Мало знать — надо чувствовать.

Знания крайне важны.

Но сами знания — ничто: нужно понимание.

Эпиграфы к рассказам «Племя аборигенов» и

«Незрячие и слон»

(глава «Чернобыльские эскимосы»)

Невероятно, но...

Впрочем, «невероятное» в вопросах, связанных с радиацией и Чернобылем, такая скучная обыденность... Какое б слово поточнее найти?...

«Это за пределами НЕвероятного...»

Тоже как-то невыразительно... Похоже, и слов таких нет, чтоб чернобыльскую фантастическую реальность описывать...

В общем, оказывается, бывают чудеса почудесней развесистого клевера и стай поджаренных радиацией уток! Куда там писателям-фантастам и современным СМИ!

Невообразимые эти чудеса, новые и не-новые одновременно, устойчивы сверхсказочно: длятся не секунды, не минуты, не дни-месяцы и даже не годы, *а два десятилетия!* Крепкие, настоящие чудеса невероятности!..

То есть чудеса за пределами НЕвероятности, хотел я сказать.

«Чудесами 3-го рода» назовем их.

Чтобы не путать с:

— чудесами 1-го рода, имени газеты «Правда», реальность в *100 тысяч раз* уменьшающими («радиации от Чернобыля никакой не было вообще»), и

— чудесами 2-го рода, имени «жареных радиацией уток и развесистого клевера»; эти реальность уже в *МИЛЛИОН раз* преувеличивают: «чернобыльская радиация везде, ее до фи́га и даже больше, от нее все уже померли или вот-вот окочурятся».

Чудеса 3-го рода — еще фантастичнее!

Оказывается, Чернобыльской катастрофы... *НЕ БЫЛО!*

Да. Не было. Вообще.

Вот так.

...Быстренько прикидываем: если число 1 («событие было, вероятность его равна единице») разделить на число 0 («события не было, его вероятность нуль») — для таких фантастических операций школьной арифметики уже не хватает, приходится высшую математику привлекать^[80], - то получим коэффициент искажения реальности величиной в...

БЕС-КО-НЕЧ-НОСТЬ!

Дух захватывает! Более невероятного ничего в принципе быть не может!.. Ибо бесконечность, по определению, «есть число, которое больше любого сколь угодно большого числа»... Фантастически фантастическая фантастичность! Средний человек от изумления улетает за пределы Вселенной (которых вроде бы нет... но это уже неважно). Несредний тоже — при таких коэффициентах индивидуальные различия стираются...

Нет, тут надо дух перевести...

«То есть да, конечно (*говорят специалисты по фантастически фантастическим чудесам 3-го рода*), был взрыв на 4-м реакторе Чернобыльской АЭС, и радиация попала в окружающую среду, и из-за этого люди получили дозы облучения... (*А в вопросах радиации кудесники 3-го рода подкованы обычно выше среднего, представляют, где ее сколько и как облучение на организм живого человека на самом деле действует.*) Но (*продолжают они*) поскольку ИМЕННО от чернобыльской радиации, ИМЕННО от смертельных ее доз «достоверно умерло» совсем небольшое количество людей (по последним наиуточненнейшим данным^[81], «около 60 человек: 28 пожарных и работников АЭС от острой лучевой болезни сразу и еще 19 потом, да 9 детей от рака щитовидной железы»), а на физическое здоровье всех остальных облученных (*...миллионов людей, добавлю от себя*) те небольшие дозы, что они получили, негативно повлиять не могли («а то и повлияли положительно!»), то не было никакой Чернобыльской катастрофы. А была Чернобыльская авария — прискорбная, конечно, но не такая уж и значительная, бывают промышленные аварии с куда большим количеством жертв...»

В этом месте экстра-гипер-супер-пупер-специалисты-кудесники 3-го рода обычно пренебрежительно кривятся и добавляют: «Ох уж эти необоснованные страхи ничего не понимающего в радиации населения...»^[82]. (Один из родоначальников жанра чернобыльской сказки 3-го рода, крепкий ядерщик-профессионал, не стеснясь, сказал в самый разгар бедствия, когда реактор стоял еще открыт, а горе и страх держали сотни тысяч людей за горло круглые сутки, профессионал по использованию радиоактивного распада заявил: «Такие аварии, как чернобыльская, атомная энергетика может переносить хоть по три в год...»^[83]).

Лукавые гипер-пупер-сказители 3-го рода «формально-логично» рассуждают так:

Действие 2-е: «Чернобыльская авария — радиационная». Согласен, чернобыльской радиации было изрядно. Сам мерял, нюхал, видел...

Действие 2-е: «Радиационное облучение, которое люди получили из-за Чернобыля, повлияло на их здоровье намного меньше, чем это принято считать»^[84]. Согласен, сам с товарищами-разведчиками — живое подтверждение...

Действие 3-е, решающее: «Поскольку воздействие полученных доз чернобыльской радиации на здоровье сравнительно невелико, то Чернобыль — никакая не катастрофа!.. Так, инцидентик...»

КАТЕГОРИЧЕСКИ НЕ СОГЛАСЕН.

По очень простой — и для меня очевидной — причине:

Не укладывается реальное событие Чернобыль в рамки такой вот простенькой задачки для второго класса начальной школы.

Задаю факирам 3-го рода несколько простых вопросов:

— А скажите, пожалуйста, те люди, которые погибли и покалечились на дорогах зоны во время работ по ликвидации последствий взрыва (а аварий на трассах зоны, перенасыщенной тяжелой техникой и людьми (причем нервничающими и спешащими), было полно: по дороге на работу и с работы почти каждый день видим — то бетоновоз огромный в кювете валяется, то автобус искореженный...), так вот, жертвы всех этих автокатастроф — это как, последствия чернобыльского «инцидентика»? Или это люди просто так приехали по зоне покататься, свеженькой радиацией подышать, в лучах ее погреться, короче, здоровье подправить, благо такой случай счастливый представился? А военные робы и спецовки всех мастей — это они просто так, для смеху надели, вместо пижам санаторных?

Категорически НЕТ: вряд ли вся эта огромная масса людей несколько лет в чернобыльской зоне разъезжала и работала вне всякой связи с «чернобыльским инцидентиком»... И пусть дозы облучения покалечившихся и погибших на дорогах (а еще ж была масса несчастных случаев во время самих работ по ликвидации последствий взрыва — колоссального, никогда ранее не виданного фронта работ!), пусть эти дозы и их эффекты как угодно незначительно небольшие — какое это имеет значение? Не их величина определяет этот печальный автодорожный и производственный травматизм и смертность. Но что потери здоровья и жизней из-за всех этих (вероятно, тысяч) несчастных случаев — это результаты, последствия чернобыльского взрыва, у меня лично сомнений не вызывает.

Другой простенький вопрос:

— А скажите, те сотни тысяч (более конкретно — *более 350 тысяч*) чернобыльского до-аварий-местного населения, которые лишились своего дома родного, имущества, родины, работы и образа жизни привычных, они как, от этого катастрофического жизненного потрясения поздоровели? Хотя дозы радиации, которые они получили, и считаются неопасными, при чем тут радиация, если у трети с лишком миллиона людей отобрали столько всего нужнейшего для нормальной жизни, для здоровья? Отрезали их от всего этого? Или, может, все эти процедуры — для здоровья сотен тысяч людей, населявших огромную территорию, малополезные (с чем вроде бы все уже согласны) — произошли не в результате известного события на Чернобыльской АЭС?

Третий простенький вопрос:

— А неразрешимые (не разрешимые для обычного человека — не спеца по радиации, которых считанные сотни на всю планету Земля) тревоги и волнения, что съедали и продолжают грызть — *ЕЖЕДНЕВНО! — ДЕСЯТКИ ЛЕТ!* — этих 350 000 (триста пятьдесят тысяч человек) переселенных? Тревоги и волнения о здоровье своих детей, своих родных и близких, о своем личном здоровье — такой вот скромный букетик радостей цветущих, что им взрыв 4-го реактора Чернобыльской АЭС преподнес, они как, к «инциденту» отношение имеют или нет? И приплюсуйте сюда еще пять миллионов (5 000 000) людей, по сей день живущих на земле, которая считается смертельно опасной настолько, что у залетных визитеров-корреспондентов сразу ж «во рту пересыхает», «слух пропадает» и «голова разваливается» (до полной «дементии»-слабоумия и несварения мозга, судя по текстам, которые они из себя опосля извергают). Или тревоги и горести живущих на такой «зоне»-земле людей, числом равных населению средней европейской страны, — это так, от излишней мнительности, «от нечего делать» и полного беспроблемья? И на всех на них... кстати, сюда и нас, ветеранов ликвидации чернобыля, тоже надо приплюсовать, числом от полумиллиона до миллиона человек (500 000-1 000 000) — на все эти миллионы живых людей остальной мир смотрит как на ходячих (непонятно каким чудом) трупов... Это что, здоровья добавляет? Вам лично, читатель, все это здоровья и цветущих лет жизни добавило б?

Я задал чернобыльским сказителям-баюнам 3-го рода, считающим, что «Чернобыля нет, потому что радиация биологически не так уж и опасна», только три вопроса. А таких вопросов можно задавать десятками.

Подобно тому, как массмедийные и «ученые» чернобыльские кудесники-факиры 2-го рода не учитывают, что человек сделан не из мертвого праха, а из живого белкового материала, хорошо организованного и упорно борющегося за свое существование, подобно этому, сказочники-беспредельщики 3-го рода все никак не могут взять в толк, что

Человек разумный, *Homo sapiens*, — не просто ходячий мешок протоплазмы, объект биологический, млекопитающее животное, — а существо с душой, психикой, единица коллективная, общественная.

И удары по психике этого существа, по сообществам, частью которых оно себя считает, такие удары не менее зловредны, злокачественны для здоровья *Homo sapiens*'а, чем прямые повреждения тела простыми физическими причинами.

Что Чернобыль и показал замечательно.

Благодаря радиации.

Невидимой, но зато легко измеряемой.

ВМЕСТО ПОСВЯЩЕНИЯ

Мы... из того единственного на земле могучего племени...

Александр Солженицын. Архипелаг ГУЛАГ

Великий Селекционер, или Первые могикане

Есть профессия, представители которой радиацию *обожают*.

Я имею в виду не журналистов, которые на лету жарят при ее помощи стаи жирных сенсационных уток.

И не ядерщиков: этих радиация просто кормит, у них вся профессия на радиоактивном распаде стоит.

Речь о биологах. *О селекционерах.*

Селекционеры радиацию обожают. Не для личного, так сказать, употребления, а как незаменимый инструмент.

Чтобы вывести новый сорт, они семена растений облучают (подчеркну — **ОЧЕНЬ** большими дозами радиации, для человека за-смертельными).

В урожае, в потомстве таких облученных семян больше, чем обычно, мутаций — генетических нарушений. То есть чаще появляются такие качества, которых у их предков не было.

Эти качества-аномалии в абсолютном своем большинстве — уродства.

Но не одни только уродства появляются от больших доз облучения! Небольшой процент облученных приобретает «ненормальности»... **ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ!** Они или более устойчивы (к засухе, морозу, вредителям), или более продуктивны, урожайны... То есть в этих особях происходит улучшение породы.

И вот эти-то зернышки селекционеры бережно отбирают, высевают, пестуют... Смотрят, передают ли они свои положительные качества потомству. Стараются эти качества ценные в потомстве закрепить и развить.

Так выводится новый сорт.

Или порода.

И Чернобыль, этот великий радиационный селекционер, облучивший миллионы людей (и кой-чему так *обучивший* их), вывел новую породу людей.

Людей, которые, слышав — «**РАДИАЦИЯ!**», — не побегут сломя голову, не замрут в парализующем ступоре страха, не... короче, не наделают кучу глупостей мыслимых и немыслимых, но и не будут разгуливать себе дальше с идиотски-блаженными улыбками, будто ничего не произошло, а спросят — кратко, делово:

— *Сколько? Рентген в час? Миллирентген в час? СКОЛЬКО? И ЧЕГО?*

А получив ответ, начнут действовать в соответствии с обстановкой.

Закрепить бы это «новое положительное качество», которого у наших родителей точно не было.

Да передать потомству.

Так, на всякий случай.

ЧУДЕСНЫЕ БЛАГОДАРНОСТИ

*...пешего, без броники Сэма только уровень 50 рентген в час
остановил... В нем вообще эта черта очень сильно была
развита — любознательность...*

*Сергей Мирный. Из рассказа «1500 рентген/час и
Сэмова история»*

*У всех видов животных, у незначительной, но постоянной
части особей каждого вида (около 5 %), исследовательский
инстинкт, инстинкт познания преобладает над
инстинктом самосохранения.*

*Наблюдение специалистов по психологии
животных*

Рассказать — значит, неизбежно исследовать.

Монография «Нарративные исследования»

*Необходимость рассказать другим наши истории стала
такой жгучей, что оттеснила самые основные жизненные
потребности.*

*Примо Леви. Если это человек. Лондон: Абакус,
1993. С. 15.*

*Прошло два месяца с тех пор, как я написал название романа
на первой чистой странице. В течение этого времени дела
мои стали плохи. Этого нужно было ожидать. Я потерял
сон. Перепады моего настроения сделали жизнь тех, кто
меня окружает, невыносимой; его спады и подъемы
определяются тем, какую страницу я пишу. Я отправился
обратно в лагерь. Я провожу там все время, ища свои
исчезнувшие следы.*

*Поль Стейнберг. Скажи и ты свое слово. Лондон:
Аллен Лейн/Пингвин, 2001. С. 103.*

Книга, которую вы держите в своих руках, — результат приключений и событий, каждое из которых настолько невероятно само по себе, что их соединение в цепочку удачи, итог которой вы только что прочли, можно справедливо считать **ЧУДОМ**.

Чуда не произошло б, если бы не:

Виктор и Тамара Мирные

Татьяна Мирная, Александра и Юрий Ушивец, Анна и Алексей Мирные

Юрий, Наташа и Лена Мирные

Александра и Николай Мирные

Татьяна Лоик

Петро и Анна Мирные

Татьяна Малярова

Олег Векленко, Сергей Нечипоренко, Алексей Бреус

Сэм Гринберг, Николай Ернтей, Николай Петрушанко, Вячеслав Оленин, Евгений Самойлов, Андрей Давыденко, Валерий Рудницкий, Евгений Олейниченко

Хайден Уайт

Инга Павленко

Джордж Сорос, Константин Курганов

экспедиционный лагерь «Экополис-Чернобыль» и Сергей Гончар; *PRIPYAT.COM* и Александр Сирота; *ЭКОТЕСТ™* и Ростислав Смук

факультет «Окружающая среда: Науки и политика» Центрально-Европейского университета (Будапешт): Рубен Мнацаканян, Эдвард Беллинджер, Олег Черп, Диана Ворзац, Золтан Иллеш, Золтан Сёч, Алан Ватт, Ирина Герцег, Криста Сабадош, Виктор Лагугов, Гергана Миладинова, Брэндон Антони

Михаил Креславский, Степан Степаньян, Валерий Чаплыгин, Владимир Иванов и Галина Тимченко, Михаил Опалев, Дмитрий и Нина Станкевичи, Андрей Овчаренко, Александр Белогорский, Михаил Ром, Сергей Титаренко, Юрий Литвинов, Андрей Брянцев, Игорь Ермолов

Александр Варяница, Александр Закревский, Юрий Рубан, Петро Третьяк

Александр Бендус, Андрей Моченков, Александр Дорожко

Ержбет Цираки, Миклош Надь, Саша Тинеи, Сильвия и Иштван Керекдьярто, Надий Сабет, Сильвия Ба, Андрей Шевелев

Анна Ястржембская, Дмитрий Мусолин, Сергей Ушакин, Карл Холл, Метью Вилкинсон, Александр Шевченко, Леван Гигинеишвили, Лиза Квин, Светлана Виноградова, Габор Хевеш

Соланж, Мишель и все семейство Фернекс

Светлана Алексиевич, Юрий Щербак, Александр Генис, Петр Вайль, Михаил Веллер, Сергей Амиразян

Александр Осипов, Катерина Бондаренко

группа «*Modern Talking*»

радио «Свобода» (и особенно Игорь Померанцев и Мария Смирнова-Фретца)

радио «Новая волна» 2001–2003 гг. (и особенно Вадим Новак)

города Чернобыль, Харьков, Полтава, Будапешт, Киев.

«...И еще многие», многие другие...»

Эта книга — памятник лучшим человеческим качествам этих людей. Мудрости природы. Красоте в самом широком смысле этого слова.

СПАСИБО.

Сергей Мирный

БОНУС ДЛЯ САМЫХ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ

А прошлых нет заслуг

Есть только ты и жизнь

С тобою только то

Что есть в тебе держись.

Сергей Мирный. Хуже радиации (Повесть, рассказы). Харьков: Каравелла, 2001. С. 157.

«Modern Talking»

You can win

if you want [Если захочешь — победишь]

Название и строка песни группы «Modern Talking»

*Тугие импульсы музыки над серыми рядами палаток.
Стереозэффект 2 громкоговорителей на столбах над
лагерем.*

*Из рабочего блокнота командира взвода
радиационной разведки*

Советский Союз «Modern Talking» завоевали в начале 1986 года.

Завоевали тотально: музыка группы «Modern Talking»

звучала абсолютно везде, на всех вечеринках и танцульках — ударно, мелодично, ярко, празднично

— ...

...и даже над палаточным лагерем 25-й бригады радиационно-химической защиты!

Что было вообще феерией! Потому что обычно в полевых лагерях Советской армии если несется что-то из жестяных рупоров на столбах, кроме распоряжений начальства и передач Центрального радио, так это бравые песни, которые иначе как солдатскими не назовешь: «Идет солдат по улице, пуговицы в ряд...», «Не плачь девчо-онка, пра-айдут дажди, салдат вернется, ты только жди...

И вдруг, вместо этого — ярко, ударно, празднично —

*You can win
if you want!*

— в диско-ритме! И в прокаленном, затоптанном шестью тысячами сапог лагере — будто свежая струя провеваает... Да еще на иностранном языке, каждый звук которого вопиет: кроме чернобыля, лагеря, зоны — есть еще другой мир: яркий, красочный, манящий...

Приедешь после разведки и всех приключений трудового дня уже никакой (а перед этим была трудовая ночь, а перед ней такой же день... и точно такая ж ночь впереди, и за ней такой же день...) — приедешь, заползешь к себе на нары, сил никаких... или кажется, что никаких...

...и вдруг — «Modern Talking»!

И в уставших было сосудах кровь в резонанс пульсирует — живей, напористой, бодрей -

*YOU CAN WIN
IF YOU WANT!*

НОВЫЕ МАРШРУТЫ РАЗВЕДКИ (Вместо PS)

*В свой последний заезд в Чернобыль, после разведки отдав
данные в штаб, я прошелся по этому городку, которого,
знал, не увижу больше никогда...*

*Сергей Мирный. Из рассказа «Чернобыльский
сувенир: Гуляя по Чернобылю в последний раз»
(глава «Местные»)*

Первый вариант этого романа был закончен в Венгрии, в Будапеште, и издан в венгерском переводе в 2006 году.

Закончив курс наук и свои исследования в Центрально-Европейском университете, проведя напоследок, как своего рода отчет о проделанной работе, международный семинар «Чернобыль и прочие: Побеждая катастрофы» (он собрал ярких, остроумных ученых и деятелей искусства из Европы и Америки^[85]), в том же 2006 году я, как выражаются военные, «выдвинулся» в Киев. Тут я теперь и обитаю.

«PRIPYAT.com», организация бывших жителей бывшего города Припять, которая проводит экскурсионные поездки в зону, чтоб не давать забыть о катастрофе и своем покинутом городе-мемориале, чтобы больше людей увидели своими глазами эти важные для нашей цивилизации места, пригласили меня на экскурсию в качестве почетного гостя. А потом и в следующие поездки — уже в качестве гида-инструктора. А потом предложили провести тренинг по радиации в Чернобыльской зоне. Что и было сделано.

Практический тренинг по радиации «Маршрут радиационной разведки»^[86] собрал несколько десятков заинтересованных женщин и мужчин из Европы и Америки. Мы проехали и промеряли самый радиационно-выразительный маршрут чернобыльской разведки 1986 года. Таковым совершенно случайно, к моему (признаюсь, приятному) удивлению, оказался маршрут «Чистоголовка — АЭС», который я сам и прокладывал (рассказы «10 рентген/час» и «1 Р/ч.: Как я видел радиацию»).

Уровни на этом маршруте теперь в тысячу раз меньше тех, что мы меряли в уже далеком 1986-м (заслуга природы, дезактиваторов — ну и наша немножко, радиационных разведчиков). У каждого участника тренинга был индивидуальный дозиметр-радиометр «Терра-П», и, согласно его показаниям, доза «разведчиков» за день составила от 0,3 до 0,9 миллирентгена (в зависимости от любознательности: кто больше мест обследовал, у того было больше; у меня лично 0,7). Такую дозу получают пассажиры современного авиалайнера за пару часов полета. Ну, и насчет этих самых пресловутых «смертельно горячих частиц» тоже все было еще раз объяснено (смотри рассказ «СИЛА ЖИВОГО: Радиация — дозы, эффекты, восприятие»).

После маршрута разведки поужинали в городке Чернобыль. В нем, кстати, уровень радиации уже давно нормальный, «дочернобыльский» — 10–20 микрорентген/час. (Хороший каламбур получился: «В городе Чернобыль — дочернобыльский уровень радиации»...)

Все остались довольны. И ужином, и тренингом.

Впечатлило меня, что для того, чтоб побыть полсуток — 12 часов — на тренинге, его участники летели несколько часов самолетом (из Германии), ехали поездом ночь (из Москвы, Одессы), сутки (из Будапешта) и даже двое с половиной суток (из Новосибирска)! И это только в одну сторону!

Опыт чернобыльских радиационных разведчиков, оказывается, людям нужен.

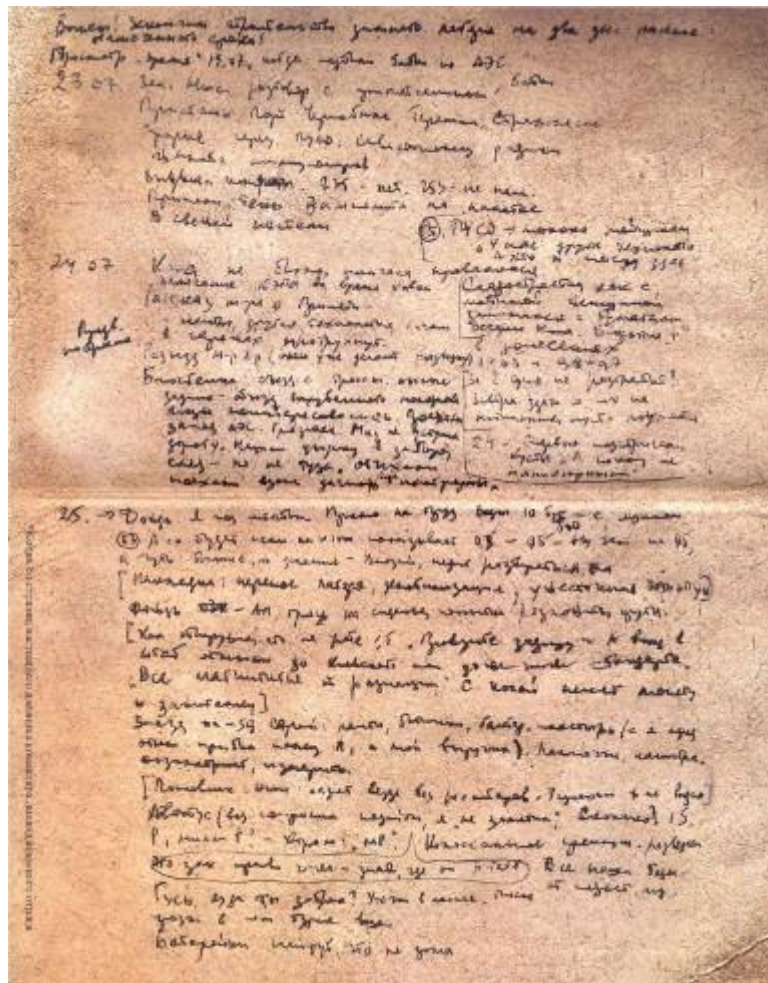
Факт этот, конечно, можно истолковывать по-разному, но лично меня это бодрит.

До встречи!

С.М.

08.08.08.

Экспедиционный лагерь «Экополис — Чернобыль» (3 км от бывшего лагеря 25-й бригады радиационно-химической защиты; уровень радиации — 12 микрорентген в час (естественный)

Примечания

1

СССР (Союз Советских Социалистических Республик; Советский Союз; 1922–1991) — огромная империя с населением около четверти миллиарда человек (1990 г.), занимавшая 1/6 часть суши планеты — всю Восточную Европу, Центральную и Северную Азию. Обладала огромными природными ресурсами и экономическим и военным (в том числе ядерным) потенциалом.

2

«Товарищ» — официальное обращение к членам Коммунистической партии СССР — единственной в стране СССР.

3

«Поселок АЭС» — на самом деле город Припять с населением 45 тысяч человек. На момент аварии был одним из самых современных и красивых городов СССР.

4

Временно исполняющий обязанности.

5

Исходя из содержания бюллетеня, я б его название перевел «За здравомыслие». Место издания — городок Fluh, Швейцария.

6

«Партизанами» прозвали резервистов, призванных из запаса на воинские сборы: им, в отличие от солдат срочной службы, выдавали обмундирование уже ношенное («бывшее в употреблении») и к тому же разных родов войск. Так что выглядели они как настоящие партизаны, да и вели себя часто соответствующе.

7

Коммунистической. Единственная в стране партия была, естественно, правящей, фактически частью аппарата управления СССР.

8

Бывшие в употреблении.

9

Имеющий в мирное время в своем составе только старших офицеров и всю материальную часть (технику, вооружение, боеприпасы, обмундирование, продукты).

10

Украинская Советская Социалистическая Республика.

11

XL.

12

27,7.

13

Военно-учетная специальность.

14

Это впечатление было обманчивым. В «лепестке» использована специальная «ткань Петрянова-Соколова», названная по имени академика-изобретателя. Она кроме того что является механическим фильтром, еще имеет и электростатический заряд, и пылинки к ней пристаю и за счет этого. Но срок работы такой ткани ограничен (обычно несколькими часами), и потом эффективность работы респиратора падает, его лучше сменить на новый. Обо всем этом никто в чернобыле (в том числе и я) не знал.

15

Тогдашний президент США Рональд Рейган и руководство СССР один другого, мягко говоря, очень не любили. Рейган обозвал Советский Союз «империей зла», а советские СМИ изображали Рейгана почти что исчадием ада, над чем народ даже подсмеивался. Характерный анекдот того времени: «Как зовут собаку Рейгана? — *Собаку Рейгана* зовут Рональдом». В 25-й бригаде трудновыговариваемые рентгены полученной дозы называли (не без ухмылки) *РЕЙГАНАМИ*.

16

Неприкосновенный запас.

17

Человек, которого власти Советского Союза (страны, почти герметически закрытой от остального мира) послали за границу в служебную командировку, а он назад в СССР не возвратился. Это считалось тягчайшим преступлением — «изменой Родине».

18

Причина моего изумления проста.

В важнейшей конторе по радиационной информации о радиационной аварии, от которой уже два с половиной месяца трясло мир, — в отделе радиационной разведки Оперативной группы Министерства обороны СССР (а СССР — это огромная империя от Тихого до Атлантического океана!) — в нашем разведотделе все это время не было обыкновенной печатной машинки! В то время как, например, у меня на гражданке их было две: одна дома (моя личная) и одна в моей лаборатории на работе... А в отделе радиационной разведки все бумаги офицеры писали от руки!

19

БТР (бронетранспортер БТР-60ПБ) — крупная (существенно больше БРДМа) бронемашинка: восьмиколенная, четырехосная, с двумя моторами. БТР предназначен для транспортирования отделения мотопехоты — десяти человек. Наверху, как и БРДМ, имеет вращающуюся башню с крупнокалиберным и противопехотным пулеметами.

20

Так в их части прозвали рентгены полученной дозы.

21

Военная автоинспекция.

22

Заместитель командира по политико-воспитательной работе.

23

КГБ — Комитет государственной безопасности СССР — организация, боровшаяся в СССР с политической неблагонадежностью, шпионажем и особо крупными и организованными уголовными преступлениями, могущими нанести ущерб стране и ее имиджу. Само звучание этих трех букв — *КГБ* — заставляло поежиться каждого подданного страны, десятки миллионов граждан которой были уничтожены по обвинениям в мнимой политической неблагонадежности или такой же мнимой «подрывной деятельности» и измене Родине. Очень не любил КГБ наш народ.

24

...воинской повинности».

25

Газета «Комсомольская правда». В то время — самая смелая и близкая к реальным проблемам и интересам людей газета.

26

Из хлопчатобумажной ткани.

27

Полнейшая чушь.

28

Цитата из поэмы Владимира Маяковского.

29

Гаршин, Всеволод (1855–1888) — писатель-гуманист, родом из Харькова. Участвовал в Русско-турецкой войне, был ранен. Прославился рассказом «Четыре дня» (рассказ раненого, пролежавшего на поле боя четыре дня). Другие известные рассказы — «Происшествие», «Трус», «Художники», «Из воспоминаний рядового Иванова», «Красный цветок», «Сигнал».

30

Юрий Левитан — диктор Центрального радио СССР. Его голосом для нескольких поколений жителей этой громадной страны вещала сама история. Левитан читал только самые важные сообщения — о начале войны, о переломных событиях на ее фронтах, о первом полете человека в космос, о смерти верховных правителей СССР, и его феноменальный голос (от которого мороз по коже пробирал) соответствовал

важности сообщаемого. Как сухо выразилась по этому поводу Большая советская энциклопедия, «обладает редким по тембру и выразительности голосом».

31

Которые были обычным, повседневным, *нормальным* явлением в СССР.

32

Ответственный за работу комсомольской организации. Комсомол — ВЛКСМ, Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи — был массовой организацией, «призванной воспитывать советскую молодежь в духе преданности идеалам...». Быть членом комсомола было практически обязательно.

33

Часть марксистской философии, изучающая общество и происходящие в нем процессы и явления.

34

Главная информационная программа телевидения СССР.

35

Сомов В. По-латыни между прочим (Словарь латинских выражений). Москва: ГИТИС, 1992. С. 94.

36

- Я теперь, наверное, и борщ дома буду мерять...

— И жене под юбкой...

— Ну, это ж такое дело... (*укр.*).

37

Во избежание недоразумений уточняю: в русском языке слово «бардак» давно уже функционирует по преимуществу не в исторически первом смысле («бордель, публичный дом»), а в возникшем из него втором — «бедлам, полнейший беспорядок».

38

В разных местностях нормальный, естественный уровень радиации по разным природным причинам разный. Обычно он от 0,010 и 0,020 миллирентген в час; в мирное время его в микрорентгенах — *миллионных* долях рентгена — выражают: 10–20 *микрорентген* в час.

39

Тонкие знатоки — молчите! Я сам знаю, что корректно эту операцию делать не с использованием относительной шкалы температур Цельсия, а абсолютной — Кельвина: $0\text{ }^{\circ}\text{C} = 273\text{ K}$, соответственно $+20\text{ }^{\circ}\text{C} = 293\text{ K}$; умножив это на 10, мы получим пугающую цифру 2930 K — *больше двух с половиной тысяч градусов Цельсия!* От тела останется... не молекулы даже — *атомы, ионы!*

40

«Гармаш» — по-украински «Пушкарь». Очень стильная Фамилия для поподавателя огнестрельного ремесла.

41

Яблоню, густо усыпанную плодами.

42

Цитируется по интервью В.А. Борисевича в книге Светланы Алексиевич «Чернобыльская молитва (хроника будущего)» (Москва: Остожье, 1997. С. 159).

43

Цитата точная. Синтаксическая ошибка в оригинале. Что само по себе достаточно красноречиво...

44

Так он сам ее называл. «Краб», если быть точным, — морская кокарда. Хотя разлапистая летная кокарда действительно больше похожа на морскую, чем на скромную сухопутную.

45

Но не сказал. Потому что такое невыдержанное заявление могло иметь очень неприятные и легко предсказуемые последствия: за Ладыжичи и им подобные «рекреационные» маршруты нам начнут писать меньшие дозы. А потом срежут дозы и за Рыжий Лес и ему подобные маршруты — чтоб они не выпирали из картины общего радиационного благополучия личного состава: именно так, на бумаге, и велась в основном «борьба с переоблучением» живой чернобыльской силы...

46

1 километр — 1000 метров — 1000 × 100 сантиметров «100 000 × 10 миллиметров» 1 000 000 мм.

47

Отсюда, кстати, ясны масштабы проблемы очистки загрязненной земли. Ну что можно сделать с грунтом на площади, например, в тысячу квадратных километров (а 1000 км² — это всего лишь квадрат 31,6 км × 31,6 км)?.. Снять его? Прикинем: если снимать слой грунта толщиной 20 сантиметров (а меньше просто не получится), то мы получим... *0,2 кубических километра!* — массив земли километр на километр в основании и 200 метров высотой... И что с этой горой делать? Куда перевозить, где прятать? И вдобавок съем верхнего, самого плодородного слоя грунта, его погрузка, транспортировка, складирование... — все это свой вред природе и работающим и живущим на этой земле людям приносит... Так что «активные дезактивационные работы» (был такой термин в ходу) на самом деле имеют очень жесткие ограничения. С природой не повоюешь...

48

Потом в эту «яму» наносились материалы с соседних участков, которые до съема грунта были менее грязны, а после стали более «высокими», — и уровень со временем выравнивался, усреднялся... Но этот средний уровень по всей этой (зачищенной плюс соседней) площади все равно был ниже, чем до дезактивации.

49

Почему именно дороги стали одним из объектов первоочередной дезактивации? На них ежедневно тысячи человек находились — пусть даже и в транспорте, в движении — и нужно было уменьшить дозу, которую эти массы людей получали, еще и не начав работать, или окончив работу — при перемещении к ее месту.

50

Уточню: летом 1986-го бывали и исключения — случаи слабого повышения уровней из-за невидимых глазу испарений, «выбросов» радиоактивных материалов из тогда еще незакрытой Саркофагом руины 4-го энергоблока (см., например, рассказ «Теплое дыхание»).

51

UN. 2002. The human consequences of the Chernobyl nuclear accident: A strategy for recovery. A report commissioned by UNDP and UNICEF with the support of UN-OCHA and WHO. 75 pp. <http://www.unicef.org/newsline/chernobylreport.pdf>; официальный перевод на русский <http://chernobyl.undp.org/russian/report/chernrep.pdf> — в отчете нет данных для Украины.

52

Вот тут мне подсказывают гипотезу: возможно, радиация даже в небольших дозах нарушает баланс флоры в кишечнике; отсюда — расстройство. Кроме того, расстройство может быть и из-за совсем простой, обычной причины — местной воды: она очень «мягкая» (в ней мало солей магния и кальция).

53

Goldsmith J. R., Merkin L., Quastel M. R., Poljak S., Kordysh E. A., Wishkerman V., and Emerit I. 1997. Evaluation of radiation exposures of Chernobyl 'liquidators'. Int. J. Occupational Environmental Health 3 (1): 51–59.

54

Тех, кто уже набрал дозу, близкую к предельно допустимой. Их «сажали на лагерный фон» (не выпускали в зону — на АЭС и в разведку), отсюда название.

55

Компактная электронная вычислительная машина. Так назывались первые настольные компьютеры (они еще не были персональными: были очень дороги и ориентированы на профессиональные сферы использования). Моя микроЭВМ на работе имела оперативную память аж 32 килобайта и возможность записи/считывания программ и данных на/с магнитофонных компакт-кассет. И все, больше никакой памяти

не было. Тем не менее даже такие «компьютеры» в умелых руках давали возможность автоматизировать и ускорить множество вычислительно-емких работ в науке и производстве.

56

Забором из колючей проволоки.

57

«Бывшей в употреблении» раньше, не первого срока носки.

58

Точно: в 7301 раз.

59

«...максимальный пробег бета-частиц ... составляет ... в мягких тканях — 2,6–3,6 см» (Комиссаренко С.В., Зак К.П. (Ред.) Радиация и иммунитет человека. Киев: Наукова думка, 1994. С. 8).

60

Более точно: «...действие бета-частиц на 20–30 % ослабляется слоем хлопчатобумажной ткани, следовательно, летняя (двухслойная) одежда снижает дозу <бета-облучения> примерно на 50 %» (Антонов В.П. Уроки Чернобыля: радиация, жизнь, здоровье. Киев: Общество «Знание» УССР, 1989. С. 33).

61

Чуть подробнее о такой важной вещи, как радиационная защита.

Первый сантиметр слоя свинца задержит половину излучения. А половина потока гамма-радиации сквозь него пройдет. Из этих 50 %, которые прошли сквозь первый сантиметр, второй сантиметр тоже задержит половину. В итоге через два сантиметра свинца пройдет только 25 % гамма-излучения, а через три сантиметра — только 12,5 %.

Толщина вещества, которая задерживает половину излучения, называется *слоем половинного ослабления*. Для свинца этот слой половинного ослабления равен приблизительно 1 см, для бетона — 10 см, для воды — тоже 10 см, грунта — 15 см, дерева — 25 см, снега — 50 см.

Как отсюда рассчитать, какую часть гамма-излучения внутрь дома, в помещение 30-сантиметровая бетонная стена дома пропускает?

Очень просто.

Слой половинного ослабления бетона — 10 см. Значит, первый его слой толщиной 10 см — только половину гамма-потока пропустит (уже хорошо); второй 10-сантиметровый слой — половину от прошедшей половины, то есть 25 % (еще лучше), а через третий, соответственно, уже только 12,5 % исходного гамма-потока пройдет. Получается, 30-сантиметровая бетонная стена снижает уровень гамма-радиации внутри дома практически в 10 раз по сравнению с наружным. (Но при этом надо следить, чтобы радиоактивные вещества «с улицы», снаружи не попадали внутрь помещений с пылью, грязью: через открытые окна-форточки, с людьми или предметами. Если радиоактивные вещества внутрь нанесут, от их излучения уже никакие стены защищать не будут, нужно помещение мыть — драить — дезактивировать.)

62

Через скважины предполагалось откачивать подземные воды на некотором расстоянии вокруг АЭС, чтобы создать под ней что-то вроде сухого подземного острова, на котором бы осталась (а не разносилась бы естественным течением вод под землей) та радиация, которая могла с дождевой водой попасть в глубь этого самого радиационно-опасного места зоны.

63

Уровень радиации более научно называется словосочетанием, от звучания которого становится как-то неуютно — «мощность экспозиционной дозы».

64

Ирония судьбы! На комнате отдела радиационной разведки еще с «довоенных» времен осталась табличка «*Інспекція держдоходів*» («Инспекция госдоходов» по-украински). Вот уж точно: «Подсчитали — прослезились»...

65

Неужели до этого трудно было допереть тем военным КБ (конструкторским бюро), научным институтам военным — тысячам человек! — которые это чудо склепали? Полагается ведь полевые испытания проводить, кучу всяких проверок делать, перед тем как в серию запускать... Диву даюсь. Сказочная страна — СССР. И, боюсь, не она одна такой оказывается, когда до чрезвычайной ситуации дело доходит...

66

Величину его можно менять в зависимости от уровней, на которых находишься.

67

Сейчас это музей-галерея «4-й БЛОК»: четыре тысячи работ лучших художников, дизайнеров, графиков из сотни стран мира. Раз в три года проводит ставшую традиционной международную выставку-конкурс — триеннале «4-й БЛОК».

68

http://zhurnal.lib.ru/b/beljakow_s/chernobyl.shtml

69

<http://www.mimyi.arwis.com>

70

Точно 1 бэр равноценен 1,14 рентгена полученной гамма- дозы (та же книга, с. 22 и 24).

71

Документ А/АС 82/Р 542 (1994 г.).

72

Это подтверждается тем, что реальный риск умереть от радиации для современного человека стоит приблизительно на сотом месте, то есть после сотни других, более вероятных причин. Эти «сто причин» намного распространеннее, и — парадокс! — именно в силу этой общности (то есть более частой случаемости, большей реальной опасности!) они меньше замечаются людьми и СМИ. А вот опасности редкие, экзотические, красочные привлекают к себе всеобщее внимание, западают в память.

73

О некоторых из них, актуальных для ветеранов Чернобыля, можно посмотреть, например (увы, пока только на английском), мою книгу *Mirnyi S. Chernobyl liquidators' health as a psycho-social trauma*. Budapest: Bogar Kiado, 2001. Chapters 2.4, 3.1 (www.mirnyi.arwis.com/book_2/2_4.html www.mirnyi.arwis.com/book_2/3_1.html).

74

Этот красивый механизм самоочистки называется «эпителиальная эскалация». («Эскалация» — это «поднимание» (все знают подъемники-эскалаторы в метро), а «эпителиальная» значит — за счет эпителия — живой ткани, выстилающей все полости тела и, в частности, образующей реснички дыхательных путей.)

75

Newsweek, June 21, 2004, p. 40.

76

Прибор корреспондента показывал «10». А на единицы измерения — что на них смотреть? — «Все ж знают, что радиация измеряется в рентгенах»... Вот и намерял... А 10 миллирентген в час там тоже никак быть не могло: если читатель помнит (рассказ «Деревня Ковшиловка: ЦВЕТЫ... и 5 миллирентген в час?»), обнаружив уровень 5 мР/ч. в деревне *за 43 км от АЭС, причем на запад, по самому высокому радиационному отрогу*, — мы были ОЧЕНЬ удивлены... Не говоря уж о том, что наш замер был *на 18 лет раньше!*

77

WISE News Communiqua N 477, September 12, 1997.

78

ORION, March-April 2004, p. 29.

79

Яркий пример: 31 мая 2001 года в городе Харькове в научном институте, связанном с ядерной энергетикой, случился пожар. Горело офисное помещение, где ничего, кроме бумаг, скрепок и дыроколов, не было. Пожар быстро потушили. Однако по городу, как огонь, распространился слух о радиоактивном заражении. Санитарно-эпидемиологическая служба Харькова поступила очень грамотно: провезла журналистов по городу, замеряя при них уровни радиации и показывая, что они нормальные. Тем не менее один из корреспондентов (тоже, наверное, товарищ «с пересохшим горлом и болезнью головой»)

решил такую неинтересную картинку несколько «взбодрить». В своем репортаже, сославшись на источник вроде «при мне на улице дети измеряли», он указал значение уровня радиации выше реального (нормального) в *5000 (пять тысяч) раз!* Город охватила паника, многие жители Харькова и пригородов выехали, вывезли своих детей. За этот опасный обман, приведший к потерям времени, средств и здоровья горожан, корреспондент и орган СМИ никакого наказания не понесли.

80

А именно теорию пределов (см. первую главу любого учебника по дифференциальному и интегральному исчислению).

81

The Chernobyl Forum. Chernobyl's legacy: Health, environmental and socio-economic impacts. 2005. P. 10.

82

Не могу не вступить за «население»: страхи эти очень даже обоснованные и здравые, и вызваны они совершенно реальной вещью: фантастически искаженной информацией о Чернобыле — и ее еще более фантастическим разнообразием! Это нормальная реакция здоровых людей на малоизвестную, непонятную, считающуюся очень страшной опасность.

83

Да ядерная-то энергетика, может быть, и может, а люди, боюсь, не вынесут индустрию, которая такие подарки будет хотя б раз в десятилетие преподносить...

84

Что касается точного количества пострадавших, то тут можно поспорить: думаю, оно кудесниками 3-го рода занижено раз этак в 100... Но в фантастически фантастической области знания... точнее, фантастически фантастического НЕзнания о Чернобыле, с ее 100 000-кратными занижениями в одну сторону и 1 000 000-кратными преувеличениями в другую (то есть с общим диапазоном искажений в сто миллиардов раз! — астрономическая величина степени сказочности!) — в такой вот фантареальности чернобыльского, хм, «сказко-знания» — «легкое занижение» *всего лишь (!)* в 100 раз можно считать почти идеалом кристально чистой правды...

85

Chernobyl, etc.: Coping with Disasters. Interdisciplinary Workshop. Central European University, Budapest 16–18 March 2006. [http://www.pasts.ceu.hu/index.php?id=42&tx_ttnews\[tt_news\]=108&tx_ttnews\[backPid\]=21&cHash=a5f2a93284](http://www.pasts.ceu.hu/index.php?id=42&tx_ttnews[tt_news]=108&tx_ttnews[backPid]=21&cHash=a5f2a93284)

86

<http://forum.pripyat.com/showthread.php?t=1918>

(англ. форум — <http://forum.pripyat.com/showthread.php?tel919>)

Фотоотчеты и фоторепортажи: <http://darkness-s.livejournal.com/7242.html#cutid1>

<http://darkness-s.livejournal.com/7624.html?view=97736>

<http://darkness-s.livejournal.com/7915.html?view=98027>

<http://www.flickr.com/photos/12417479@N00/sets/72157602046959528>

<http://www.pcmoldovann.com/archives/2007/09/18/radiation-reconnaissance-mission-in-the-chornobyl-exclusion-zone>

http://auto.pripyat.com/wp-content/gallery/tr/album_53.html

<http://www.paranoid.com.ua/gallery/thumbnails.php?album=18>

<http://www.4block.org/ru/events> (краткое, но емкое эссе почетного гостя тренинга, художника Олега Векленко, бывшего офицером 25-й чернобыльской бригады в два первых, самых тяжелых месяца ликвидации последствий аварии)